

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ISSN 2073-2929

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА

Международный научно-аналитический журнал

№ 3 (25) • 2018

Тема номера:

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Информационная поддержка: пресс-служба Евразийской экономической комиссии

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 199004, Санкт-Петербург,
В.О., 8-я линия, д. 61
Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Факс: (812) 335-42-16
E-mail: antonova-ev@ranepa.ru

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2018
- © Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2018
- © Редакция журнала «Евразийская интеграция: экономика, право, политика» (составитель), 2018
- © Все права защищены

THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY
AND PUBLIC ADMINISTRATION
NORTH-WEST INSTITUTE OF MANAGEMENT

ISSN 2073-2929

EURASIAN INTEGRATION:

ECONOMICS, LAW, POLITICS

International Scientific and Analytical Journal

№ 3 (25) • 2018

Topic of the Issue:
ENVIRONMENTAL CHALLENGES OF THE GLOBAL ECONOMY

Information support: press service of the Eurasian Economic Commission

ADDRESS OF THE EDITORIAL OFFICE: 199004, St. Petersburg,
V.O., 8th line, 61
Ph.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Fax: (812) 335-42-16
E-mail: antonova-ev@ranepa.ru

- © Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2018
- © North-West Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2018
- © Editorial Board of the Journal "Eurasian Integration: Economy, Law, Policy" (compilation), 2018
- © All rights reserved

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГЛАЗЬЕВ Сергей Юрьевич, советник Президента Российской Федерации, академик Российской академии наук, доктор экономических наук

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СОВЕТ

ШАМАХОВ Владимир Александрович, Председатель международного научного совета, директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук

АЛИМБЕКОВ Мусабек Тургынбекович, почетный профессор Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, доктор юридических наук

БЕБЕНИН Сергей Михайлович, Председатель Законодательного собрания Ленинградской области

БОНДУРОВСКИЙ Владимир Владимирович, заместитель Ответственного секретаря ПА ОДКБ, кандидат юридических наук

ЖАКЫПОВА Фатима Надыровна, ректор Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан, доктор экономических наук

КОГУТ Виктор Григорьевич, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Национального собрания Республики Беларусь в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат политических наук

КУЧЕРЯВЫЙ Михаил Михайлович, вице-губернатор Санкт-Петербурга, заведующий кафедрой международной и национальной безопасности Северо-Западного института управления РАНХиГС, доктор политических наук

ЛОКЯН Арсен Багдасарович, ректор Академии государственного управления Республики Армения, доктор психологических наук

МАКСИМЦЕВ Игорь Анатольевич, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук

НАСЫРОВ Алмаз Турусбекович, ректор Академии государственного управления при Президенте Кыргызской Республики, кандидат экономических наук

ПАЛЬЧИК Геннадий Владимирович, ректор Академии управления при Президенте Республики Беларусь, доктор педагогических наук

РАХИМОВ Фарход Кодирович, президент Академии наук Республики Таджикистан, доктор физико-математических наук

РАХИМОВ Ибод Хабибулаевич, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Маджлиси Оли Республики Таджикистан в МПА СНГ, ПА ОДКБ

САТВАЛДИЕВ Нурбек Абдрашитович, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Жогорку Кенеша Кыргызской Республики в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат политических наук

ХАНЬ Лихуа, директор Института Конфуция Российского государственного гуманитарного университета, старший научный сотрудник Университета международного бизнеса и экономики (Китай), PhD, профессор

ЧИЛИНГАРЯН Айк Марселоич, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Национального Собрания Республики Армения в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат экономических наук

ШУХНО Сергей Степанович, директор Департамента развития интеграции Евразийской экономической комиссии

ЭРКЕБАЕВ Абдыганы Эркебаевич, академик Национальной академии наук Кыргызской Республики, доктор философских наук

ЯКУНИН Владимир Иванович, заведующий кафедрой государственной политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор политических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

КЕФЕЛИ Игорь Федорович, заместитель главного редактора, директор Центра геополитической экспертизы Северо-Западного института управления РАНХиГС, доктор философских наук

АКАЕВ Аскар Акаевич, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, иностранный член Российской академии наук, доктор технических наук

АСАУЛ Максим Анатольевич, заместитель директора Департамента транспорта и инфраструктуры Евразийской экономической комиссии, доктор экономических наук

ДЕНИСОВ Андрей Иванович, посол Российской Федерации в Китайской Народной Республике, Чрезвычайный и полномочный посол, кандидат экономических наук

ЕНГОЯН Ашот Пайлакович, заведующий кафедрой теории и истории политической науки Ереванского государственного университета, доктор политических наук

ЕРЕМЕЕВ Станислав Германович, ректор Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, доктор экономических наук

КАЗАНЦЕВ Андрей Анатольевич, директор аналитического центра Института международных исследований Московского государственного института международных отношений, доктор политических наук

КАЮМОВ Нуриддин Каюмович, профессор, академик Академии наук Республики Таджикистан, доктор экономических наук

КИРИЛЕНКО Виктор Петрович, заведующий кафедрой международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления РАНХиГС, доктор юридических наук

КРОТОВ Михаил Иосифович, руководитель аппарата Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, доктор экономических наук

КУКЛИНА Евгения Анатольевна, профессор Северо-Западного института управления РАНХиГС, доктор экономических наук

ЛЕБЕДЕВА Марина Михайловна, заведующая кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений, доктор политических наук

ЛИБЕРОВСКИЙ Алексей Алексеевич, научный руководитель юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета, заведующий кафедрой конституционного права, доктор юридических наук

ЛУППОВ Игорь Федорович, профессор кафедры политологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор политических наук

МИШАЛЬЧЕНКО Юрий Владимирович, профессор кафедры международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления РАНХиГС, доктор экономических наук, доктор юридических наук

НОВИКОВА Ирина Николаевна, декан факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук

РЕМЫГА Владимир Николаевич, генеральный директор Координационного центра «Экономический пояс Шелкового пути», доктор экономических наук

СЕРГЕВНИН Сергей Львович, заведующий кафедрой истории и теории государства и права Северо-Западного института управления РАНХиГС, доктор юридических наук

СЛУЧЕВСКИЙ Вячеслав Владимирович, советник директора Северо-Западного института управления РАНХиГС, кандидат исторических наук

СТАРОВОЙТОВ Александр Александрович, заведующий кафедрой конституционного и административного права Северо-Западного института управления РАНХиГС, доктор юридических наук

ТОРОПЫГИН Андрей Владимирович, профессор Северо-Западного института управления РАНХиГС, доктор политических наук

ХАШ-ЭРДЭНЭ Самбалхундэвийн, профессор, председатель общества «Знание» Монголии, доктор социологических наук

ЧЕНЬ ЧЖИГАН, вице-президент Китайского делового центра в Санкт-Петербурге, доктор экономических наук

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА

КЕФЕЛИ Игорь Федорович, руководитель редакции журнала

КИРИЛЕНКО Виктор Петрович, редактор раздела «Право»

КУКЛИНА Евгения Анатольевна, редактор раздела «Экономика»

САИДАМИРОВ Баходур Шовалиевич

СЛУЧЕВСКИЙ Вячеслав Владимирович

ТОРОПЫГИН Андрей Владимирович, редактор раздела «Политика»

CHIEF EDITOR

GLAZYEV Sergey, advisor to the President of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics

INTERNATIONAL SCIENTIFIC COUNCIL

SHAMAKHOV Vladimir, Chair of the International Scientific Council, Director of the North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Economics

ALIMBEKOV Musabek, honorary professor of the L. N. Gumilyov Eurasian National University, Doctor in Law

BEBENIN Sergey, Chair of the Legislative Assembly of the Leningrad Region

BONDUROVSKY Vladimir, Deputy Executive Secretary of the CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Law

ZHAKYPOVA Fatima, Rector of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Economics

KOGUT Viktor, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the National Assembly of the Republic of Belarus in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Political Science

KUCHERYAVY Mikhail, Vice-Governor of St. Petersburg, Doctor of Political Sciences

LOKYAN Arsen, Rector of the Academy of Public Administration of the Republic of Armenia, Doctor of Psychology

MAKSIMTSEV Igor, Rector of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Economics

NASIROV Almaz, Rector of the Academy of Public Administration under the President of the Kyrgyz Republic, PhD in Economics

PALCHIK Gennady, Rector of the Academy of Management under the President of the Republic of Belarus, Doctor of Pedagogical Sciences

RAHIMOV Farhod, President of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Doctor of Physics and Mathematics

RAHIMOV Ibod, Deputy Secretary General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the Majlisi Oli of the Republic of Tajikistan to the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly

SATVALDIEV Nurbek, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the Jogorku Kenesh of the Kyrgyz Republic in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Political Science

HAN Lihua, Director of Confucius Institute of Russian State University for the Humanities, Senior Researcher of University of International Business and Economics (China), PhD, Professor

CHILINGARYAN Ayk, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the National Assembly of the Republic of Armenia in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Economics

SHUKHNO Sergey, Director of the Integration Development Department of the Eurasian Economic Commission

ERKEBAYEV Abdygany, Academician of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Doctor of Philosophy

YAKUNIN Vladimir, Head of the State Policy Department of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Political Sciences

EDITORIAL BOARD

KEFELI Igor, Deputy Chief Editor, Director of the Center for Geopolitical Expertise of the North-West Institute of Management of RANEPa, Doctor of Philosophy

AKAEV Askar, professor of Lomonosov Moscow State University, foreign member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Technical Sciences

ASAUL Maksim, Deputy Director of the Department of Transport and Infrastructure of the Eurasian Economic Commission, Doctor of Economics

DENISOV Andrey, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation to the People's Republic of China, PhD in Economics

ENGOYAN Ashot, Head of the Department of Theory and History of Political Science of Yerevan State University, Doctor of Political Sciences

YEREMEEV Stanislav, Rector of the Pushkin Leningrad State University, Doctor of Economics

KAZANTSEV Andrei, Director of Analytical Center, Institute of International Studies of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Doctor of Political Sciences

KAYUMOV Nuriddin, Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Doctor of Economics

KIRILENKO Viktor, Head of the Department of International and Humanitarian Law, North-West Institute of Management of RANEPA, Doctor in Law

KROTOV Mikhail, the Chief of staff of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation Committee on Issues of the Commonwealth of Independent States and Contacts with Fellow Countryman, Doctor of Economics

KUKLINA Evgenia, Professor of the North-West Institute of Management of RANEPA, Doctor of Economics

LEBEDEVA Marina, Head of the Department of World Political Processes of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Doctor of Political Sciences

LIVEROVSKY Alexey, Scientific Director of the Faculty of Law of St. Petersburg State University of Economics, Head of the Department of Constitutional Law, Doctor in Law

LUPPOV Igor, Professor of the Department of Political Science of the Herzen Russian State Pedagogical University, Doctor of Political Sciences

MISHALCHENKO Yuri, Professor of the Department of International and Humanitarian Law of the North-West Institute of Management of RANEPA, Doctor of Economics, Doctor in Law

NOVIKOVA Irina, Dean of the Faculty of International Relations of St. Petersburg State University, Doctor of History

REMYGA Vladimir, Director-General of the Coordination Center "Economic Belt of the Silk Road", Doctor of Economics

SERGEVNIN Sergey, Head of the Department of History and Theory of State and Law of the North-West Institute of Management of RANEPA, Doctor in Law

SLUCHEVSKY Vyacheslav, Advisor to the Director of the North-West Institute of Management of RANEPA, PhD in History

STAROVOITOV Alexander, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law of the North-West Institute of Management of RANEPA, Doctor in Law

TOROPYGIN Andrei, Professor of the North-West Institute of Management of RANEPA, Doctor of Political Sciences

KHASH-ERDENE Sambalhundeivin, Professor, Chairman of the society «Knowledge» of Mongolia, Doctor of Sociological Sciences

CHEN ZHIGAN, Vice-President of the Chinese Business Center in St. Petersburg, Doctor of Economics

EDITORS

KEFELI Igor, Head of the Editorial Board

KIRILENKO Viktor, editor of the "Law" section

KUKLINA Evgenia, editor of the "Economics" section

SAIDAMIROV Bakhodur

SLUCHEVSKY Vyacheslav

TOROPYGIN Andrey, editor of the "Politics" section

Содержание

От главного редактора

- 10 Глазьев С. Ю.**
Созидание Арктики для созидания Евразии

ГЛАВНОЕ

- 12 Шамахов В. А.**
Экологическая безопасность и интеграционные процессы освоения Арктики

ЭКОНОМИКА

- 17 Акаев А. А., Яковец Ю. В.**
Стратегическое партнерство России и США: исторический опыт и перспективы
- 27 Куклина Е. А.**
Устойчивое развитие и новые вызовы энергетического рынка: поправка на «New Normal»
- 36 Леплинский Ю. И.**
Использование экологической мифологии в целях придания легитимности процессу глобализации

ПРАВО

- 45 Демидов Д. Г., Михайлов Н. Д.**
К проблеме реализации обеспечения обязательств государств по международным договорам
- 49 Кириленко В. П., Алексеев Г. В., Воротников А. Ю.**
Влияние фрагментации международного права на работу ООН
- 55 Мишальченко Ю. В., Торопыгин А. В., Полунина А. В.**
Правовое закрепление института международных неправительственных организаций в законодательстве государств СНГ

ПОЛИТИКА

- 60 Кефели И. Ф.**
Большая Евразия: цивилизационное пространство и проектирование будущего
- 69 Торопыгин А. В.**
Ограничения торговли и торговые санкции сквозь призму прав человека
- 81 Шевчук Н. В.**
Интернационализация российского образования: анализ экспертных оценок

ЕВРАЗИЙСКАЯ ХРОНИКА

- 87** Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии в области экономического сотрудничества
- 92** Тигран Саркисян: «Цифровизация для стран ЕАЭС может стать «ГОЭЛРО-2»
- 93** С глазу на газ: лидеры ЕАЭС договорились об общем энергетическом рынке
- 95** Экономическая безопасность — ключевое звено коллективной безопасности государств — членов ОДКБ
- 99** Рекомендации Международной научно-практической конференции по проблематике экономической безопасности как неотъемлемой составляющей коллективной безопасности и межпарламентских слушаний «Военно-политические и политико-экономические факторы, влияющие на формирование общности стратегических интересов государств — членов ОДКБ, в контексте тенденций субрегиональной безопасности»

РЕЦЕНЗИИ

- 102 Шевченко В. Н.**
Рецензия на монографию «Глобальный мир: столкновение интересов»
- 104** Книжные новинки
- 105** Правила оформления статей, принимаемых к рассмотрению редакцией международного научно-аналитического журнала «ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА»

Contents

From the Editor-in-Chief

- 10 Sergei Y. Glazyev**
Creation of the Arctic for Creation of Eurasia

THE MAIN

- 12 Vladimir A. Shamakhov**
Environmental Security and Integration Processes of the Arctic

ECONOMICS

- 17 Askar A. Akayev, Yuri V. Yakovets**
The Strategic Partnership between Russia and the United States: Historical Experience and Prospects
- 27 Evgenia A. Kuklina**
Sustainable Development and New Challenges of the Energy Market: Amendment on «New Normal»
- 36 Yuri I. Leplinskiy**
The Use of Environmental Mythologies In Order To Legitimize the Globalization

LAW

- 45 Dmitry G. Demidov, Nikita D. Mikhailov**
To the Problem of Realizing the Provision of Obligations of States under International Treaties
- 49 Viktor P. Kirilenko, Georgy V. Alekseev, Aleksey Yu. Vorotnikov**
Influence of the Fragmentation of International Law on the Work of the United Nations
- 55 Yuri V. Mishalchenko, Andrey V. Toropygin, Anastasia V. Polunina**
Legal Consolidation of the Institute of International Non-Governmental Organizations in the Legislation of the Countries of the CIS

POLITICS

- 60 Igor F. Kefeli**
Great Eurasia: Civilizational Space and Designing the Future
- 69 Andrey V. Toropygin**
Trade Restrictions and Trade Sanctions through the Prism of Human Rights
- 81 Nina V. Shevchuk**
Internationalization of Russian Education: an Analysis of Expert Assessments

EURASIAN CHRONICLE

- 87** The memorandum on understanding among the Eurasian Economic Commission and the Association of Southeast Asian Nations in the field of economic cooperation
- 92** Tigran Sargsyan: Digitalization for the countries of EAEU can become GOELRO-2
- 93** One-on-one on gas: leaders of EAEU agreed about the common energy market
- 95** Economic security — a key link of collective security of member states of the CSTO
- 99** Recommendations of the International scientific and practical conference “Military-political and Political and Economic Factors Influencing Formation of Community of Strategic Interests of Member States of the CSTO in the context of Trends of Subregional Security” (on November 28, 2018, St. Petersburg)

REVIEWS

- 102 Vladimir N. Shevchenko**
Review of the monograph “Global World: Clash of Interests”
- 104** Book novelties
- 105** *Rules for authors of the articles, admitted to the editorial office of the international scientific and analytical journal “EURASIAN INTEGRATION: ECONOMY, LAW, POLICY”*

Созидание Арктики для созидания Евразии

Creation of the Arctic for Creation of Eurasia

Sergei Y. Glazeyev

Advisor to the President of the Russian Federation, Doctor of Science (Economics), Professor, Academician of the RAS, Moscow, Russian Federation; <http://glazeyev.ru/>

Специфика новых технологического и мирохозяйственного укладов, о сущности которых мы с известной периодичностью напоминаем уважаемому читателю в контексте геоэкономических трансформаций, предопределяющих согласованную линию поведения государств — членов ЕАЭС, позволяет комплексно подходить к моделированию экономического развития стран и регионов на ближайшие декады. Это моделирование учитывает не только сугубо экономические аспекты развития, но и институциональные, социокультурные, антропологические, экологические. Проблематика экологических рисков с точки зрения их воздействия на воспроизводство сложных народно-хозяйственных систем, при всей кажущейся изученности и злободневности, как правило, оттеняется другими, «глобальными» вопросами, поэтому ей принято уделять второстепенное внимание. Все мы, конечно, понимаем, что это не совсем правильный подход.

Отношение к экологическим проблемам и возобновлению природных ресурсов так же, как требования к качеству среды обитания, — важнейшие маркеры зрелости государства, ведь в конечном счете от этого зависит благополучие граждан, их социальное самочувствие. В этом контексте неслучайно обращение «ЕИ» к тематике экологической безопасности в свете амбициозных задач предстоящего политического цикла, которые стоят и перед Россией (экономический рост с темпом выше среднемирового в среднесрочной перспективе), и перед ее партнерами по евразийской экономической интеграции.

Не могу не отметить справедливость заявленной моим коллегой и добрым товарищем, директором Северо-Западного института управления РАНХиГС В. А. Шамаховым темы его заглавной статьи. В ней вопросы экологической безопасности рассматриваются под призмой долгосрочных интересов России (и ЕАЭС в целом) в Арктическом регионе. О последнем как о стратегическом звене транспортно-коммуникационного каркаса Евразии и крайне чувствительной к любым экзогенным воздействиям экосистемы необходимо думать постоянно, совмещая продуктивную хозяйственную деятельность по его освоению с бережным отношением к чрезвычайно хрупкому природному авуару. Словом, значение развития Арктики для народно-хозяйственного комплекса России не поддается измерению. Речь идет не только о значительных запасах полезных ископаемых, в частности углеводородов, и не только о возобновляемых природных ресурсах, прежде всего, рыбных. Это и Северный морской путь, который с потеплением климата становится все более доступным для перевозки грузов между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом. Это — самый короткий и потенциально дешевый путь, связывающий два крупнейших центра развития мировой экономики. Но главное заключается в климатическом значении Арктики не только для России, но и для всей Евразии. Мы должны бережно относиться к арктической экосистеме: любое нарушение ее равновесия чревато самыми серьезными последствиями для всего нашего образа жизни. При потеплении климата, а в Арктике оно идет вдвое интенсивнее, чем на планете в целом, возможны, например, спонтанные выбросы метана, замороженного в настоящее время в вечной мерзлоте, что, в свою очередь, усиливает потепление климата. Или наоборот, загрязнение Атлантики ведет к разрушению Гольфстрима и сокращению подачи тепла к нашему побережью Арктики. Вызываемое этим процессом похолодание может привести к круглогодичному замерзанию устьев северных рек и, соответственно, к затоплению гигантских территорий Сибири. Так что к Арктике нужно относиться очень бережно и по-научному, а не как к подарку природы.

**Глазьев
Сергей
Юрьевич**

Советник
Президента РФ,
доктор
экономических
наук,
академик РАН

Сегодня геоэкономическая борьба в этом регионе идет за распределение шельфа, находящегося в национальной юрисдикции арктических стран. По мере исчерпания разведанных запасов природных ресурсов, особенно углеводородов, схватка за разграничение арктического шельфа между причастными к нему странами становится все более драматичной и бескомпромиссной. Между тем для рационального природопользования здесь нужен консенсус. По меньшей мере общий режим природопользования, поскольку чрезмерное загрязнение в одном месте может аукнуться негативными последствиями для всех. Предполагаю возможность договоренности между странами о совместном контроле за биоресурсами и о мониторинге природопользования. В этом противоборстве Россия обладает, прежде всего, географическими преимуществами: на нашу страну приходится самый крупный сектор Арктики. Если бы у нас не была украдена Аляска, мы были бы доминирующей в Арктике страной. У России, в отличие от США, права на арктический шельф исторически обоснованы. И, как показали недавние географические изыскания, этот шельф уходит по хребту Ломоносова далеко в океан, почти до Северного полюса. Второе наше преимущество — знание Арктики. Мы живем в этом регионе, здесь расположены крупные города, постоянно ведется обширная хозяйственная деятельность. Наши географические, геологические, биологические экспедиции буквально «пробурили» всю российскую часть Арктики. Ежегодные экспедиции на дрейфующих льдинах обеспечивают постоянное присутствие в Северном Ледовитом океане наших ученых, а Северный морской путь — единственная в этом океане трансконтинентальная транспортная артерия. Арктика надежно защищена нашими вооруженными силами.

Естественные преимущества России в Арктическом регионе нуждаются в подкреплении целеполаганием и надежными инструментами денежно-кредитной поддержки, ведь, помимо всего прочего, освоение Арктики — дело капиталоемкое. Прежде всего нужен системный подход с четко определенными приоритетами. Я бы выделил следующие из них: обустройство Северного морского пути и развитие необходимого для этого флота, восстановление сети метеорологических пунктов и создание климатических станций современного технического уровня, экологические мероприятия, геологоразведка, прокладка трансполярных авиационных маршрутов. Необходимо желание, финансирование, организация и, конечно, долгосрочное планирование.

Я бы предложил создание государственной Корпорации развития Арктики, наделенной необходимыми финансовыми, научными и производственными ресурсами. Наличие такого центра компетенции позволило бы обеспечить всестороннюю кредитно-финансовую поддержку: эффективные инструменты долгосрочного кредитования хозяйственной деятельности, налоговые вычеты на расходы по проведению природозащитных мероприятий, а там, где это необходимо (традиционные промыслы), освобождение от налогов. Кроме того, такая корпорация могла бы оценить целесообразность предоставления субсидий на создание электрогенерирующих мощностей по возобновляемым источникам энергии — ветровой, геотермальной и др. Могу предположить, что при рачительном государственном подходе такая целесообразность будет оценена как высокая. Подчеркну, при «государственном подходе», ведь частнопредпринимательскую инициативу в регионе можно ожидать только тогда, когда туда придут государственные инвестиции не только в инфраструктурные проекты, но и в создание крупных производств, создающих возможности для работы малых и средних предприятий. Частный сектор естественно нуждается в госгарантиях возвратности крупных инвестиций.

И еще одно. Если говорить об институализации управления развитием Арктики в форме создания профильного ведомства, то я не сторонник такого организационного решения. Даже в СССР не видели нужды в создании такого министерства, ведь освоение Арктики — это межведомственная задача, для решения которой лучше подходят коллегиальные органы, вырабатывающие общие для всех участников планы. В нашей системе управления нужна, во-первых, комплексная программа развития Арктики, включающая цели, долгосрочный прогноз, мониторинг, показатели и механизмы реализации. Если подготовительная работа будет проделана быстро и качественно с приглашением к этой масштабной задаче наших партнеров по евразийской интеграции, то мы сумеем построить надежную основу для нашего дальнейшего сотрудничества, в том числе по прокладке магистралей Большого евразийского партнерства.

Экологическая безопасность и интеграционные процессы освоения Арктики

Шамахов В. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; shamahov-va@sziu.ranepa.ru

РЕФЕРАТ

При разработке и реализации государственной стратегии органы государственной власти должны учитывать потенциал интеграционных процессов. Экологическая повестка дня формирует условия для развития международного сотрудничества и реализации совместных проектов. Интеграционный потенциал Арктики может в настоящее время быть реализован в сотрудничестве с другими игроками мирового рынка.

Цель: определение экологической повестки дня в условиях развития международного сотрудничества, реализации совместных проектов и развития интеграционного потенциала Арктики.

Методы: поставленная цель достигается посредством применения как общих (системный метод, синтез, обобщения), так и специальных научных методов. Источниковую базу составили официальные документы органов государственной власти Российской Федерации.

Результаты: экологическая безопасность является одной из важнейших составляющих национальной безопасности. Однако в периоды переустройства политических процессов, экономического кризиса и трансформации социальной структуры общества экологические проблемы оказываются в тени, как это представляется в обществе, более актуальной проблематики. Экосистемы Арктики являются наиболее уязвимыми в сопоставлении с экосистемами других природных зон. Это требует особого отношения к проблемам экологической безопасности.

Выводы: сделан вывод о том, что интеграционный потенциал Арктики в настоящее время может быть реализован в сотрудничестве с другими игроками мирового рынка. В этой связи является недопустимой ситуация, при которой на территории одного из государств арктического клуба предоставляются заниженные требования по проведению мероприятий природоохранного характера. Необходима разработка общей экологической повестки дня при реализации интеграционных проектов.

Ключевые слова: природные ресурсы, транзит, международное сотрудничество, Арктика, интеграция, экологическая безопасность

Environmental Security and Integration Processes of the Arctic

Vladimir A. Shamakhov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; shamahov-va@sziu.ranepa.ru

ABSTRACT

When designing and implementing the State strategy of the public authorities must take into account the potential of integration processes. The environmental agenda forms the conditions for the development of international cooperation and the implementation of joint projects. Potential for integration of the Arctic can now be implemented in cooperation with other players in the world market.

Objective: to define the environmental agenda in the context of international cooperation, implementation of joint projects and development of the integration potential of the Arctic region.

Methods: the goal is achieved through using of both general (system method, synthesis, generalization) and special scientific methods. The source base consists of official documents of the state authorities of the Russian Federation.

Results: environmental safety is one of the most important components of national security. However, in periods of restructuring of political processes, economic crisis and transformation of the social structure of society, environmental problems are in the shadow of more relevant issues, as it seems in society. Arctic ecosystems are the most vulnerable in comparing with ecosystems of other natural zones. This requires a special attitude to the problems of environmental safety.

Conclusions: the integration potential of the Arctic can now be realized in cooperation with other players of the world market. In this regard, it is unacceptable situation in which the territory of one of the states of the Arctic club are provided with understated requirements for environmental activities. It is necessary to develop a common environmental agenda for the implementation of integration projects.

Keywords: natural resources, transit, international cooperation, Arctic, integration, environmental safety

Исторический опыт свидетельствует, что периоды экономического роста, политической и социальной стабильности неразрывно связаны с возрастанием в обществе интеграционных процессов, стремлением к совместному решению проблем социально-экономического развития. Примеры

государств, взявших курс на самоизоляцию, свидетельствуют о губительности пути своего противопоставления окружающему миру. В настоящее время при разработке и реализации стратегий долгосрочного развития органам государственной власти уже невозможно игнорировать потенциал интеграционных процессов. Определяя свои стратегические приоритеты, современное государство не может не принимать во внимание интересы других участников международных отношений. Взаимоуважение и поиск компромиссов в решении общих проблем должны в конечном итоге прийти на смену конфронтации, методам санкционного давления, попыткам принуждения суверенных государств к принятию решений, противоречащих их национальным интересам.

Одним из важнейших слагаемых системы национальных интересов современного государства является защита окружающей среды, бережное отношение к природе, создание благоприятных условий проживания для будущих поколений. Экологическая безопасность является одной из важнейших составляющих национальной безопасности Российской Федерации¹. В процессе формирования основ интеграционных процессов, в которые вовлечена Российская Федерация, при выборе методов достижения целей и реализации планов совместной работы является важным учет ограничений и требований к ведению хозяйственной деятельности, устанавливаемых необходимостью защиты состояния окружающей среды, сохранения баланса в экосистемах и прочих мер, направленных на обеспечение экологической безопасности.

В периоды переустройства политических процессов, экономического кризиса и трансформации социальной структуры общества экологические проблемы оказываются в тени, как это представляется в обществе, более актуальной проблематике. Однако отсутствие должного внимания к экологическим проблемам не означает отсутствие этих проблем. Речь может идти только о том, что их решение перекладывается на плечи будущих поколений. 2017 г. в России был объявлен годом экологии². Решение Президента было обусловлено необходимостью привлечения внимания общества к экологической проблематике в России, принятия безотлагательных мер для сохранения биологического разнообразия и обеспечения экологической безопасности. В настоящее время можно утверждать, что экологический императив стал неотъемлемой составляющей разработки и реализации государственной политики, определения стратегических перспектив развития Российской Федерации.

Подтверждением выбранного курса является содержание политики России в Арктике. Повышенный интерес к этому региону не случаен. Во-первых, здесь сосредоточены огромные запасы природных ресурсов. Так, запасы нефти оцениваются на уровне 10 млрд т, а это около 4% от разведанных общемировых запасов. Запасы газа оцениваются более 1500 трлн кубометров. И большая их часть находится в той части Арктики, на которую обоснованно претендует Российская Федерация. На Арктическом побережье России расположены уникальные запасы золота, алмазов, платиноидов, никеля, меди и других востребованных на мировом рынке полезных ископаемых [1]. Во-вторых, Арктика предоставляет уникальную возможность изменения традиционных маршрутов транспортировки грузов. Северный морской путь позволяет сократить путь из Мурманска в Иокогаму (Япония), который традиционно проходил через Суэцкий канал, в 2,2 раза и, в сравнении с маршрутом через Панамский канал, в Ванкувер (Канада) — в 1,8 раза. Маршрут из Роттердама (Нидерланды) до Иокогамы по Северному морскому пути сократится в полтора раза, а до Ванкувера — в 1,3 раза [6, с. 28]. В-третьих, освоение Арктики требует нового качества интеграции и развития международного сотрудничества, в первую очередь — стран, претендующих на освоение природных ресурсов этого региона, так называемой «арктической пятерки» — США, Канады, Дании, Норвегии и России [7].

Очевидно, что все вышеуказанные вопросы требуют комплексного решения. Разработка месторождений полезных ископаемых формирует грузопотоки и требует развития транспортной инфраструктуры. Развитие транспортных маршрутов Северного морского пути требует усиления процессов интеграции и международного сотрудничества не только стран арктической пятерки, но и других стран, заинтересованных в освоении ресурсов Арктики [5]. По сути дела, речь идет о новом формате международной интеграции, реализации на практике перспективных и стратегически значимых принципов сотрудничества и взаимодействия.

Освоение Арктической зоны теснейшим образом связано с решением вопросов экологической безопасности [9]. Во-первых, экосистемы Арктики являются наиболее уязвимыми в сопоставлении

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683.

² О проведении в Российской Федерации Года экологии. Указ Президента Российской Федерации от 05.01.2016 № 7 (в ред. Указа Президента Российской Федерации от 03.09.2016 № 453).

с экосистемами иных природных зон. В силу климатических особенностей здесь крайне медленно происходит их восстановление от антропогенного воздействия. Хозяйственная деятельность в этих условиях предполагает определенные ограничения и выполнение требований, продиктованных необходимостью сохранения устойчивости экосистем. Отсутствие должного внимания к этому обстоятельству не дает необходимых условий для ведения традиционных форм хозяйствования этого региона, лишает материальной основы для развития коренных народов зоны Арктики. Во-вторых, речь идет о слабо освоенных территориях, где отсутствуют многие объекты инфраструктуры, связанные с утилизацией отходов хозяйственной деятельности и минимизацией антропогенного воздействия на состояние окружающей среды. В этой связи необходимо предусмотреть меры по ликвидации экологического ущерба, который был нанесен Арктической зоне Российской Федерации в прошлые годы. Является актуальной разработка и реализация правовых и экономических механизмов, стимулирующих рациональное природопользование, препятствующих применению тех форм ведения хозяйства, которые способны нанести непоправимый ущерб состоянию окружающей среды. В-третьих, в условиях увеличения интенсивности экономической деятельности требуют решения вопросы мониторинга состояния окружающей среды, негативного антропогенного воздействия, предупреждения и ликвидации последствий от чрезвычайных ситуаций техногенного характера.

Вышеуказанные факторы были учтены в утвержденных Президентом Российской Федерации Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу¹. Соответствующие направления государственной политики представлены в Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г.². В целях реализации положений, изложенных в Основах и Стратегии, установлены границы сухопутной территории Арктической зоны Российской Федерации³, а в 2014 г. была утверждена Государственная программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации»⁴. Мероприятия, направленные на обеспечение экологической безопасности, представлены во всех подпрограммах Государственной программы, отражены в системе целевых индикаторов и показателей.

Реализация экологической политики на национальном уровне требует принятия согласованных межгосударственных решений. Очевидно, что выполнение требований, обусловленных необходимостью защиты окружающей среды, предполагает увеличение издержек. Является недопустимой ситуация, при которой на территории одного из государств арктического клуба представляются заниженные требования по проведению мероприятий природоохранного характера. В этом случае бизнес будет ориентироваться на предложения к участию в реализации проектов тех стран, которые игнорируют требования и ограничения экологического характера. Вместе с тем является недопустимым установление перед бизнесом завышенных требований к проведению хозяйственной деятельности, так как это превратит Арктику в малопривлекательный регион для инвестирования. Таким образом, установление экологических норм и ограничений должно быть необходимым и достаточным, что требует проведения научных исследований, получения объективных данных степени антропогенного воздействия на состояние окружающей среды, опираясь на которые предполагается возможным сформировать адекватные требования, реализуемые в рамках экологической политики.

В настоящее время на пути активного освоения Арктики возникают преграды, не позволяющие полноценным образом использовать потенциал интеграционных процессов и международного сотрудничества. Так, в 2001 г. была подготовлена заявка на установление в Арктике границ Российской Федерации, которая была представлена в комиссию ООН по границам континентального шельфа. Эта заявка была отклонена с требованием дополнительного обоснования. В 2015 г. была собрана дополнительная доказательная база на установление границ и подана повторная заявка.

¹ Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу. Утверждено Президентом Российской Федерации 18.09.2008, № Пр-1969.

² Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года (утв. Президентом Российской Федерации). 20 февраля 2013 г. Правительство Российской Федерации. Официальный сайт Правительства Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/2RpSA3sctElhAGn4RN9dHrtzk0A3wZm8.pdf> (дата обращения: 15.08.2018).

³ О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 02.05.2014 № 296 (ред. от 27.06.2017).

⁴ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации». Постановление Правительства РФ от 21.04.2014 № 366 (ред. от 31.08.2017).

Эта заявка была принята, но рассмотрена она будет после того, как будут представлены заявки других стран арктической пятерки. В Арктике пересекаются интересы государств, на которых лежит ответственность за обеспечение глобальной стабильности и безопасности, а именно России, стран ЕС и США. В настоящее время происходит усложнение взаимоотношений между этими государствами, в том числе происходит разрыв в одностороннем порядке ранее заключенных соглашений и договоров, вводятся экономические санкции и устанавливаются барьеры внешней торговли, возводятся препятствия для обмена технологиями и движения капитала. В сложившихся условиях трудно рассчитывать на скорое разрешение существующих вопросов и активизации интеграционных процессов.

Сложившуюся ситуацию не следует рассматривать как тупиковую. Интеграционные процессы не должны замыкаться на ограниченное количество участников. Ожидая разрешения накопившихся проблем во взаимодействии со странами арктической пятерки, Российская Федерация должна использовать потенциал сотрудничества с другими партнерами. В начале 2018 г. была представлена Белая книга по политике в Арктике Китайской Народной Республики. В этом документе был заявлен интерес Китая во взаимодействии со странами арктической пятерки в освоении Арктики [4, с. 12]. Интерес этой страны подкреплен очевидной аргументацией. Китай входит в число крупнейших стран по объему товарооборота, располагает огромным потребительским рынком, является крупнейшим потребителем тех ресурсов, которыми располагает Арктика.

Развитие экономики Китая требует разнообразных и надежных транспортных коридоров со странами Европы и Северной Америки. Наряду с реализацией проектов, предусмотренных инициативой «Пояс и путь»¹, Китай заинтересован в диверсификации маршрутов и рассматривает Северный морской путь в качестве альтернативного, позволяющего уйти от критической зависимости от ситуации вокруг Суэцкого канала и Малаккского пролива. В сравнении с южными транспортными коридорами Северный морской путь позволяет на треть сократить путь движения судов между Китаем и европейскими странами. В 2010 г. первое грузовое судно под иностранным флагом прошло по Северному морскому пути из Норвегии в Китай без захода в российские порты. К 2013 г. число таких судов увеличилось до 73. После этого наблюдается сокращение прохода иностранных судов. Так, в 2016 г. по Северному морскому пути транзитом под иностранным флагом прошло только 19 судов. Сокращение транзита по северному маршруту специалистами объясняется, главным образом, обстоятельствами снижения цен на топливо, вызванного падением цен на нефть. Дешевое топливо устранило преимущества сокращения расстояния транспортировки грузов Северным морским путем в сопоставлении с транспортировкой по маршруту, проходящему через Суэцкий канал. Кроме того, отмечается отсутствие должного обновления транспортной инфраструктуры, затрудняющей использование этого маршрута движения [3, с. 34; 8, с. 237]. Очевидно, что многие затруднения, возникшие в силу динамики конъюнктуры цен на энергоносители, не будут столь критичными в случае непосредственного участия китайского капитала в освоении Арктики. Так, при сокращении транзита грузов иностранными судами по маршруту Северного морского пути в рассмотренный период наблюдается положительная динамика грузооборота с 1,96 млн т в 2011 г. до 7,27 в 2016 г., что вызвано потребностями перевозки грузов российскими судами, работами, которые ведутся в настоящее время российским бизнесом. Так, Росатомфлотом, исходя из масштабов планируемых работ, предполагается к 2022 г. увеличение объемов грузооборота до 35 млн т, к 2024 г. до 40 млн т и к 2029 г. — до 80 млн т [2].

Следует отметить, что интерес к арктическим проектам проявляют и другие страны Юго-Восточной Азии. Так, схожие по аргументации интересы заявляют Япония² и Сингапур³. В настоящее время можно утверждать, что Российская Федерация располагает потенциалом привлечения большого количества участников арктических проектов в зоне Арктики, конкурирующих друг с другом. Это создает комфортные условия для решения вопросов формирования, опорных зон освоения этого региона, появление которых предусматривается документами стратегического планирования,

¹ «Один пояс — один путь»: инициатива с китайской спецификой. Некоммерческое партнерство «Российский совет по международным делам» [Электронный ресурс]. URL: <http://russiancouncil.ru/blogs/riacexperts/31461/> (дата обращения: 15.08.2018); Экономический пояс Шелковый путь. Национальный координационный центр по развитию экономических отношений со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. [Электронный ресурс]. URL: <http://aprcenter.ru/component/k2/328.html> (дата обращения: 15.08.2018).

² Япония в Арктике: комплексная стратегия развития региона. Некоммерческое партнерство «Российский совет по международным делам» [Электронный ресурс]. URL: <http://russiancouncil.ru/blogs/arctic/2301/> (дата обращения: 15.08.2018).

³ Интересы Сингапура в Арктике. Некоммерческое партнерство «Российский совет по международным делам» [Электронный ресурс]. URL: <http://russiancouncil.ru/blogs/arctic/2326/> (дата обращения: 15.08.2018).

создает условия для использования интеграционного потенциала Арктики в решении вопросов развития международного сотрудничества и взаимодействия.

Литература

1. Бортников Н. С., Лобанов К. В., Волков А. В., Галямов А. Л., Мурашов К. Ю. Арктические ресурсы цветных и благородных металлов в глобальной перспективе // Арктика: экология и экономика. 2015. № 1 (17). С. 38–46.
2. Гао Т. Российско-китайское сотрудничество по созданию Арктического синего экономического коридора: проблемы и перспективы // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 3. С. 51–55.
3. Ерохин В. Л. Северный морской путь и арктические транспортные коридоры: проблемы использования и прогнозы коммерциализации грузоперевозок // Маркетинг и логистика. 2017. № 6 (14). С. 22–44.
4. Ерохин В. Л. Северный морской путь как инфраструктурная основа российско-китайского Арктического синего экономического коридора // Маркетинг и логистика. 2018. № 1 (15). С. 12–29.
5. Зворыкина Ю. В., Кофнер Ю. Ю., Пакулов С. И. Северный морской путь как стратегическая инициатива ЕАЭС // Российский внешнеэкономический вестник. 2017. № 9. С. 94–104.
6. Истомин А. В., Леус С. М. Северный морской путь: организационно-экономические проблемы возрождения и развития // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2009. № 2 (23). С. 27–32.
7. Смаль С. В., Ильясов Р. М. Северный морской путь: проблемы стратегического развития и перспективы международного использования // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 6 (59). С. 14–19.
8. Фисенко А. И. Геополитические и транспортно-экономические аспекты развития Северного морского пути в России // Транспортное дело России. 2013. № 4. С. 235–238.
9. Шамахов В. А., Исаев А. П., Яновский В. В. Критические факторы окружающей среды в стратегии развития Арктической зоны // Управленческое консультирование. 2018. № 3 (111). С. 28–40.

Об авторе:

Шамахов Владимир Александрович, директор Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор; shamakhov-va@ranepa.ru

About the author:

Vladimir A. Shamakhov, Director of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), PhD in History, Professor; shamakhov-va@ranepa.ru

Стратегическое партнерство России и США: исторический опыт и перспективы

Акаев А. А.¹, Яковец Ю. В.²

¹ МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация; *askarakaev@mail.ru

² Международный институт Питирима Сорокина — Николая Кондратьева, Москва, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Общие черты характеризуют все шесть составляющих генотипа Евразийской и Североамериканской цивилизации — природно-экологическую, социодемографическую, технологическую, экономическую, социокультурную, государственно-политическую и геополитическую. Преодоление нынешнего противоборства и переход к стратегическому партнерству России и США диктуется объективными законами развития общества и его взаимодействия с природой на новом историческом этапе динамики цивилизаций. Цивилизационный подход дает возможность определить систему долгосрочных приоритетов стратегического партнерства России и США исходя из структуры генотипа цивилизации и коренных интересов народов обеих держав. **Ключевые слова:** цивилизация, цивилизационный подход, геополитическое противоборство, великие державы, социальные законы, экологическая безопасность, партнерство

The Strategic Partnership between Russia and the United States: Historical Experience and Prospects

Askar A. Akayev^a, Yuri V. Yakovets^b

^a Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; *askarakaev@mail.ru

^b Pitirim Sorokin — Nikolai Kondratieff International Institute, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

General features characterize all six components of the genotype of the Eurasian and North American civilization — natural-ecological, sociodemographic, technological, economic, socio-cultural, public-political and geopolitical. Overcoming the current confrontation and move towards the strategic partnership of Russia and the United States is dictated by the objective laws of the development of society and its interaction with nature in a new historical stage dynamics of civilizations. Civilizational approach provides an opportunity to define a system of long-term priorities the strategic partnership of Russia and the United States based on genotype structure of civilization and indigenous interests of the peoples of the two countries. **Keywords:** civilization, civilizational approach, the geopolitical struggle between great powers, social legislation, environmental security, partnership

В последние годы резко обострились противоречия и противоборства в различных сферах между Россией и США, достигшие небывало высокого уровня за всю историю взаимоотношений двух великих держав. После двух десятилетий потепления отношений и усиления партнерства возобновилась холодная война в ее худшем виде. Объявлена экономическая и информационная война, одна за одной идут волны санкций, нарастает гонка вооружений, чреватая угрозой цивилизации, которая может привести не только к взаимному уничтожению, но и гибели цивилизации и всего живого на Земле. Это вызывает глубокую тревогу не только у народов этих стран, но и у миллиардов людей во всем мире. Возникают закономерные вопросы:

- является ли эта опасная тенденция неизбежной и длительной или это недолговечный зигзаг на естественной траектории их многовекового партнерства;
- каковы причины этого опасного противоборства;
- что нас ожидает в будущем: дальнейшее нарастание противоборства или стратегическое партнерство в ответ на грозные вызовы XXI в.

Попытаемся дать ответ на эти закономерные вопросы, опираясь на цивилизационный и исторический подходы, методологию интегрального макропрогнозирования, разработанные российскими научными школами.

1. Общие черты и особенности Евразийской и Североамериканской цивилизаций

Россия и США являются ведущими державами двух великих локальных цивилизаций — Евразийской и Североамериканской, имеющих много общего в своей исторической судьбе и характерных чертах цивилизационного кода — 6 составляющих генотипа цивилизации.

Евразийская цивилизация сформировалась в XVI в., имея в своем историческом генезисе тысячелетнюю греко-скифскую цивилизацию (Боспорское царство) и восьмисотлетнюю Восточно-славянскую цивилизацию — Новгородско-Киевскую Русь, являющуюся самым крупным и развитым для своего времени государством Европы с обширными экономическими, культурными и геополитическими связями с другими европейскими цивилизациями. Евразийская цивилизация возникла в результате освоения огромных территорий Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии и носит смешанный многонациональный и многоконфессиональный характер, выступая в качестве поля взаимодействия цивилизаций и государств Востока и Запада. Исторические корни Североамериканской цивилизации также возникли в XVI в. в результате колонизации Северной Америки переселенцами из Западной Европы, прежде всего Великобритании и Франции. Она также имеет смешанный характер, включая представителей Западноевропейской, Африканской, Латиноамериканской цивилизаций, реликты коренных народов Северной Америки, а также переселенцев из других регионов мира. Отличительной чертой Североамериканской цивилизации, как и Евразийской, является многонациональный и многоконфессиональный характер. Общие черты характеризуют все семь составляющих генотипа Евразийской и Североамериканской цивилизации — природно-экологическую, социодемографическую, технологическую, экономическую, социокультурную, государственно-политическую и геополитическую. Обе цивилизации расположены в Северном полушарии на обширной территории, включающей арктическую зону материков с суровым климатом, отличаются сравнительно низкой плотностью населения и огромными природными ресурсами — минеральными, земельными, лесными, пресноводными, что дает возможность самообеспечения и экспорта природных ресурсов. В то же время обе цивилизации подвержены значительным экологическим рискам, особенно в условиях негативных изменений климата, нарастания волны природных бедствий и катастроф.

По численности населения обе цивилизации характеризуются средним уровнем народонаселения в интервалах от 100 до 500 млн человек в отличие от цивилизаций-гигантов с населением более 1000 млрд человек (китайской, индийской, мусульманской) и от малочисленных (Океанической, Японской цивилизации). Состав населения многонациональный и многорасовый. Подавляющая часть населения исповедует христианскую религию, однако значительная часть относится к иным мировым религиям. Значительную долю в населении занимает растущий поток мигрантов.

США и Россия относятся к числу ведущих стран в технологическом развитии и обладают высоким научно-технологическим и военно-техническим потенциалом. Они стали лидерами в научно-технической революции XX в., в освоении космоса и атомной энергии, хотя Россия в результате кризиса 1990-х гг. утратила значительную часть своего научно-технологического потенциала, однако в начале XXI в. принят курс на технологический прорыв, что особенно ярко проявляется в оборонно-технической сфере.

Обе цивилизации обладают мощным экономическим потенциалом, однако в этом наблюдаются существенные различия. Евразийская цивилизация в XX в. понесла огромные потери в ходе двух мировых войн и в результате экономического кризиса 1990-х гг., что привело к резкому ухудшению экономических показателей. Североамериканская цивилизация оказалась в наиболее благоприятных условиях, получила мощный импульс развития в Первой и Второй мировых войнах и в ходе глобализации стала экономической сверхдержавой, однако в последние годы она теряет свои позиции в соревновании с Китаем и в результате деформации в структуре экономики и создания экономики «мыльных пузырей». США и СССР возглавляли противоборствующие системы капитализма и социализма, но с 1990-х гг. после реставрации капитализма в России различие их в экономическом строе резко сократилось.

Социокультурный строй двух цивилизаций также имеет много общего — высокий уровень науки, образования и культуры, близкие системы этики и религиозного мировоззрения. Значительный вклад в развитие науки, образования и культуры США внесли эмигранты из России, особенно после Гражданской войны. В качестве примера можно привести выдающегося российско-американского ученого Питирима Сорокина — крупнейшего макросоциолога XX в., основоположника американской социологии, основателя и декана факультета социологии Гарвардского университета, автора учения о социально-культурной динамике и теории конвергенции США и России.

Огромные масштабы территории и разнородность природно-климатических условий, многонациональный состав населения обусловили сходство государственно-политического устройства США и России, федеративный тип государства при сильной центральной власти.

В истории России трижды (в нач. XVII в., в нач. и конце XX в.) наблюдались периоды децентрализации и распада государства, однако каждый раз необходимость централизованной государственной власти восстанавливалась. После образования США в результате объединения разрозненных

колоний наблюдалась тенденция к распаду единого государства в период Гражданской войны, но затем вновь восстановилось сильное центральное государство при значительных полномочиях штатов. После социалистической революции в России расхождение социально-политического строя США и России резко усилилось, но в результате реставрации капитализма в России и установления президентской республики государственно-политическое устройство обеих стран значительно сблизились. Обе державы претендуют на лидерство в геополитическом пространстве. В России это ярко проявилось после победы над Наполеоном и образовании Священного союза по инициативе Александра I, при образовании Коминтерна с установкой на мировую революцию, после Второй мировой войны, в результате формирования мировой системы социализма и превращения СССР в одну из двух сверхдержав. Распад СССР, СЭВ, Варшавского договора, мировой системы социализма грозили превращением России во второразрядную геополитическую державу, идущую в фарватере США. Однако с начала XXI в. Россия возглавила тенденцию восстановления многополярного мироустройства. Несмотря на попытки США с 2014 г. изолировать Россию в геополитическом пространстве, на деле к ней вернулась роль мирового лидера (вместе с Китаем) в борьбе против однополярного мироустройства при гегемонии США. В то же время США теряет свою гегемонию в фактически существующем многополярном мире.

Таким образом, Евразийская и Североамериканская локальные цивилизации, США и Россия (как их лидеры), однотипны по своему характеру и составу генотипа цивилизаций, но могут выступать как конкуренты в борьбе за лидерство в геополитическом пространстве.

2. Исторический опыт стратегического партнерства России и США

Россия и США имеют общие исторические корни. Стоит напомнить установленный антропологами и археологами факт, что заселение американского континента видом *Homo sapiens* осуществлялось двумя волнами около 20 и 10 тыс. лет назад в периоды, когда уровень мирового океана был значительно ниже и люди переходили из Северной Евразии в Северную Америку через перешеек на месте современного Берингова пролива. В эти периоды на севере Сибири был сравнительно мягкий климат, бродили стада мамонтов, на которых охотились первобытные общины. Постепенно первобытные мигранты расселились по всей Северной и Южной Америке.

Следующая волна мигрантов из России в Северную Америку наблюдалась в XVIII веке, когда образовалась русская Америка на территории Аляски — части современной Канады и Калифорнии, развивались экономические связи с местными северными народами и западными колонистами, пока в 1867 г. Аляска не была продана Россией Соединенным Штатам.

Россия активно поддержала борьбу Североамериканских штатов в их борьбе за независимость в период 1775–1883 гг., препятствие попыткам Великобритании восстановить колониальное господство.

После Русско-японской войны США помогли России сохранить спасительную часть своих позиций на Дальнем Востоке при заключении в 1905 г. Портсмутского договора. В Первой мировой войне Россия выступала в едином фронте с США и Францией при поддержке США. Однако в годы Гражданской войны США приняли участие, хотя и в небольших масштабах, в интервенции против советской России.

После Гражданской войны США оказывали значительную поддержку в борьбе с голодом в России в 1921–1922 гг. и восстановлении разрушенной войной экономики. Особенно значительной эта поддержка была в период осуществления индустриализации СССР, когда Россия закупала в США оборудование для индустриальных гигантов, их помогали строить сотни квалифицированных инженеров. Это было важным фактором поддержки экономики США в период кризиса 1929–1933 гг. и стало примером экономического партнерства двух держав при всем различии их социально-политического устройства.

Наибольшей высоты российско-американское стратегическое партнерство достигло в годы Второй мировой войны в борьбе за сокрушение германского фашизма и японского милитаризма. Партнерство осуществлялось по широкому фронту — от согласования крупнейших военных операций до поставок в крупных масштабах вооружения и продовольствия. В США развернулось широкое движение за сотрудничество с СССР, активным участником которого был Питирим Сорокин, опубликовавший книгу о конвергенции США и России (1944 г.). Долгосрочные основы стратегического партнерства были заложены на Ялтинской конференции руководителей трех ведущих держав антигитлеровской коалиции в феврале 1945 г. и реализованы в ООН как главным инструменте реализации этого партнерства. Однако с 1947 г. на фоне претензий США на мировое господство развернулась холодная война между двумя сверхдержавами и возглавляемыми

ими военно-политическими союзами — НАТО и странами Варшавского договора. Усилилось военное противоборство, возникали локальные военные конфликты в Корее, Вьетнаме, Афганистане, мир оказался на грани ядерной войны в результате Карибского кризиса (1962 г.), тем не менее основы Ялтинского мира сохранялись, удалось избежать развязывания новой мировой войны, велся активный диалог в рамках ООН, осуществлялись проекты стратегического партнерства в освоении космоса (проект «Союз-Аполлон»), в освоении Арктики (в рамках Арктического совета) и Антарктиды. После поездки Н. С. Хрущева в США в России были восприняты многие американские инновации.

Со второй половины 1980-х гг. резко усилился процесс конвергенции России и США и их стратегического партнерства. Были достигнуты беспрецедентные соглашения по прекращению холодной войны, уничтожению наиболее опасных видов ядерного оружия и средств их доставки. Неолиберальные рыночные реформы в России с 1990-х гг. открыли шлюзы для устремления в Россию широкого круга американских транснациональных корпораций и информационных потоков и миграцию в США значительного числа российских ученых и программистов. В России и других постсоветских странах установился близкий с США социально-экономический строй монополистического капитализма. Российские лидеры шли в фарватере внешнеполитических и экономических интересов США.

Это возбудило в правящих кругах США претензии на установление однополярного мироустройства при американском доминировании. После трагических событий 11 сентября 2001 г. были намечены и осуществлены меры по устранению неугодных политических режимов в ряде стран, не останавливаясь перед открытой военной агрессией в обход Совета безопасности ООН. Это вызвало ответную реакцию со стороны России, Китая и других стран, отстаивавших принцип многополярного мироустройства. Наиболее ярко эта позиция была выражена в выступлении Президента РФ В. В. Путина на конференции в Мюнхене в 2007 г. Россия стала проводить еще более независимую внешнюю политику, отвечающую ее национальным интересам, выступая против агрессивной политики США и НАТО. Наметилась тенденция к усилению противоборства США и России, которое особенно усилилось после спровоцированного Западом государственного переворота на Украине и ответных мер России. США при поддержке Западной Европы стали применять все более ужесточающиеся санкции к России, направленные на ее международную изоляцию и подрыв экономики, развязали информационную войну и усиленную гонку вооружения. Вопреки данным в конце 1980-х гг. обещаниям, границы НАТО вплотную приблизились к территории России. Тем самым место стратегического партнерства заняло противоборство двух великих держав, которое достигло апогея в 2017–2018 гг. В основе этого противоборства лежит стремление реакционных сил США («глубинного правительства») с их доминированием в мире и пошатнувшееся политическое лидерство в стране. Однако эти попытки дают обратное желаемому результату и обречены на провал. Будущее за продолжением тенденции стратегического партнерства двух великих держав. Это обусловлено объективными закономерностями, о которых речь пойдет ниже.

3. Объективная необходимость стратегического партнерства России и США

Преодоление нынешнего противоборства и переход к стратегическому партнерству России и США диктуется объективными законами развития общества и его взаимодействия с природой на новом историческом этапе динамики цивилизаций.

3.1. Законы смены сверхдолгосрочных циклов динамики мировых и локальных цивилизаций и колебания исторического маятника

С конца XX в. происходит переход от 200-летней индустриальной мировой рыночно-капиталистической цивилизации к гуманистически-ноосферной интегральной цивилизации и от пятисот-летнего 4-го поколения локальных цивилизаций при доминировании Запада к более активному и дифференцированному 5-му поколению при лидерстве Востока. Этот переход был предсказан Питиримом Сорокиным [2] и обоснован в трудах лидеров современной российской цивилизационной школы [1; 6; 7].

Переход начался с глубокого и затяжного цивилизационного кризиса в конце XX — нач. XXI в., и с 2020-х гг. осуществляется переход к повышательной волне очередного цивилизационного цикла. Одновременно реализуется предсказанная Питиримом Сорокиным и Арнольдом Тойнби вековая тенденция перемещения центра творческой активности цивилизаций с Запада на Восток — очередное колебание исторического маятника. Если со второй половины XX в. мировым лидером

были США, то в настоящее время становится все более очевидным переход лидерства к стремительно развивающемуся Китаю, а в становлении устойчивого многополярного мироустройства — к России вместо геополитического доминирования США. Рано или поздно правящим кругам США придется примириться с этой исторической тенденцией, чтобы найти свое место в интегральной мировой цивилизации и системе локальных цивилизаций пятого поколения. Противоположный сценарий — столкновение и взаимное уничтожение не только России и США, но и всего мира цивилизаций.

3.2. Второй закон Ньютона и закон «Вызов — ответ» динамики цивилизаций Тойнби

Из школьных учебников известен второй закон Ньютона: «Всякое действие рождает равное по силе и противоположно направленное противодействие». Этот физический закон распространяется и на развитие общества в виде сформулированного Арнольдом Тойнби закона динамики цивилизаций «Вызов — ответ» [3]. Цивилизации периодически встречаются с новыми вызовами и модифицируются в ответ на них. Если ответ окажется неадекватным, то локальная цивилизация может исчезнуть с исторической сцены, что неоднократно наблюдалось в течение 5 тысячелетий их истории.

Это можно подтвердить примерами последнего времени: попытки США сохранить свою гегемонию в мире цивилизаций сплошь и рядом приносят противоположные ожидаемым результаты. Стремление нанести удар международному терроризму в Афганистане, Ираке, Ливии приводило к усилению террористических движений «Талибан» и ИГИЛ. Стремление подорвать экономику России и изолировать ее в геополитическом пространстве дало противоположные результаты: Россия освободилась от опасной зависимости от США, укрепила свою экономику и оборонно-промышленный потенциал и стала очевидным лидером в консолидации широкого круга государств, противостоящих североамериканской гегемонии. Объявленная США экономическая война против Китая, России, Западной Европы обернется тяжелым ударом для экономики США и очередным глубоким экономическим кризисом вследствие потери рынков и утраты долларом США своей функции квазимировой валюты.

В итоге правящим кругам США придется отказаться от иллюзий исключительности и мирового господства и занять свое место в качестве одной из великих держав в глобальном партнерстве локальных цивилизаций, восстанавливая в том числе свое стратегическое партнерство с Россией для обеспечения устойчивого многополярного мироустройства.

3.3. Законы поляризации и социально-политического партнерства в моральной и религиозной поляризации

В переходные эпохи глубоких кризисов действует закон поляризации и социально-политического партнерства цивилизаций и государств, социальных слоев и поколений [5]. В период развертывания кризиса наблюдается углубляющаяся поляризация прогрессивных и реакционных сил на мировой арене и в национальных государствах. Это приводит к обострению геополитических и социально-политических противоречий и нарастанию волн конфликтов, вплоть до войн и революций. На втором этапе формируются партнерства цивилизаций и государств, социальных сил и поколений на противоположных полюсах и усиливается борьба между ними. На третьем этапе перед лицом нарастающих угроз глобального и национального развития осуществляется консолидация прогрессивных и консервативных сил и терпят поражение реакционные силы. Такой сценарий наблюдался в 1930–1940 гг., когда после нападения фашистской Германии и ее союзников на СССР произошло формирование антигитлеровской коалиции, объединившей социалистические и ведущие капиталистические державы перед общей угрозой становления мирового господства реакционной оси Берлин — Рим — Токио. В ближайшие годы следует ожидать консолидацию прогрессивных и консервативных сил на глобальной арене перед общей угрозой доминирования США и самоуничтожения цивилизации и пламени мировой ядерной войны.

Питирим Сорокин обосновал закон негативной моральной и религиозной поляризации в период развертывания кризиса с переходом к позитивной поляризации как одной из основ выхода из кризиса [2]. Волна негативной поляризации наблюдается в мире с последней четверти XX в. в виде моральной деградации чувственного социокультурного строя, распространявшегося на постсоциалистические страны, и усиления религиозного экстремизма и фанатизма, в многократном усилении международного терроризма. Этому способствует информационное доминирование ТНК США, стремящихся ликвидировать цивилизационное и культурное многообразие и навязать

всему миру угодный Западу образ мысли и жизни, особенно среди нового поколения. Ответом на эти угрозы является стремление Китая, России и прогрессивных слоев интеллектуалов сохранить моральные устои общества и семьи, преодолеть религиозный фанатизм и экстремизм, сохранить цивилизационное и культурное многообразие. На это направлены усилия российской цивилизационной школы по распространению цивилизационного образования нового поколения на базе университета диалога цивилизации, серии учебников для него и информационных каналов. Все это будет способствовать усилению наблюдающейся последнее время тенденции позитивной моральной и религиозной поляризации, чему способствует развитие диалога и партнерства между интеллектуалами и концессиями.

3.4. Закон смены поколений

Реализации указанных выше позитивных тенденций будет способствовать действие закона смены поколений, который происходит раз в три десятилетия. В настоящее время в народонаселении мира можно выделить четыре взаимодействующих поколения: уходящее поколение 1960-х численностью около 0,5 млрд; преобладающее поколение 1990-х — более 3 млрд чел.; приходящее поколение 2020-х (15–39 лет) — более 2,5 млрд чел., зарождающееся поколение 2050-х (до 15 лет) — около 1,5 млрд чел. Через два десятилетия поколение 1960-х сойдет с исторической сцены, 1990-х гг. — уменьшится до 1,5 млрд чел., поколение 2020-х вырастет до 3,5 млрд чел., поколение 2050-х — до 3 млрд чел., и появится новое поколение 2080-х численностью около 1 млрд чел. А через два десятилетия изменятся расовый и цивилизационный составы народонаселения мира: численность белой расы уменьшится до 0,1% населения; абсолютное преобладание будет принадлежать представителям индийской, китайской, мусульманской и африканской цивилизации — свыше 3/4 населения мира; североамериканская, западноевропейская, восточноевропейская, евразийская, японская и океаническая цивилизации будут представлять менее 1/5 населения Земли и согласно законам демократии не смогут определять мировую стратегию. Если поколение 1960-х было романтическим и инновационным и обеспечивало рекордно высокие темпы экономического и социального прогресса в третьей четверти XX в., то рыночное и прагматичное поколение 1990-х во многом растеряло полученное наследие в условиях цивилизационного кризиса. Поколению 2020-х предстоит выполнить историческую миссию преодоления цивилизационного кризиса и выхода на траекторию становления гуманистически-ноосферной интегральной цивилизации и устойчивого многополярного мироустройства, с тем чтобы передать это наследие поколению 2050-х.

Следует также учитывать периодическую смену приоритетов внешней и внутренней политики США, исследованную в монографии американского политолога А. М. Шлезингера «Циклы американской истории» [4]. Он отмечал, что со сменой поколений политических лидеров примерно каждые 1,5–2 десятилетия происходит смена политических приоритетов — первенство отдается внешнеэкономическим интересам перед национальными интересами, и наоборот. После прекращения холодной войны и наступления периода разрядки на первое место с середины 1980-х гг. вышли вопросы внутренней политики. С 2001 г. приоритет стал отдаваться внешнеэкономическому доминированию США, что нашло выражение в концепции исключительности США во внешнеполитических агрессиях. С избрания Д. Трампа начался поворот к приоритету внутриполитических проблем, хотя агрессивные круги по инерции делали ставку на закрепление мировой гегемонии США. Можно ожидать, что эта тенденция усилится в ближайшие годы.

Во многом схожие циклические колебания политических приоритетов наблюдаются и в России. С середины 1980-х гг. были свергнуты геополитические интересы СССР как мировой сверхдержавы, что нашло проявление в самороспуске СЭВ и Варшавского договора, распаде мировой системы социализма и СССР. Россия послушно шла в фарватере внешнеполитических и геэкономических интересов США. С начала 2000-х гг. постепенно набирали значимость внешнеполитические интересы, что отчетливо проявилось в Мюнхенской речи В. В. Путина в 2007 г. Большие усилия направлялись на формирование ЕвразЭС, затем ЕАЭС, на укрепление стратегического партнерства с Китаем, Индией. Россия проводила независимую внешнюю политику, отвечающую своим национальным интересам, и вступала в противостояние с США, которое вылилось в открытое противоборство с 2014 г. Однако с 2018 г. в новой политической платформе В. В. Путина, нашедшей выражение в его мартовском Послании Федеральному Собранию в 2018 г. и Указе от 7 мая 2018 г., на первый план выдвигаются вопросы внутренней политики, решения социодемографических проблем, технологического прорыва. Тем самым создаются предпосылки для ослабления геополитического противоборства и перехода к стратегическому партнерству по ряду ключевых направлений в перспективе ближайших лет.

4. Система приоритетов стратегического партнерства России и США

Цивилизационный подход дает возможность определить систему долгосрочных приоритетов стратегического партнерства России и США исходя из структуры генотипа цивилизации и коренных интересов народов обеих держав.

4.1. Прекращение гонки вооружений. Прекращение войн и искоренение терроризма

Россия и США — две ядерные сверхдержавы, обладающие потенциалом для многократного взаимного уничтожения и гибели в огне термоядерной войны глобальной цивилизации и всего живого на Земле. Развернувшаяся гонка вооружений, изобретение еще более мощных средств массового уничтожения не только бесперспективно, но и весьма опасно. Повышается риск случайного развязывания термоядерной войны, в частности, в связи с приближением вооруженных сил НАТО к границам России и развязывание военных конфликтов в разных регионах мира, а также стремление США к размещению ядерного оружия в космосе.

Пока не поздно, необходимо приступить к возобновлению переговоров по развитию мер доверия, заключения международных договоров по ограничению термоядерных потенциалов России, США и других держав, обладающих таким оружием, запрещения разработки, испытаний и производства новых видов оружия массового уничтожения, при усилении роли Совета безопасности ООН и Международных организаций в контроле за строгим соблюдением таких договоров. Важно также договориться о расширении зон, свободных от грозного оружия, на границах между военно-политическими блоками и по постепенному расширению функций вооруженных сил в обеспечении глобальной экологической безопасности. Инициаторами в обеспечении глобальной безопасности могут стать Россия и США.

4.2. Сбережение природных ресурсов и обеспечение экологической безопасности

Россия и США обладают значительными ресурсами, достаточными не только для удовлетворения собственных потребностей, но и для экспорта в другие страны. Однако запасы этих ресурсов не безграничны и быстро исчерпываются, особенно запасы углеводорода и ряда цветных металлов, поэтому национальным интересом обеих держав отвечает стратегия сбережения природных ресурсов с учетом интересов будущих поколений, замена ископаемого топлива и сырья возобновляемыми источниками, а также поддержание необходимого уровня мировых цен для обеспечения воспроизводства.

Не менее важным общим интересом является обеспечение экологической безопасности, особенно в условиях неблагоприятных климатических изменений. Перспективным полем для развития энергоэкологического партнерства является освоение энергоресурсов Арктики или реакция на ускоренное таяние арктических льдов и неблагоприятные климатические изменения в этом регионе. Россия и США могут стать инициаторами проведения Арктического саммита, разработки и реализации долгосрочной энергоэкологической программы по энергии Арктики с широким участием Западной Европы, Китая и других заинтересованных стран. Проект такой программы разработан Международным институтом Питирима Сорокина — Николая Кондратьева и Институтом экономических стратегий по заказу Ямало-Ненецкого автономного округа и докладывался в штаб-квартире ООН в июне 2011 г. и на конференции ООН по устойчивому развитию РИО+20 в июне 2012 г.

Немаловажное значение имеет выполнение Парижской конвенции по изменению климата 2015 г. и возвращение США в число основных исполнителей этой программы.

Крупными совместными проектами в этой сфере могли бы быть научно-технические инвестиционные программы по переработке накопившихся гор твердых отходов, комплексному оздоровлению окружающей среды и разработке систем быстрого предупреждения и тушения лесных пожаров, наносящих большой ущерб России, США и другим странам. Обе державы заинтересованы в проведении совместных исследований по прогнозированию и мониторингу землетрясений и извержений вулканов и последствий таяния арктических льдов.

4.3. Партнерство в области социодемографического развития

Данное партнерство отвечает смешанному и многонациональному характеру населения России и США и необходимости ответить на демографические вызовы XXI в. В обеих странах наблюдается тенденция падения доли коренного населения, значительное увеличение численности старшего поколения, большой разрыв в уровне доходов между богатыми и бедными слоями населения, быстрое увеличение численности мигрантов. Это вызывает необходимость выработки новой де-

мографической и социальной политики, чему уделяется первостепенное значение в последние годы в России. Был бы полезен взаимный обмен опытом выработки новой долгосрочной социодемографической политики в России и США и сотрудничество в разработке международной социодемографической стратегии по линии ООН и соглашения по регулированию международной миграции.

4.4. Научно-технологическое партнерство

Данный вид партнерства представляет взаимный интерес в связи с развертыванием научно-технологической революции XXI в., становлением 6-го, а в перспективе 7-го технологических укладов и необходимости осуществить на этой основе инновационное обновление основного капитала. В России и США имеется взаимодополняющий потенциал совместных исследований и инвестиций в этой сфере, а также практический опыт партнерства в освоении космоса, мирного использования атомной энергии и в других направлениях. Было бы целесообразно расширять партнерство между академиями наук, технологическими и инвестиционными компаниями по ускоренному освоению принципиально новых направлений техники и взаимному обмену в этой области, особенно в части научных исследований и технологий в области медицины, альтернативных источников энергии, экологически чистых безотходных технологий переработки твердых отходов, в осуществлении новой «зеленой революции» с упором на органическое земледелие, а также продолжать и развивать сотрудничество в освоении околоземного и дальнего космоса и в предотвращении астероидной и кометных угроз.

4.5. Партнерство в области экономики

Данное партнерство исходит из того, что в России и США имеются схожая структура экономики и после неолиберальных реформ и реставрации капитализма в России в 1990-е гг. — односторонний рыночно-капиталистический экономический строй, который в ближайшие десятилетия предстоит трансформировать в социально-экологический и инновационно-ориентированный интегральный экономический строй. Коренным национальным интересам России и США отвечает преодоление экономики «мыльных пузырей», выработка эффективного антимонопольного законодательства, преодоление чрезмерного разрыва между богатыми и бедными слоями населения и странами, более устойчивая и предсказуемая динамика валютно-финансовых механизмов и мировых цен, в этом плане открывается широкое пространство для партнерства России и США в ООН, Международном валютном фонде, Всемирном банке, Международном банке реконструкции и развития, в ВТО и других интеграционных объединениях, прочих международных организациях.

4.6. Партнерство в социокультурной сфере

Это партнерство основывается на том, что последние полтора десятилетия осуществилась значительная конвергенция на основе распространения преобладающего в США чувственного социокультурного строя на Россию со всеми его противоречиями и пороками, глубоко исследуемыми Питиримом Сорокиным, и наблюдается тенденция негативной моральной и религиозной поляризации. Обеим державам предстоит длительный и сложный период становления интегрального социокультурного слоя: возвышение науки, повышение фундаментальности, креативности и непрерывности образования, возрождение высокой культуры и гуманистически-ноосферной этики, переход к позитивной моральной поляризации, а также сотрудничества в рамках Всемирной организации интеллектуальной собственности (ОИС) по международной регистрации научных открытий (на основе Женевского соглашения 1978 г., подписанного, но не вступившего в силу), подготовке и заключению международного соглашения по защите и охране интеллектуальной собственности в цифровой среде. Было бы весьма полезным расширение культурного и образовательного обмена особенно среди молодежи и многократное увеличение взаимного обмена туристами (в том числе на основе цивилизационного туризма), что способствовало бы развитию доверия и взаимного уважения ценностей народов наших стран.

4.7. Партнерство в геополитической сфере

Это партнерство должно быть направлено на повышение роли ООН в регулировании глобальных процессов в соответствии с принципами, заложенными при ее создании на Ялтинской конференции в феврале 1945 г. ООН является главным институтом диалога и партнерства цивилизаций и государств в ответ на грозные вызовы XXI в. Необходимо партнерство России и США в разработке научно-обоснованной концепции и долгосрочной стратегии трансформирования ООН и

усилении ее роли в обеспечении глобальной безопасности, искоренении терроризма и войн, голода и нищеты, в реализации Целей устойчивого развития на период до 2030 г., одобренных Саммитом ООН в сентябре 2015 г. Требуются совместные усилия по обеспечению глобальной безопасности новой долгосрочной стратегии в этой области партнерства с участием ООН, НАТО, ОДКБ и ШОС, а также соглашение по укреплению сверхдоверия во взаимоотношениях между государствами и интеграционными объединениями.

Заключение

Изложенное выше дает основание для следующих основных выводов.

1. Евразийская и североамериканская локальные цивилизации, возглавляемые Россией и США, однотипны по своему характеру и имеют схожие черты по составляющим генотипа цивилизации и по месту в мире локальных цивилизаций 5-го поколения. Между ними нет непримиримых антагонистических противоречий и имеется широкое поле возможностей для диалога и партнерства в ответ на вызовы XXI в.

Исторический анализ показывает, что преобладающим во взаимоотношениях между Россией и США за несколько столетий является общий тренд их стратегического партнерства, что проявилось в период освоения Русской Америки, Войны за независимость США в Первой мировой войне, в период мирового кризиса 1929–1933 гг., и особенно в период Второй мировой войны в борьбе против ирландского фашизма и японского милитаризма. Отношения диалога и партнерства не прерывались и в период холодной войны и особенно усилились с середины 1980-х гг. при прекращении холодной войны и осуществлении совместных мер по предотвращению термоядерной войны. Отступления от этого общего тренда носили характер зигзагов на общей траектории сотрудничества и партнерства и не перерастали в открытые военные столкновения.

2. Обострение в последние годы противоречий между Россией и США, возрождение холодной войны, развязывание гонки вооружений и нарастание опасности самоубийственного столкновения цивилизаций имеет преходящий характер и обусловлено стремлением реакционных кругов США к установлению однополярного мироустройства при доминировании США, не останавливаясь перед военными авантюрами и применением экономических и иных санкций к России. Во многом это обусловлено сменой долгосрочных циклов и переходом от 4-го поколения локальных цивилизаций при доминировании Запада к 5-му поколению при лидерстве Востока. Однако в условиях повышательной волны нового цивилизационного цикла и неизбежной смены поколений объективно обусловлен переход к сотрудничеству и партнерству двух великих держав — России и США в ответ на вызовы нового века. В основе этого перехода лежат законы «Вызов — ответ» в динамике цивилизаций Арнольда Тойнби, поляризации и социально-политического партнерства цивилизаций и государств, социальных слоев и поколения в условиях глубокого кризиса, негативной и позитивной поляризации Питирима Сорокина. Можно ожидать, что с 2020-х гг. тенденция стратегического партнерства станет преобладающей.

3. Исследования показывают широкий спектр стратегических приоритетов для долгосрочного партнерства России и США в целях прекращения гонки вооружения и искоренения войн и терроризма, обеспечения глобальной экологической безопасности, гармоничного социодемографического развития, эффективного освоения достижений научно-технологической революции XXI в., становления интегрального социокультурного строя и формирования устойчивого многополярного мироустройства на базе партнерства цивилизаций. Необходима разработка совместных программ и проектов по реализации этих приоритетов.

4. Однако для реализации этой стратегии необходима выработка научно-обоснованной долгосрочной стратегии развития и взаимодействия цивилизаций и государств, в том числе ведущих держав, определяющих мировую динамику, — России, Китая и США, с ориентацией на становление гуманистически-ноосферной цивилизации и устойчивого многополярного мироустройства, базирующегося на партнерстве цивилизаций и государств при ведущей роли ООН. Научная основа такой стратегии разработана российскими учеными и представлена ООН. Ее краеугольные камни заложены великим российско-американским ученым Питиримом Сорокиным в 1919 г. И предстоящие конференции, посвященные научному наследию Питирима Сорокина на Лихаческих чтениях в Санкт-Петербургском государственном университете, Сыктывкарском государственном университете им. Питирима Сорокина, в Гарвардском университете, необходимы для того, чтобы использовать это наследие для реализации идей в дальнейшей конвергенции России и США и возобновлении стратегического партнерства.

Литература

1. Кузык Б. Н., Яковец Ю. В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Т. II. М. : ИНЭС, 1996.
2. Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени. М. : Наука, 1997.
3. Тойнби А. Постижение истории. М. : Прогресс. Культура, 1996.
4. Шлезингер А. М. Циклы американской истории [Cycles of American History (1986)]. М. : Прогресс, 1992.
5. Яковец Ю. В. Закон поляризации и социально-политического партнерства // Экономические стратегии. 2012. № 5. С. 74–77.
6. Яковец Ю. В. У истоков новой цивилизации. М. : Дело, 1993.
7. Yakovets Yu. V. The Past and the Future of Civilizations. Lewiston, USA : Edwin Mellen Press, 2000.

Об авторах:

Акаев Аскар Акаевич, доктор технических наук, профессор, иностранный член РАН, научный консультант центра долгосрочного прогнозирования и стратегического планирования факультета глобальных процессов МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация); askarakaev@mail.ru

Яковец Юрий Владимирович, доктор экономических наук, профессор, академик Российской академии естественных наук, президент Международного института Питирима Сорокина — Николая Кондратьева (Москва, Российская Федерация); conchenkova-tam@ya.ru

About the authors:

Askar A. Akayev, Doctor of Technical Sciences, Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Scientific Consultant of Center for Long-term Forecasting and Strategic Planning of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation); askarakaev@mail.ru

Yuri V. Yakovets, Doctor of Science (Economics), Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, President of Pitirim Sorokin — Nikolai Kondratieff International Institute (Moscow, Russian Federation); conchenkova-tam@ya.ru

Устойчивое развитие и новые вызовы энергетического рынка: поправка на «New Normal»

Куклина Е. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; jeakuklina@mail.ru

РЕФЕРАТ

В настоящее время использование термина new normal как новой реальности характеризует ситуацию вызова, требующую разработки новой модели экономического развития, которая адекватна современным угрозам и рискам. В статье анализируется возможность реализации концепции устойчивого развития в контексте реальности новых вызовов энергетического рынка. Такими вызовами являются формирование модели низкоуглеродной экономики, избыток предложения углеводородов и изменение условий конкуренции на рынке газа. Ключевым фактором перестройки мировой энергетики является ограничение на выбросы парниковых газов; все более востребованными становятся безуглеродные источники энергии, предполагающие отказ от традиционных технологий ее производства. Адекватным ответом и мерой разумного реагирования России на современные вызовы энергетического рынка является ускоренное инновационное развитие нефтегазового сектора экономики. Инновационное развитие предприятий нефтегазового сектора связано с переходом от модели максимизации прибыли к модели максимизации добавленной стоимости, которая формирует инновационный вектор развития предприятий отрасли. В статье характеризуются условия эффективного использования глобальных конкурентных преимуществ Российской Федерации в энергетической сфере и предлагаются меры государственной поддержки для создания благоприятных условий инновационного развития предприятий нефтегазового сектора.

Ключевые слова: new normal, устойчивое развитие, инновационное развитие, нефтегазовый сектор, энергетическая сфера, вызовы, угрозы, государственная поддержка

Sustainable Development and New Challenges of the Energy Market: Amendment on “New Normal”

Evgenia A. Kuklina

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; jeakuklina@mail.ru

ABSTRACT

At present, the use of the term “new normal” as a new reality, characterizes a situation of challenge that requires a new model of economic development which would take into consideration current threats and risks. The article analyzes the possibility of implementing a concept of sustainable development in the context of new challenges at the energy market. Such challenges are the formation of the model of a low-carbon economy, the oversupply of hydrocarbons, and changing conditions of competition at the gas market. A key factor in restructuring the global energy industry is the reduction of greenhouse gas emissions. Carbon-free sources of energy rejecting traditional production technologies are becoming increasingly popular. Accelerated innovative development of the oil and gas sector of economy is an adequate response and a measure of Russia’s sensible reaction to the current challenges at the energy market. Innovative development of enterprises in the oil and gas sector is associated with a transition from the profit maximization model to the added value maximization model which forms an innovative vector of development of the industry. The article revisits the conditions for effectively using the global competitive advantages of the Russian Federation in the energy sector, and suggests measures of state support for creating favourable conditions for the innovative development of enterprises in the oil and gas sector.

Keywords: new normal, sustainable development, innovative development, the oil and gas sector, the energy sector, challenges, threats, government support

Введение

Сейчас все человечество на планете Земля вынуждено жить и выживать в мире без полюсов: хаотичный и быстро меняющийся порядок, война всех против всех, идущая рука об руку с упадком привычных институтов — от национального государства с его суверенитетом до классического капитализма. Это сценарий острого кризиса, ведущего к полной перезагрузке институтов власти, способов производства и международных отношений [5]. Есть ли смысл в этих условиях говорить об устойчивом развитии государства как экономической системы?

Концепция устойчивого развития, по нашему мнению, является чрезвычайно созвучной традициям, духу и менталитету России. В современных условиях «осыпающегося мира», когда меняется его глобальная архитектура, появляются новые вызовы и угрозы, именно идеи устойчивого

развития могут сыграть решающую роль в определении государственных приоритетов и перспектив социально-экономических преобразований, выборе стратегий дальнейшего развития.

Переход к устойчивому развитию означает создание сбалансированной системы, сочетающей в себе социальную справедливость, экологическую безопасность и экономическую эффективность. При этом устойчивое развитие, в отличие от экономического роста, предполагает формирование экономической структуры, способной к генерированию экономического роста в будущем и дальнейшему развитию, которые позволяют экономической системе замещать истощенные (вследствие производственно-хозяйственной деятельности человека) источники роста.

Ранее [12] мы попытались ответить на вопрос: как в условиях *new normal* («новой нормальности») можно обеспечить переход и создать реальные предпосылки к устойчивому развитию; возможен ли этот переход в принципе? Был сделан вывод о том, что адекватным отображением «новой нормальности», в логике которой, по нашему мнению, и необходимо рассматривать перспективы устойчивого развития, является методология сложности. Сторонники методологии сложности исходят из принципиальной неоднородности, неравномерности и поливариантности развития, предлагая для более полного понимания векторов изменений в сложных системах рассматривать их в динамике, во взаимодействии с «хаосом» и «порядком».

Так, например, Э. Морен [16], исследуя беспорядочные движения и случайные взаимодействия в сложных системах, выявил цикл «взаимного сопроизводства», ставший основой концептуальной модели тетраэдра, вершинами которого являются категории «порядок», «беспорядок», «организация», «содействия и столкновения».

Предложенная конструкция тетраэдра акцентирует устойчивую логическую взаимосвязь всех этих категорий. Так, «порядок» и «организация» в логике методологии сложности не могут существовать без «взаимодействий и столкновений». Модель тетраэдра Морена означает, что чем больше развиваются «порядок» и «организация», тем более устойчивыми они становятся по отношению к «беспорядку», больше его используют и даже нуждаются в нем [Там же, с. 84].

Аналогом модели тетраэдра Морена является предложенная нами «пирамида устойчивого развития», вершинами которой являются три цели устойчивого развития (экономическая, социальная, экологическая), а также принципиальное условие их достижения — обеспечение экономической безопасности [7, 8]; обе модели имеют триадическую структуру и основаны на триадическом принципе, в соответствии с которым любая триадическая структура функционирует следующим образом: каждая пара элементов находится в отношениях дополнительности, а третий элемент задает меру совместимости и определяет направление к целостности.

Если рассматривать модель тетраэдра Морена в проекции на теорию экономического развития, то можно сказать следующее:

- категория «организация» соответствует стратегии государства и действиям субъектов социально-экономических отношений по трансформации экономической системы с целью поддержания ее устойчивости и обеспечения предсказуемости будущего развития;
- категория «беспорядок» обусловлена процессами хаотизации экономического взаимодействия и разнонаправленностью интересов субъектов хозяйственной деятельности в соответствии с различными целями и векторами их интересов;
- категория «порядок» поддерживается с помощью развития формальных и неформальных правил, норм и институтов, обеспечивая национальную безопасность в сфере экономики.

Целью выполненного исследования, результаты которого представлены в данной статье, являлся анализ возможности реализации концепции устойчивого развития в контексте реальности современных вызовов энергетического рынка.

Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи:

- выполнен ретроспективный анализ введения в понятийно-терминологический оборот термина *new normal*;
- на основе анализа долгосрочных трендов мировой экономики сформулированы вызовы современного энергетического рынка;
- обоснована необходимость инновационного развития нефтегазового сектора (НГС) Российской Федерации в качестве адекватного ответа и меры разумного реагирования на вызовы энергетического рынка.

История происхождения и актуализация термина «new normal»

Сейчас уже достаточно сложно точно назвать дату и вспомнить информационный повод, когда впервые было сформулировано определение такого явления как *new normal*. Так, например,

авторитетный лондонский журнал *The Economist* ссылается на политический словарь, в котором в 1968 г. У. Сайфир опубликовал со ссылкой на президентскую компанию У. Гардинга выражение «нормальность» (*normalcy*). Впоследствии, по мнению этого же журнала, данное выражение было использовано в коммюнике лидеров G-20 на саммите в г. Питтсбурге в сентябре 2009 г., а его распространение связывают с активностью Мохамеда Эль-Эриана, одного из руководителей компании PIMCO (*Public Investment Management Company*, США), которая управляет крупнейшим в мире Паевым инвестиционным фондом [3].

Распространено также мнение, что термин *new normal* появился только в начале XXI века в контексте экспертного обсуждения состояния экономики США, сочетающего в себе низкие темпы экономического роста с высоким уровнем безработицы [22]. Д. А. Медведев, рассматривая глобальные вызовы современности для России, позже предложил свою интерпретацию термина *new normal* как «новой реальности» [15].

В данном контексте считаем необходимым вспомнить один факт относительно недавнего прошлого КНР. В мае 2014 г. КПК была представлена концепция «Новая норма», которая была положена в основу будущего развития страны. В связи с усилением понижительной динамики снижения темпов экономического роста в стране Председатель Госсовета КПК Си Цзиньпин объявил о необходимости перехода к «новому нормальному положению вещей» (*New Normal*), предполагающему обеспечение качественного роста, а не его высоких темпов. Суть новой модели развития «Новая норма», пришедшей на смену прежней стратегии «Мирное возвышение Китая», которая была характерна для трех предыдущих десятилетий и привела к выдающимся успехам КНР во всех сферах, состоит в том, что акцент переносится с количественных результатов на качественные. Модель развития «Новая норма» характеризуется инновациями, скоординированным и «зеленым» развитием, открытостью и инклюзивностью. При этом необходимо подчеркнуть, что «зеленое» развития Китая касается не только таких достаточно утилитарных вещей, как сохранение энергии и сокращение выбросов в окружающую природную среду, оно представляет собой общее дело и ответственность всех за негативные последствия производственно-хозяйственной деятельности человека. «Зеленое» развитие Китая, которое неизбежно связано с «зеленым» производством, идеально соответствует принципам устойчивого развития, формирующим систему индикаторов устойчивого развития в экономической, экологической и социальной сфере:

- экономические индикаторы — физическая инфраструктура (центральное водоснабжение, здравоохранение, электроснабжение, транспорт), инфраструктура ИКТ, инновации, занятость, торговля, производительность;
- экологические индикаторы — качество воздуха, водоснабжение, шум, качество окружающей среды, биоразнообразие, энергетика;
- социальные индикаторы — образование, здравоохранение, безопасность, жилье, культура, социальная вовлеченность.

«Зеленое» производство, которое является новой тенденцией и неотъемлемой частью программы развития всех промышленных секторов экономики КНР до 2025 г., способствует созданию Ассоциации экологически чистого производства (*Green Manufacturing Association — GMAC*) по координации всех отраслей экономики КНР.

Члены GMAC, возглавляемой Министерством промышленности и информационных технологий Китая, представляют ведущие научно-исследовательские институты и производственные предприятия железорудной и сталелитейной отрасли, производства строительных материалов, а также энергетической и финансовой сферы страны.

Благодаря принимаемым мерам КНР планирует к 2030 г. сократить удельные выбросы углерода (в расчете на единицу ВВП) на 60–65% по сравнению с уровнем 2005 г., а также увеличить до 20% долю неископаемых энергоносителей в общем энергопотреблении страны.

Зачастую происходит так, что некоторые экономические понятия начинают активно использоваться в том случае, когда складываются определенные внешние условия. И в настоящее время термин *new normal* как новая реальность широко используется для описания той ситуации вызова, которая требует разработки новой модели экономического развития, адекватной современным угрозам и рискам.

Вызовы современного энергетического рынка

Согласно концепции технологических укладов С. Ю. Глазьева [4], период 2010–2018 гг. соотносится с эмбриональной фазой Шестого технологического уклада; 2018 г. можно определить, соответственно, как начало фазы роста этого технологического уклада, которая будет продолжаться до 2040 г., после чего Шестой технологический уклад вступит в фазу своей зрелости (рис.).

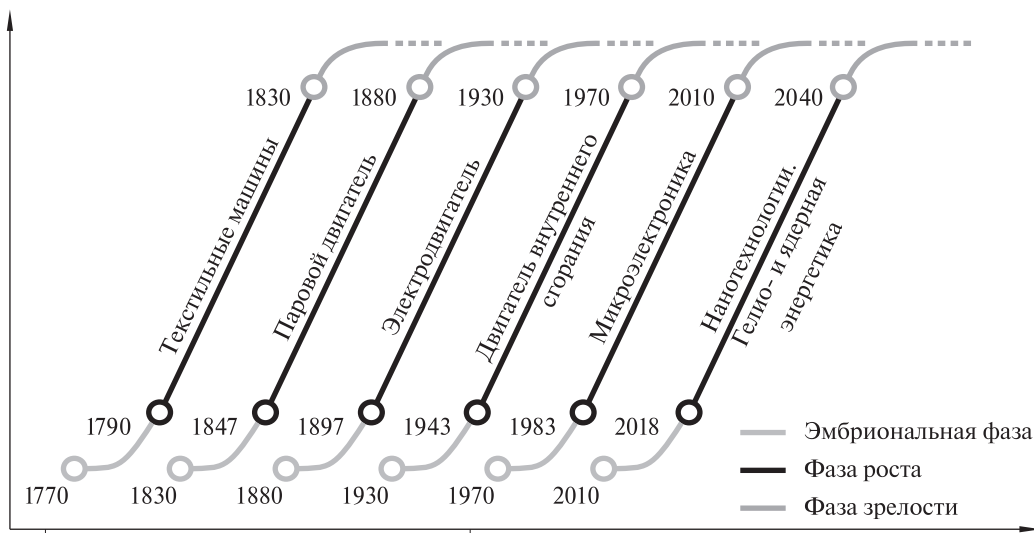

Рис. Периодизация технологических укладов (по Глазьеву)

Ключевыми видами энергии для Шестого технологического уклада будет являться гелио- и ядерная энергетика. Шестой технологический уклад вступит в фазу зрелости уже в 30–40-е гг. XXI в., и в данном контексте крайне актуальна проблема обеспечения технологической безопасности России, важнейшим содержанием которой является [9]:

- обеспечение научно-технической и технологической независимости государства от внешних угроз;
- недопущение или ограничение проникновения на территорию государства морально устаревших технологий, наносящих вред экономике, экологии и здоровью человека.

В 2018 г. Римский клуб представил новый доклад, приуроченный к своему полувековому юбилею, «Come On! Капитализм, близорукость, население и разрушение планеты» [23]. Ключевой идеей доклада, подготовленного двумя президентами Римского клуба Эрнстом У. фон Вайцзеккером и Андерсом Вийкманом при участии 34 членов клуба, является идея «нового Просвещения», результатом которого должно стать целостное мировоззрение — гуманистическое и открытое развитие, ценящее устойчивость и заботящееся о будущем.

По Э.-У. фон Вайцзеккеру, для Шестого технологического уклада принципиальным является промышленная экология и «зеленые» нанотехнологии, которые при этом позволяют достичь устойчивости и максимальной производительности ресурсов.

Анализ долгосрочных трендов развития позволяет сделать два главных важных вывода в отношении источников и видов энергии будущего:

- 1) ключевым фактором перестройки мировой энергетики является ограничение на выбросы парниковых газов;
- 2) все более востребованными в мире становятся безуглеродные источники энергии, предполагающие отказ от традиционных технологий ее производства.

Таким образом, если возобновляемые источники энергии (ВИЭ) смогут составить реальную конкуренцию традиционным (ископаемым) видам топлива, то правительства и крупные корпорации (в том числе и глобальные корпорации) обратятся к «зеленой» энергетике для ввода новых мощностей, что снизит спрос на углеводородные источники энергии.

В данном контексте, для справедливости, нам представляется нужным привести и другую точку зрения в отношении «зеленой» энергетике, которую разделяют многие зарубежные и российские эксперты.

Скорее всего, «зеленая» энергетика не сможет даже близко покрыть требуемый объем генерации в силу причин природного (непредсказуемость уровня производства электроэнергии — солнце не всегда светит, ветер не всегда дует) и экономического (убыточности производства) характера...

В настоящее время во всех развитых странах мира наблюдается увеличение доли автотранспорта на базе электрических, гибридных, водородных и газифицированных двигателей.

В Китае, занимающем второе место в мировом рейтинге крупнейших покупателей нефти, в 2014 г. произошла корректировка модели экономического роста, о чем мы уже говорили. Вместо приоритета обеспечения высоких темпов развития, быстрого увеличения ВВП, во имя которых допускалась непропорциональность развития, не решались экологические проблемы и приносились в жертву даже интересы некоторых слоев населения, когда приоритетное значение придавалось внешнему рынку и привлечению инвестиций любой ценой, акцент в государственной экономической политике был перенесен на качественную сторону («качество в количестве», «качество количества»).

Особенность «Новой нормы» как новой модели развития (и, собственно, скорректированной модели экономического роста) КНР состоит в том, что она предполагает высокое качество экономики, сбалансированность всех отраслей народного хозяйства в гармоничном сопряжении с регионами, повышение эффективности капиталовложений, уменьшение энергоемкости, повышение наукоемкости производимой продукции, резкое сокращение выбросов вредных веществ в атмосферу.

Завершился период встраивания КНР в глобальные цепочки добавленной стоимости в качестве поставщика дешевой рабочей силы и вложения значительных денежных средств в финансовые институты Запада и США; пришло время производства высококачественных и конкурентоспособных товаров (главным образом, для внутреннего рынка), создания самостоятельной финансовой системы государства.

Вследствие изменения модели экономического роста самыми актуальными для КНР стали проблемы охраны окружающей среды, снижения материалоемкости и энергоемкости экономики.

Более быстрое по сравнению с промышленностью развитие сферы услуг и диверсификация промышленности предполагают меньшую энергоемкость экономики: это означает, что прогнозируемый рост в 6,5% в год не будет сопровождаться пропорциональным (а то и прогрессирующим, как в начале XXI в.) усилением экологического кризиса вследствие роста техногенной нагрузки на окружающую природную среду.

Более того, предусматривается переход с угля на неуглеводородные источники энергии, доля которых должна увеличиться с 12% до 15%. Поэтому ежегодно в КНР вводятся гигаватты мощностей солнечной и ветровой энергетики, в результате чего, по мнению экспертов, в скором времени в стране уже будет достигнут пик потребления углеводородов [6].

По итогам 2015 г. Китай производит 1/3 мировой генерации энергии ветра и 1/5 мировой генерации солнечной энергии, и этот тренд будет усиливаться. Также активно планируется развивать атомную отрасль: с настоящих 28 ГВт до 58 ГВт к 2020 г. и до 250 — к 2050 г. (для сравнения, США сейчас имеет 100 ГВт атомной энергии).

Вследствие того, что в 2017 г. в Китае было введено 50 ГВт новых мощностей на основе ВИЭ, в настоящее время Азия представляет быстро развивающийся рынок ВИЭ.

Если рассматривать ситуацию с производством электроэнергии в Российской Федерации, то она такова.

Для производства первичной энергии в настоящее время в стране потребляется около 700 млн т н.э.¹ энергоресурсов; почти 90% общего потребления приходится на ископаемые виды топлива (нефть, природный газ, уголь).

В долгосрочных прогнозах, разработанных Минэнерго России, доминирующая роль в энергообеспечении по-прежнему отводится ископаемым видам энергоресурсов; при увеличении к 2035 г. энергопотребления на 24% ожидается рост потребления газа и угля на 24% и 9% соответственно. При этом достаточно обоснованной является необходимость перехода не позднее 2020–2030-х гг. к политике сценариев «Низкоуглеродная Россия», иначе возможности и перспективы экономического роста в значительной степени будут тормозиться дефицитом энергии и ее высокой стоимостью [1; 2; 13; 19 и др.].

Анализ доклада, подготовленного Международным энергетическим агентством (МЭА), «World Energy Outlook 2017»² позволит сделать следующие выводы.

1. Прогнозируется увеличение мирового спроса на нефть на 10% к 2040 г., увеличение потребления природного газа на 45% (общий объем мировой добычи газа к 2040 г. превысит 5,3 трлн м³).
2. США, которые в настоящее время являются ключевым игроком энергетического рынка, сохраняют лидирующие позиции на нефтегазовом рынке (16,8 млн барр./сут. к 2025 г.); второе место в списке займет Саудовская Аравия (12,3 млн барр./сут. к 2025 г.), третье место — Россия (10,5 млн барр./сут. к 2025 г.).

¹ 1 т н.э. — это 1 т нефтяного эквивалента, то есть энергия, которую можно получить из 1 т нефти.

² [Электронный ресурс]. URL: <https://nangs.org/analytics/eia-international-energy-outlook-2017-eng-pdf-pptx> (дата обращения: 08.08.2018).

3. США будут доминировать на газовом рынке: к 2025 г. США обгонят Россию и будут добывать 971 млрд м³ газа, а к 2040 г. — более 1 трлн м³ газа.
4. Россия к 2025 г. будет добывать 718 млрд м³ газа, а к 2040 г. — 788 млрд м³ газа, оставаясь лидером по газовому экспорту как в среднесрочной, так и в долгосрочной перспективе: доля российского газа в мире составит 37% к 2025 г. и 40% к 2040 г.

По оценкам МЭА, основным драйвером роста мировой газодобычи станет сланцевый газ, в первую очередь за счет применения компаниями США метода фрекинга — технологии добычи нефти или газа, которая позволяет увеличить количество добываемого сырья за счет гидравлического разрыва пласта (ГРП).

В настоящее время сланцевый газ в коммерческих объемах производится только в трех странах — США (примерно 50% общей добычи газа), Канаде и Китае. Операционные издержки добычи оцениваются в \$ 12–20 за баррель, включая затраты на оплату труда, налоги, затраты на энергию, обслуживание месторождения и транспорт до магистральных систем или других объектов нефтетранспорта; капитальные затраты оцениваются в \$ 9,7–12,6 за баррель [17, с. 22].

Результаты анализа текущего состояния и перспектив добычи сланцевой нефти в проекции развития нефтегазового комплекса России позволяют сделать следующие выводы [11].

1. Сланцевая нефть уже сегодня является конкурентоспособной по отношению к традиционной нефти, что формирует для компаний-производителей возможность включать подобные месторождения в свои портфели активов в качестве доходных.
2. С большой долей вероятности можно утверждать, что низкие издержки на добычу сланцевой нефти приведут к ужесточению ценовой конкуренции и снижению мировых цен на традиционную нефть.
3. Ключевую роль в формировании будущего нефтяного рынка будут играть вопросы технологических инноваций в добыче.
4. Необходимо разрабатывать собственные российские технологии ГРП и необходимую для этого технологическую арматуру.

Если говорить о техническом обеспечении геологоразведки и нефтедобычи, то еще несколько лет назад доля импортного обеспечения по насосно-компрессорному оборудованию составляла 61%; по оборудованию для шельфа — 78% [18]. В настоящее время основная часть закупок в нефтяной отрасли приходится на отечественные товары и услуги; для ПАО «Газпром нефть», например, этот показатель составляет 90% [20].

Так, в России сейчас производится достаточное количество электроцентробежных насосов, насосно-компрессорных труб, буровой техники, то есть стандартного технологического оборудования для добычи на суше из традиционных коллекторов; гораздо сложнее дело обстоит с высокотехнологичным оборудованием, применяющимся для освоения шельфа или трудноизвлекаемых запасов материковой зоны. Сегодня в нефтедобыче используется до 70% импортного оборудования для закачивания скважин и проведения многостадийного ГРП. На долю российских производителей приходится только оборудование для осуществления шарового многостадийного ГРП — технологии, недостаточно эффективной для трудноизвлекаемых запасов. Тем не менее, по оценке экспертов, у нас есть вся необходимая производственная база и интеллектуальные ресурсы для создания альтернативной технологии, перспективной для освоения трудноизвлекаемых запасов; не исключается также вариант локализации на территории России производств западных компаний, имеющих необходимые компетенции в этой сфере.

В качестве примера технологической инновации можно привести использование атомных станций малой мощности (АСММ), которые позволяют закачивать в нефтеносный горизонт горячий теплоноситель для добычи тяжелой нефти.

Подводя итог вышесказанному, можно следующим образом сформулировать новые вызовы энергетического рынка:

- формирование модели низкоуглеродной экономики, что закономерно ведет к сокращению спроса на ископаемые виды топлива и заставляет переориентироваться на альтернативные источники энергии;
- избыток предложения углеводородов вследствие «сланцевой революции» и открытия новых месторождений углеводородного сырья, что приводит к снижению рыночной цены;
- изменение условий конкуренции на рынке газа, в результате чего «замыкающей» становится цена сланцевой нефти.

В этих условиях адекватным ответом и мерой разумного реагирования России на вызовы энергетического рынка является ускоренное инновационное развитие НГС страны.

Инновационное развитие НГС России как адекватный ответ и мера разумного реагирования на вызовы энергетического рынка

Замедление экономического роста значительно уменьшает спрос на продукцию НГС и снижает инвестиционную активность предприятий, для которых свойственны следующие проблемы [10]:

- ухудшение ресурсной базы вследствие истощения действующих месторождений углеводородов;
- сокращение производственной мощности и снижение качества новых месторождений;
- технологическое отставание от уровня развитых стран;
- высокий уровень зависимости от импорта части основного технологического оборудования, материалов и услуг;
- существенный износ объектов производственных фондов и объектов инфраструктуры;
- ограниченные возможности привлечения долгосрочных финансовых ресурсов и др.

Все это становится причиной нехватки инвестиций, в том числе и на инновационную деятельность, которая является основой инновационного развития.

В нефтяной промышленности России налицо дефицит инновационных отечественных технологий, без которых невозможно разрабатывать практически все новые перспективные ресурсы углеводородов, к которым относится шельфовая зона Арктики, месторождения Восточной Сибири, глубокие горизонты месторождений Западной Сибири. Так, например, одно из главных направлений поддержки и прироста добычи нефти в России связано с освоением глубоких горизонтов баженновской свиты, наличие залежей сланцевой нефти в которой доказано на 90 площадках территории Западной Сибири. Однако из-за сложных горно-геологических условий (в частности, низкой проницаемости) нефтеотдача запасов при их разработке с помощью традиционных технологий может составить не более 5%.

Для нашей страны особенность перехода к инновационному типу развития заключается в том, что необходимо одновременно решать задачи как догоняющего, так и опережающего развития. Но в условиях открытой экономики и глобальной конкуренции даже теоретически не представляется возможным догнать развитые страны по уровню благосостояния и эффективности, не обеспечивая при этом опережающего развития в тех секторах экономики, которые определяют ее специализацию в мировом хозяйстве. Такой подход требует использования глобальных конкурентных преимуществ Российской Федерации в энергетической сфере и включает [14]:

- достижение стабильности в снабжении энергоресурсами крупнейших мировых потребителей в рамках реализации стратегических международных проектов;
- развитие крупных узлов международной энергетической инфраструктуры на территории России на основе применения новых технологий;
- формирование современной транспортной инфраструктуры, использование транспортного потенциала российской экономики, замыкание грузопотоков на российские транспортные коридоры.

По нашему мнению, инновационное развитие предприятий НГС связано с изменением модели поведения компании: модель максимизации прибыли, которую сейчас используют практически все ключевые компании НГС, должна сменить модель максимизации добавленной стоимости (японская модель), которая объективно «заточена» на внедрении инноваций. Реализация модели максимизации добавленной стоимости позволит предприятиям НГС России сформировать стратегические конкурентные преимущества и создать условия для сбалансированного устойчивого развития при неблагоприятной конъюнктуре на мировых рынках углеводородного сырья [10].

Созданию благоприятных условий инновационного развития предприятий НГС России должны способствовать меры государственной поддержки, такие как [11]:

- освобождение от налогов части прибыли компаний, реинвестируемой в обновление основных фондов;
- освобождение от налогов прибыли коммерческих организаций, направляемой на спонсирование науки и образования (гранты, стипендии, добровольные пожертвования и пр.);
- создание государственных институтов поддержки технологических инноваций на мировом рынке посредством содействия международному патентованию разработок, проведения технологической экспертизы, льготного кредитования высокотехнологичного экспорта;
- создание специального института управления государственной научно-технической и инновационной политикой в сфере ТЭК.

Выводы и предложения

1. В настоящее время использование термина *new normal* как новой реальности характеризует ситуацию вызова, которая требует разработки новой модели экономического развития, адекватной современным угрозам и рискам.
2. Ключевым фактором перестройки мировой энергетики является ограничение на выбросы парниковых газов; все более востребованными становятся безуглеродные источники энергии, предполагающие отказ от традиционных технологий ее производства.
3. Адекватным ответом и мерой разумного реагирования России на современные вызовы энергетического рынка (формирование модели низкоуглеродной экономики, избыток предложения углеводородов, изменение условий конкуренции на рынке газа) является ускоренное инновационное развитие НГС страны.
4. Российская Федерация должна разумно использовать свои глобальные конкурентные преимущества в энергетической сфере. Это предполагает достижение стабильности в снабжении энергоресурсами крупнейших мировых потребителей в рамках реализации стратегических международных проектов; развитие крупных узлов международной энергетической инфраструктуры на территории России на основе применения новых технологий; формирование современной транспортной инфраструктуры; использование транспортного потенциала российской экономики; замыкание грузопотоков на российские транспортные коридоры.
5. Инновационное развитие предприятий НГС связано с переходом от модели максимизации прибыли к модели максимизации добавленной стоимости.
6. Созданию благоприятных условий инновационного развития предприятий НГС России должны способствовать такие меры государственной поддержки, как: освобождение от налогов части прибыли компаний, реинвестируемой в обновление основных фондов; освобождение от налогов прибыли коммерческих организаций, направляемой на спонсирование науки и образования (гранты, стипендии, добровольные пожертвования и пр.); создание государственных институтов поддержки технологических инноваций на мировом рынке посредством содействия международного патентования разработок, проведения технологической экспертизы, льготного кредитования высокотехнологичного экспорта; создание специального института управления государственной научно-технической и инновационной политикой в сфере ТЭК.

Литература

1. Башмаков И. А. Низкоуглеродная Россия: 2050 год. М. : Авис Оригинал, 2009.
2. Башмаков И. А., Мышак А. Д. Сравнение прогнозов выбросов парниковых газов в секторе «энергетика» России на 2010–2060 гг. // Проблемы прогнозирования. 2014. № 1. С. 48–62.
3. Брагина Е. Новая нормальность // Экономическая теория и практика. 2012. № 4 (23) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mirec.ru/2012-04/novaa-normalnost> (дата обращения: 08.08.2018).
4. Глазьев С. Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития / С. Ю. Глазьев; Международный фонд Н. Д. Кондратьева. М. : ВладДар, 1993.
5. Жизнь в осыпающемся мире. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Октябрь, 2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.valdaiclub.com/files/22596/> (дата обращения: 08.08.2018).
6. Китай, Россия, США и расстановка сил на мировом рынке энергетики [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dw.com/ru> (дата обращения: 08.08.2018).
7. Куклина Е. А. Региональная безопасность в условиях современных инновационных вызовов и угроз / Стратегическое управление в сфере национальной безопасности России: безопасность регионов России : материалы Второй Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 23 мая 2014) / под ред. С. В. Смутьского, А. В. Шевченко. М. : Проспект, 2014. С. 77–83.
8. Куклина Е. А. Устойчивое развитие, жизнеспособность и региональная безопасность // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Сер. «Экономика». 2015. Т. 6. № 2. С. 21–27.
9. Куклина Е. А. Технологическая безопасность России как ключевой элемент системы национальной безопасности в условиях формирования нового технологического уклада: прогностический аспект // Стратегическое управление в сфере национальной безопасности России: планирование и прогнозирование : Материалы Третьей Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 22 мая 2015 г. / под общ. ред. А. В. Шевченко. М. : Проспект, 2016. С. 86–95.
10. Куклина Е. А. Инновационное развитие предприятий нефтегазового комплекса на основе реализации модели максимизации добавленной стоимости // Управленческое консультирование. 2018. № 4 (112). С. 39–52.
11. Куклина Е. А. Инновационная деятельность предприятий нефтегазового сектора России в условиях новых вызовов энергетического рынка // Экономика нового мира. 2018. № 3. С. 5–13.
12. Куклина Е. А., Старикова О. В. Устойчивое развитие регионов России и региональная безопасность в контексте *new normal* // Вестник УрФУ. Серия Экономика и управление. 2016. Т. 15. № 3. С. 401–419.

13. Луговой О. В., Лайтнер Д., Поташников В. Ю. Низкоуглеродное развитие как драйвер экономического роста // Российское предпринимательство. 2015. Т. 16. № 23. С. 4221–4228.
14. Любвина В. С. Теоретические основы необходимости перехода топливно-энергетического комплекса России на инновационный путь // Научный вестник Московского государственного горного университета. 2011. № 1. С. 48–52.
15. Медведев Д. Новая реальность: Россия и глобальные вызовы // Вопросы экономики. 2015. № 10. С. 5–29.
16. Морен Э. Метод. Природа Природы / пер. и вступ. ст. Е. Н. Князевой. Изд. 2-е, доп. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. 464 с.
17. Д. Грушевенко, Е. Грушевенко. Нефть сланцевых плеев — новый вызов энергетическому рынку? Информационно-аналитический обзор / под ред. А. Макарова, Т. Митровой, В. Кулагина. Центр изучения мировых энергетических рынков ИНЭИ РАН, 2012. 50 с. [Электронный ресурс]. URL: https://www.eriras.ru/files/spravka_slanc_njeft.pdf (дата обращения: 08.08.2018).
18. Григорьев С. Н., Грибков А. А. Российский рынок металлообрабатывающего оборудования: как обеспечить технологическую безопасность страны // ЭКО. 2015. № 3. С. 14–29.
19. Сафонов Г. В., Багиров А. Т. Энергетическая безопасность и климат: глобальные вызовы для России, М. : ТЕИС, 2010. 303 с.
20. Стратегическая замена. Основные направления программы импортозамещения в нефтяной отрасли [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gazprom-neft.ru/press-center/sibneft-online/archive/554/1113021/> (дата обращения: 08.08.2018).
21. Тушканчиков В. Китайский пятилетний план: общий вид [Электронный ресурс]. URL: <https://colonelcassad.livejournal.com/3217634.html> (дата обращения: 08.08.2018).
22. Юдаева К. New Normal для России // Экономическая политика. 2010. № 10. С. 196–200.
23. Weizsaecker E., Wijkman A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. Springer, 2018. 220 p.

Об авторе:

Куклина Евгения Анатольевна, профессор кафедры бизнес-информатики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; jeakuklina@mail.ru

About the author:

Evgenia A. Kuklina, North-West Institute of Management of RANEPA (Saint-Petersburg, Russian Federation), Chair of Business Informatics, Doctor of Science (Economy), Full Professor; jeakuklina@mail.ru

Использование экологической мифологии в целях придания легитимности процессу глобализации

Леплинский Ю. И.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; LepUry@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Целью работы является рассмотрение особенностей использования экологической мифологии для придания научной обоснованности планам устроителей «нового мирового порядка». Выделены основные принципы и этапы реформирования мирового сообщества по планам глобализации с целью ликвидации его структурного устройства как совокупности государств. Отмечена необходимость маскировки истинных целей глобалистов. Рассмотрены особенности природопользования в современном западном обществе и их связь с современным глобальным экологическим кризисом. Рассмотрены фундаментальные принципы природопользования рыночной экономики: природные ресурсы «неисчерпаемы» и «не имеют собственной стоимости». Рассмотрен миф о «глобальном потеплении». Дана критическая оценка версиям потепления и похолодания климата на Земле в настоящее время. Сделан анализ причин увеличения количества углекислого газа в приземном слое атмосферы. Рассмотрено утверждение о предстоящем подъеме уровня мирового океана по причине выделения углекислого газа антропогенными источниками. Сделан реферативный анализ научной дискуссии: как соотносятся между собой явления повышения концентрации углекислого газа за последние десятилетия и повышение температуры приземной части атмосферы за то же время. Проанализированы причины, по которым псевдонаучный миф «глобальное потепление» настойчиво продвигается сторонниками глобализма через СМИ. Сделаны следующие выводы. Потепление климата является следствием природных циклических колебаний температуры атмосферы нашей планеты. Поскольку причина потепления носит не антропогенный характер, этот процесс человек регулировать не может. Увеличение количества углекислого газа обусловлено повышением температуры планеты по причине воздействия изменяющихся космических факторов, которые в истории Земли периодически меняются, приводя к ледниковым и межледниковым периодам. Антропогенная природа потепления климата не соответствует действительности, но такая версия используется сторонниками глобализма с политической целью, так как позволяет построить миф о виновности стран, владеющих ресурсами, в активизации «парникового эффекта». А раз так, утверждают сторонники «нового мирового порядка», мир можно спасти только через насильственное лишение суверенитета государств на природные ресурсы.

Ключевые слова: глобализация, «глобальное потепление», «парниковый эффект», всемирный потоп, экологические мифы, глобальный экологический кризис, коллективный суверенитет

The Use of Environmental Mythologies In Order To Legitimize the Globalization

Yuri I. Lepinskiy

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; LepUry@yandex.ru

ABSTRACT

The purpose of this work is to consider the features of the use of environmental mythology, to give scientific validity to the plans of the organizers of the "new world order". The basic principles and stages of reforming the world community according to the plans of globalization, in order to eliminate its structural structure as a set of States. The necessity of masking the true goals of globalists is noted. The features of nature use in the modern Western society and their connection with the modern global ecological crisis are considered. The fundamental principles of environmental management of the market economy are considered: natural resources are "inexhaustible" and "do not have their own value". The myth of "global warming" is considered. A critical assessment of the versions of warming and cooling of the earth's climate is given. The analysis of the reasons for the increase in the amount of carbon dioxide in the surface layer of the atmosphere. The statement about the forthcoming rise in the level of the world ocean due to the release of carbon dioxide by anthropogenic sources is considered. Abstract analysis of the scientific discussion is made: how do the phenomena of increasing the concentration of carbon dioxide over the past decades and the increase in the temperature of the surface of the atmosphere at the same time relate to each other. The reasons why the pseudoscientific myth of "global warming" is persistently promoted by supporters of globalism through mass media are analyzed. The following conclusions are made. Climate warming is a consequence of natural cyclic fluctuations in the temperature of the atmosphere of our planet. Since the cause of warming is not man-made, this process can not be regulated by man. The increase in the amount of carbon dioxide is due to the increase in the temperature of the planet due to the impact of changing space factors, which in the history of the Earth periodically change, leading to glacial and interglacial periods. The anthropogenic nature of climate warming is not true, but this version is used by supporters of globalism for political purposes, as it allows to build a myth about the guilt of countries that own resources in activating the "greenhouse effect". And if so, say the supporters of the "new world order", the world can be saved only through the forcible deprivation of the sovereignty of States on natural resources.

В настоящее время экологию все чаще начинают рассматривать с позиции глобализации, так как эта античеловеческая доктрина остро нуждается в научном (или псевдонаучном) обосновании. Экология оказывается на перепутье: продолжать быть наукой и служить людям или преобразоваться в инструмент для достижения чьих-то глобально-политических целей?

Подробное рассмотрение данной проблемы находится за рамками этой статьи. Здесь будет проанализирован достаточно узкий вопрос — использование конкретного экологического мифа с целью придания научной обоснованности планов устроителей «нового мирового порядка».

Термин «глобализация» появился сравнительно недавно, в 1975 г.; он был предложен американским ученым Р. Робертсоном и сразу породил множество многополярных определений и интерпретаций в большинстве своем мифического плана — от эмоционального мессианского восторга долгожданного наступления эры всеобщего братства и любви до мрачных конспирологических построений заговора против человечества.

Претендуя на некую новую универсальную систему ценностей, долженствующую заменить все богатство и многообразие культур всех народов, авторы этой концепции хотят продвинуть и навязать всему миру уже старую, хорошо известную и апробированную историей модель. Человечеству предлагают жить по единому проекту, созданному глобальным гегемоном современности — англосаксонским Западом.

Но по этому проекту более трех веков развивались государства, которые принято считать принадлежащими к западной цивилизации, и результат налицо. Историческое испытание практически показало, что по главным аспектам — духовному, социокультурному, экономическому, политическому — западная цивилизация оказалась несостоятельной, что и привело к современной экологической катастрофе. К такому заключению пришли не только представители иных культур (Данилевский), но и апологеты западной модели жизнеустройства — Сорокин, Шпенглер, Тойнби, Фукуяма.

Глобализм как закономерное и еще более агрессивное и абсурдное продолжение развития западной модели жизнеустройства в еще большей степени вступает в непримиримые противоречия не только с законами развития общества, но, прежде всего, с законами природы. Именно этим и объясняется наступление и развитие глобального экологического кризиса (ГЭК) на планете.

Однако, несмотря на очевидную катастрофичность взятого курса, господство Золотого Миллиарда (ЗМ) в материальной и информационной сферах породило и сделало возможным внедрять в массовое общественное сознание терпимое и даже положительное отношение к идеям глобализации.

Для формирования положительного отношения населения планеты к проекту глобализации был создан Римский клуб — коллектив ученых-популяризаторов. Вот краткий перечень основных программных докладов Римского клуба, начиная с 1972 г. (табл.).

При внимательном рассмотрении можно увидеть, что главное направление реформ глобализма — это ликвидация структурного устройства мирового сообщества как совокупности государств в самом широком смысле. Иными словами, «...глобализация обращена против государств и предусматривает: их разрушение, превращение „мира государств“ в атомизированный „мир людей“... а затем „сборку“ этих людей-атомов в новую, уже глобальную общность» [1].

Из этого хорошо просматриваются основные идеи глобализации мира:

- снижение энергоемкости и остановка промышленного роста;
- снижение численности населения;
- региональный передел мира;
- разрушение идентичностей — этнических и национально-государственных; религиозная унификация.

Трудно представить, что декларация таких целей вдохновит человечество на кардинальную переделку мира. Требовалось обосновать неизбежность демонтажа мироустройства планеты.

А для этого нужен был не только камуфляж истинных намерений глобалистов, но и средства для обоснования необходимости кардинального изменения мирового жизнеустройства не в связи с корыстной заинтересованностью мировых финансовых воротил, а по причине объективных, независящих, сложившихся естественно обстоятельств. Тогда рецепты глобалистов можно представить как план спасения человечества, где жертвы неизбежны.

И выход был найден — экология. «Основатель Римского клуба Аурелио Печчеи признавался, что ему удалось найти Троянского коня и выиграть первый раунд схватки за будущее мира куда

Основные программные доклады Римского клуба

Год	Авторы	Доклад	Основные идеи
1972	Д. Медоуз и др.	Пределы роста	Заявлена основанная на ограничении рождаемости концепция «нулевого роста»
1974	М. Месарович — Э. Пестель	Человечество на перепутье	Предложена «десятирегиональная» модель с перспективой объединения регионов в три «мировых блока» (предусмотрено разделение России по Уралу)
1976	Я. Тинберген	Пересмотр международного порядка	Предложена концепция поэтапной передачи государственных суверенитетов глобальным институтам (коллективный суверенитет)
1977	Э. Ласло	Цели для челове- чества	Предложена замена традиционных конфессий «новой мировой религией», в основе которой будет лежать «иудео-христианство» («революция мировой солидарности»)
1978	Т. де Монбриаль	Энергия: обрат- ный отсчет	Предложена концепция замены естественных источников энергопотребления «возобновляемыми» («энергоэффективная» цивилизация)
1987	Э. Пестель	За пределами роста	Детализируется концепция «нового мирового порядка», предложенная Я. Тинбергеном, за 15-летний период после выдвинутой им концепции «Пределы роста»
1990	А. Кинг — Б. Шнайдер	Первая глобаль- ная революция	Провозглашен примат глобальных проблем над национальными. Продвижение теорий «устойчивого развития» и «глобального потепления»

быстрее, чем «ахейцам, осаждавшим Трои». Под этим «Троянским конем» как раз и понималась экология» [1].

Глобальный экологический кризис (его преодоление) стал основным инструментом в обосновании введения реформ Римского клуба. Здесь нельзя не согласиться с тем, что «сумма идей Римского клуба — это и есть идеология глобализации, которую кто-то очень заинтересованный изложил через призму экологии. Но при этом уложил в эту идеологию „расширенное“ толкование экологии, не только собственно экологическое, но и экономическое, и социальное, и политическое. И назвал эту идеологию концепцией „устойчивого развития“» [1].

Глобалисты стали продвигаться к мировому господству под знаменем борьбы с ГЭК. Все пункты стратегии «устойчивого развития» интерпретировались через призму «экологической обусловленности борьбы с ГЭК» — если что в рецептах и действиях глобалистов населению планеты не нравится, так это не вина банковских олигархов, рвущихся к мировому господству, а следование непреложным законам науки — экологии, против которых выступать нельзя.

Однако все оказалось не так просто. Сама суть устремлений создателей нового мирового порядка полностью противоречит естественным законам природы: историческим, социальным, биологическим. Привлечь экологию как науку к обоснованию планов и действий глобалистов можно было только через ее фальсификацию, когда научное содержание игнорировалось, а внешняя риторическая оболочка использовалась. В результате в области культурологии возникло новое явление — «экологическая мифология», которая стремительно вытесняла научное осознание ответственности планов и деяний глобалистов экологическим законам природы посредством мощного аппарата СМИ и массмедиа. Далее будет рассмотрен конкретный пример из области экологических мифов, но предварительно следует упомянуть о главном, общем фундаментальном мифологическом основании в области природопользования англосаксонской цивилизации.

Рассмотрим основные принципы природопользования, положенные в основу политэкономии, которые будут процитированы непосредственно по классическим трудам экономистов и философов — корифеев, основопологателей — тогда еще молодой, формировавшейся экономической модели протестантского мира — рыночной экономики.

Источником цитат является работа С. Г. Кара-Мурзы [2]. Д. Рикардо утверждал: «Ничего не платится за включение природных агентов, поскольку они *неисчерпаемы* (курсив мой) и доступны

всем». Аналогичное утверждение делает Сэй: «Природные богатства *неисчерпаемы*, поскольку в противном случае мы бы не получали их даром. Поскольку они не могут быть ни увеличены, ни исчерпаны, они *не представляют собой объекта экономической науки* (курсив мой)». Сходную позицию занимает философ Т. Гоббс в «Левиафане»: минералы «Бог предоставил свободно, расположив их на поверхности лица Земли; поэтому для их получения необходимы лишь работа и трудолюбие [industria]. Иными словами, изобилие зависит только от работы и трудолюбия людей (с милостью Божьей)». То же утверждал и Маркс: «Силы природы *не стоят ничего* (курсив мой); они входят в процесс труда, не входя в процесс образования стоимости» [3, т. 47, с. 498].

Дж. Локк пришел к выводу, что в большинстве случаев доля труда в полезности продуктов составляет 99% затрат.

Итак, главное — основатели фундаментальной модели политэкономии единодушны в том, что истощение ресурсов невозможно, так как их бесконечно много. Сами по себе они (ресурсы) ничего не стоят, и роль природных факторов в стоимости товара пренебрежимо мала.

Таким образом, установка на отсутствие самостоятельной ценности и установка на бесконечность запасов природных ресурсов на планете в условиях экономики западной цивилизации логически исключает их сбережение и толкает общество на беспредельное, хищническое отношение к природным богатствам.

Иррациональность рыночных принципов природопользования в хозяйственном смысле и аморальность по отношению не только к представителям англосаксонского мира, но и ко всему человечеству, долгое время не приводила к их ревизии по простой причине: неосвоенных минеральных ресурсов на планете было еще так много, что можно было играть в эту смертельную для потомков игру — «бесконечное количество бесплатного сырья». Кроме того, эти идеи поддерживали крупнейшие философы и экономисты (Маркс, Ленин). В настоящее время человечество пожинает практические плоды теоретически «обоснованного» беспредела в пользовании природными ресурсами.

Наконец, все-таки преступная курьезность экономической платформы рыночной экономики в сфере потребления природных ресурсов не осталась без внимания критики. В 1865 г. «прозвенел первый звонок». У. Джевонс (Jevons) [4] в сенсационной книге «Угольный вопрос» провел анализ запасов и потребления угля в Великобритании до окончания века и сделал прогноз. У. Джевонс обосновал принципиальную невозможность неограниченной экспансии промышленного производства при условии экспоненциального роста потребления минерального топлива. Несмотря на то что книга регулярно переиздавалась в течение целого века, экономическая литература оставила ее без внимания.

Такая же судьба постигла важнейшую для политэкономии работу Р. Клаузиуса «О запасах энергии в природе и их оценка с точки зрения использования человечеством» (1885). Как сказал [6] С. Г. Кара-Мурза, «объясняя смысл второго начала термодинамики с точки зрения экономики, Клаузиус сделал такие ясные и фундаментальные утверждения, что, казалось бы, экономисты просто не могли не подвергнуть ревизии все главные догмы политэкономической модели»¹.

Русский ученый С. А. Подолинский (1850–1891) в своей главной работе «Труд человека и его отношение к распределению энергии» [Там же] также выступил против концептуальных установок политэкономии в сфере природопользования. Он, по сути, пересмотрел трудовую теорию стоимости и ввел туда оценку расхода и потребления энергии в результате человеческой деятельности, регулирующей энергетические потоки. Такой подход позволял рассчитать стоимости природных компонентов и труда человека в сопоставимом энергетическом эквиваленте. Тем не менее ни либеральная мысль, ни тем более марксистская на подобную ревизию принципов природопользования не пошла — достижения и этого ученого также остались проигнорированы.

Но наступил XX в., и теперь уже жизнь расставила все по своим местам. Геологическая «инвентаризация» — исчерпывающее обследование недр планеты к середине XX в. [5] на предмет количественного содержания в них природных ресурсов, необходимых для существования современных индустриальных государств, казалось бы, положила конец параноидальной установке рыночных идеологов на якобы факт неисчерпаемости ресурсов². Теперь можно было бы освободить теорию рынка от очевидной нелепости. Однако оказалось, что все не так просто. Отказ от этой догмы влечет за собой постановку ряда вопросов о состоятельности целой последовательности фундаментальных установок рыночной модели, таких как: отсутствие самостоятельной (абсолютной)

¹ [Электронный ресурс]. URL: http://portalus.ru/modules/philosophy/rus_readme.php?archive=0213&id=1108806365&start_from=&subaction=showfull&ucat=1 (дата обращения: 14.07.2018).

² Пономаренко В. Проблема 2033 [Электронный ресурс]. URL: <http://rusidiot.boom.ru/publics/pr2033.html> (дата обращения: 05.05.2015).

стоимости природного ресурса, ориентация на максимальное потребление ресурса как задачи достижения высокой экономической эффективности, максимизация загрязнения как средство достижения дополнительной экономической эффективности, необходимость сокращать население планеты с целью уменьшения потребления и многое другое...

Оказалось, что эти догмы в еще большей степени являются неотъемлемой частью идеологического обеспечения развития современной стадии развития капитализма — империалистического глобализма. Вместе с тем они обуславливают то современное состояние человечества и биосферы, которое определяется как ГЭК. По словам А. И. Субетто, «глобализация рассматривается как последняя стадия развития капитализма — империалистический глобализм — и связывается с экологической катастрофой земной цивилизации»¹.

Противоестественные экологические установки современной практики глобализма неизбежно вступают в противоречия с законами природы в виде проявлений ГЭК. В случае использования корректных научных подходов в интерпретации экологических конфликтов обнаруживается принципиальная несостоятельность идеологии и практики устроителей «нового мирового порядка». Поэтому большинство конфликтных ситуаций в сфере природопользования, демографии, загрязнения окружающей среды и т. д. можно со всей определенностью классифицировать как «экологические вызовы» глобализму.

Для того чтобы скрыть от человечества, что «новый мировой порядок» строится на антинаучной основе и может в реальности дать результаты, противоположные тем, что декларируются, была создана обширная сфера экологической мифологии, опирающаяся на низкий уровень образования населения и мощную систему формирования общественного мнения через средства массовой информации (СМИ).

Задачи мифов сходны — сформировать позиции общества согласно намерениям манипуляторов, которые обычно подаются как «спасение человечества», и поэтому они имеют сходную структуру построения, что облегчает их распознавание².

1. Содержание опасной угрозы для каждого человека или большинства (смерть от рака, наводнение, голод и т. д.).
2. Интерпретация фактов и суждений в искаженном виде таким образом, чтобы у окружающих сложилась позиция, нужная манипулятору. Комбинируются материалы из достоверных научных источников, из сомнительных источников, а также из откровенной дезинформации. Широко используется метод частичного умолчания («не полная правда») и другие приемы манипулирования сознанием.
3. Персонифицируется или формируется понятие «врага» или беды, с которыми все должны бороться.
4. Категорически не допускается иное, отличное от мифа, толкование данного явления.
5. Следование аргументации и логическим построениям манипуляторов обязательно приводит людей к «самостоятельным», спланированным ими выводам коммерческого или политического характера, которые мы воспринимаем как свои собственные и, главное, готовы даже иногда их отстаивать.

Для примера с позиции такой структуры рассмотрим популярный уже не один десяток лет миф — «глобальное потепление». Его краткое содержание: надвигается катастрофа — общепланетарное наводнение; мировой океан поднимется на десятки метров, что приведет к массовой гибели людей (п. 1); причина — потепление приземного слоя атмосферы, что приведет к таянию льдов на планете. Причина потепления — дополнительное к природному, антропогенное поступление CO₂ (и других газов), вызывающее усиление природного «парникового эффекта» и разогрев поверхности планеты (п. 2). Парниковые антропогенные газы поступают в атмосферу главным образом от промышленности. Современные промышленные предприятия территориально расположены в подавляющем большинстве в странах третьего мира, так что понятно, где искать виновных (п. 3). Это преамбула, а дальше можно увидеть, с какой прикладной политической целью (целями) этот миф создавался. Но сначала следует дать научную оценку аргументам, фактам и их толкованию авторами этой концепции — «глобальное потепление». Прежде всего, есть ли научное обоснование тому, что, действительно, в истории нашей планеты наступил период длительного повышения температуры климатической системы Земли глобального масштаба?

¹ [Электронный ресурс]. URL: <https://accastering.tumblr.com/post/81378392232/как-спасти-человечество-от-экологических> (дата обращения: 05.05.2015).

² [Электронный ресурс]. URL: http://bookscafe.net/read/kara_murza_serгей-manipulyaciya-soznaniem-257494.html#p1 (дата обращения: 05.05.2015).

Оказывается, что среди исследователей нет единой позиции по этому вопросу, хотя на протяжении многих лет СМИ упорно утверждают, что потепление климата планеты однозначно и единодушно доказано учеными. Однако дадим слово специалистам. «Компания Accu-Weather, которая занимается коммерческим использованием метеорологических данных, утверждает, что в XX в. средняя мировая температура поднялась на 0,45 градуса по шкале Цельсия»¹. «При этом наиболее быстро температура повышается в Арктике (Сибирь, Аляска, Канада). По оценкам международной группы ученых (называется Arctic Climate Impact Assessment), вблизи Северного полюса температуры росли вдвое быстрее, чем в целом по планете. Предполагается, что к 2040 году или даже ранее Северный Ледовитый океан может остаться безо льда»².

«В Северном полушарии весна (в температурном, а не календарном смысле) наступает на неделю раньше, а зима — на неделю позже, чем столетие назад. В мире уменьшается количество и размеры горных ледников и снегов. К примеру, по данным журнала National Geographic, на территории гористого штата Монтана (США) в 1910 году насчитывалось 150 ледников и глетчеров, а в 2007 году их осталось только 27»³. И подобной информации море. Казалось бы, вопрос ясен — потеплело, и спорить не о чем.

Однако принципиально важно — что это? Краткосрочное совпадение нескольких лет с повышенной температурой? Вспомним Евгения Онегина: «...Зимы ждала, ждала природа — снег выпал только в январе». А ведь это было в долгосрочный исторический период относительно холодного климата. Или начало длительной эпохи потепления, как на этом настаивают подчиненные глобалистам могущественные СМИ, чья версия стала однозначно популярной?

Победа, конечно, была за теми, кого поддерживают СМИ, и была закреплена на международном уровне фактом подписания в 1992 г. Рамочной конвенции ООН по изменению климата, главная задача которой была провозглашена как «борьба с глобальным потеплением». Однако по окончании этой же конференции резко активизировалась «оппозиция» — сторонники похолодания климата.

«...Более 4 тыс. ученых (в том числе 72 нобелевских лауреата) из 106 государств подписали Гейдельбергскую апелляцию, в которой призвали к более рациональному научному подходу к решению экологических проблем. В 1997 году была подписана Лейпцигская декларация, которую подготовили противники ныне популярной теории объяснения причин глобального потепления. За ней последовала Орегонская петиция (1998 год), к которой присоединились более 19 тыс. ученых.

Оппоненты, в частности, утверждают, что исторические данные о мировых температурах, количестве углекислоты в атмосфере, уровне Мирового океана и пр. могут быть ошибочными, поскольку измерения производились несовершенными приборами, не по всему миру и т. д. Кроме того, по их мнению, роль углекислого газа досконально не выяснена: концентрация углекислоты в атмосфере Марса превышает 95%, однако Красная планета намного холоднее Земли»⁴.

Ученый с мировым именем Андрей Петрович Капица, выступая с лекцией в Британском Королевском географическом обществе, так определил свою позицию по поводу «глобального потепления»: «Имеется несколько надежных способов измерения температуры (атмосферы Земли — *авт.*). Прежде всего, замеры поставяет гидрометеорологическая служба. Она измеряет температуру ежедневно и ежечасно, по всей Земле, в поверхностном слое и специальными шарами-зондами в нижних слоях атмосферы и в нижних слоях тропосферы, до 40 км. То есть мы имеем прямые измерения в тысячах метеостанций. Эти материалы публикуются, ими обмениваются, на их основании построены графики изменения температуры. Кроме того, существуют спутники, которые ведут измерение температуры поверхности суши, океана и приводных слоев воздуха. Так вот, за последние 30 лет все эти данные показывают, что идет очень слабое, но — похолодание. Ни о каком потеплении речи быть не может»⁵. Статья написана 20 лет назад, но даже если за это время и «потеплело», то это лишь раз показывает на отсутствие устойчивой тенденции.

Подводя итоги дискуссии «холодает или теплеет», нельзя не согласиться с бывшим президентом Академии наук США Фредериком Зейтцем (Seitz), который «обращал внимание на то, что все теории глобального потепления и озоновых дыр притянуты за уши и не отвечают действительности, что это — антинаучные теории. 17 тысяч американских ученых подписали петицию. Они согласны с Зейтцем и считают, что соглашение и стоящие за ним тенденции — подлинная угроза человечеству и тяжелый удар по его будущему»⁶.

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://iamik.ru/news/zarubezhe/59511/> (дата обращения: 05.05.2015).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vestnik.com/issues/98/1013/win/moldav.htm> (дата обращения: 05.05.2015).

⁶ Там же.

Однако разоблачение этого мифа интересно продолжить. А что, если все-таки на долгие годы установится температура поверхности планеты выше той, что сейчас, на 2–3 градуса? Действительно будет повторение библейского потопа? По американским источникам, например National Geographic, U.S. Environmental Protection Agency (EPA), «Сейчас лед покрывает 10 процентов поверхности Земли. Его объем, по приблизительным подсчетам, составляет 9 миллионов кубических километров. Что будет, если вся эта замерзшая вода растает?

— Будет потоп, — предрекают ученые. — Уровень Мирового океана поднимется на 70 метров»¹. Но в этой же работе авторы утверждают: «...за столетие (с 1913 г.) средняя температура на Земле поднялась на половину градуса Цельсия. То есть потеплело. В результате растаял кое-какой лед в Арктике и в Антарктиде. И от этого уровень Мирового океана поднялся почти на 20 сантиметров»². Тут же следуют карты будущей затопленной планеты, где перепуганный обыватель видит, что его город, а то и вся его страна, будут находиться на дне морском. Авторы, правда, умалчивают, когда исполнится этот устрашающий прогноз. Можно взять в руки карандаш и убедиться, что, по их же данным, если вода в океане будет подниматься на 20 см в столетие, то обещанная планка 70 м будет достигнута через... 35 000 лет!

То, что концепция «глобального потепления» предназначена для широких слоев слабо образованного населения и не есть плод профессиональных научных исследований, делает ее уязвимой даже на уровне среднего школьного образования. Главным пропагандистским стержнем данного мифа является страх людей перед гибелью от наводнения. А что, если наводнения даже через 35 000 лет не будут?!

В самом деле стоит оценить, как дружит со школьным уровнем знаний общепринятый набор аргументов сторонников мирового потопа, который, по версии, например, National Geographic, U.S. Environmental Protection Agency (EPA), выглядит так: объем воды в форме льда на планете 9 млн км³. Если все это растопить и добавить к Мировому океану, то и получаются эти пресловутые 70 м подъема уровня воды. Из них 8 м приходится на льды Ледовитого океана, а остальное — 62 м — растаявший лед Антарктиды³.

Во-первых, из чего следует, что плавающие льды Арктики после превращения в воду, поднимут уровень океана? Закон Архимеда еще никто не опроверг. Ни на миллиметр не поднимется океан, когда там растает последняя плавающая льдина. Во-вторых, в той же школе нас учили, что средняя температура самого теплого месяца в Антарктиде –30°. Создатели мифа предрекают потепление планеты на 2–3°. Пускай, но что в Антарктиде растает, когда там температура повысится до –27°?!

То, что за последние годы климат стал более теплым, видно «невооруженным» глазом. Главное заключается в причине. Либо это естественные флуктуации климатической системы, которым закономерно подвержена наша планета, и в любой момент начнется обратный процесс, либо это вызвано «парниковым эффектом» антропогенной природы. Последнее является краеугольным камнем в построениях глобализма, так как делает возможным обосновать политическую программу «спасения человечества» от надвигающейся экологической катастрофы посредством утверждения глобализма, который покончит с «парниковым эффектом».

«Парниковый эффект» — изменение спектральной проницаемости атмосферы в зависимости от содержания в ней некоторых газов (главным образом CO₂). Увеличение содержания в атмосфере CO₂ сдвигает радиационный баланс в сторону нагрева приземной атмосферы. Согласно концепции «глобального потепления», дополнительное, вызванное антропогенными источниками поступление CO₂ в атмосферу в результате «парникового эффекта» привело к повышению температуры на планете, что, в свою очередь, инициирует всеобщий потоп.

В этом построении изначально заложено нарушение научной методологии. Есть два явления: повышение температуры на 0,7 °C и повышение содержания CO₂ на 13% за последние десятки лет. Это установленные наукой факты. Необходимо выяснить характер связи между ними. Для этого исследуются три возможных варианта:

1. Повышение температуры вызвано повышением содержания CO₂.
2. Повышение содержания CO₂ вызвано повышением температуры.
3. Повышение обоих параметров произошло независимо друг от друга.

Научные исследования всех трех вариантов на протяжении многих десятков лет породили сотни работ, которые в большинстве своем определили: повышение температуры планеты привело к увеличению в ней концентрации CO₂.

¹ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/26156.4/3044133> (дата обращения: 05.05.2015).

² Там же.

³ Там же.

Обратимся к авторитету нашего знаменитого соотечественника С. П. Капицы, кратко определившего позицию современной науки по этому вопросу:

«Есть два очень интересных источника сведений о прошлом Земли: бурение скважин в Антарктиде и Гренландии. Скважины уходят в толщу льда на глубину в несколько тысяч метров. Берутся образцы керна, в этом керне находятся пузырьки воздуха тех эпох, когда откладывался снег, а в пузырьках — состав атмосферы. Современными тончайшими методами мы устанавливаем количество углекислого газа и других газов, количество кислорода, температуру, при которой выпадал снег, и целый ряд других характеристик. Хорошо прослежены все классические ледниковые периоды, периоды потепления и соответствующее им количество углекислого газа в атмосфере. И вот оказалось, что углекислый газ не предшествует потеплению, а идет после потепления, что вполне объяснимо: 90% углекислого газа растворено в Мировом океане, и процесс изъятия углекислого газа из воды бесконечен. Если вы нагреете океан хоть на полградуса, то он сразу выбрасывает массу углекислого газа в воздух, что и зарегистрировано в скважинах. Наоборот, в случае похолодания океаны с легкостью поглощают углекислый газ... При похолодании количество углекислого газа в атмосфере падает. Однако эти процессы слабо связаны с человеческой деятельностью»¹.

История потеплений и похолоданий планеты обусловлена особенностями обращения Земли, наклоном земной оси (который меняется), солнечной активностью, которая имеет цикличность (11-летнюю, 50-летнюю, 100-летнюю), и пылевыми облаками, находящимися в космосе, через которые пролетает наша солнечная система. По оценке С. П. Капицы, антропогенный «парниковый эффект» существует, но практически не превышает нескольких процентов от природных источников CO₂.

Таким образом, попытка архитекторов глобализма поставить экологическую науку на службу достижения ими мирового господства наткнулась на то, что можно было бы назвать «экологический вызов».

Очевидно, что концепция «глобального потепления» в том виде, в котором она подается широкой публике, никакой научной критики не выдерживает, но оказывается чрезвычайно нужной строителям нового мирового порядка. Многие ученые боятся высказаться против этого мифа, который всеми средствами поддерживают страны «большой семерки»; на них оказывается давление. Предоставим слово С. П. Капице: «...в Кембридже я читал лекцию, которая называлась „Миф о глобальном потеплении и озоновых дырах“. Пришло очень много народу, что весьма необычно для Кембриджа, в том числе и очень крупные ученые, включая нобелевских лауреатов. Мне задавали множество вопросов, но ни один противник озоновых дыр и глобального потепления не пришел и не выступил, не защитил своих позиций»².

Так для прикрытия чего предназначен антинаучный миф о «глобальном потеплении»? В начале статьи были кратко перечислены основные этапы построения глобалистами нового мира (см. табл.).

Предложена концепция поэтапной передачи государственных суверенитетов глобальным институтам (коллективный суверенитет). Это значит, что национальные правительства, исполняющие волю своего народа, будут упразднены и теперь жизнью людей всех народов будет управлять некое единое мировое правительство банкиров и директоров ТНК.

Прежде подобное происходило, когда одна страна лишала другую государственного суверенитета с целью ее захвата. И называлось это завоеванием, а средством достижения цели была война. Но трудно и сейчас найти народ, который захочет лишиться своего государственного суверенитета добровольно. А вот если надвигается страшная катастрофа и все жители Земли погибнут в волнах всемирного потопа, если не отдадут суверенитеты над своей территорией и ресурсами спасителю — мировому правительству? Теперь уже никто не назовет концепцию «нового мирового порядка» как «новый фашизм в виде неофеодализма».

Выстраивается такая цепочка взаимозависимых событий: надвигается вселенский потоп из-за потепления климата по причине дополнительного к природному выброса парниковых газов промышленными предприятиями. Основная масса промышленных предприятий территориально расположена в развивающихся странах, у которых мало денег, низкий уровень интеллектуального развития, устаревшие технологии, нет необходимых очистных систем и т. п. Это эти государства главные виновники «парникового эффекта», вызванного их газообразными выбросами. Спасти человечество могут только силы «нового мирового порядка», которые должны иметь право владе-

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vestnik.com/issues/98/1013/win/moldav.htm> (дата обращения: 14.07.2018).

² [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vestnik.com/issues/98/1013/win/moldav.htm> (дата обращения: 14.07.2018).

ния и распоряжения ресурсами всего мира и в первую очередь ресурсами и предприятиями развивающихся стран, в которых они наведут необходимый «экономический порядок».

В статье рассмотрен лишь один экологический миф, который глобальные мировые финансовые и промышленные структуры пытаются использовать для придания легитимности «новому мировому порядку», который они выстраивают. Однако существуют и другие псевдонаучные экологические фантазии, связанные с этим мифом, такие, например, как «перенаселение», «озоновые дыры», «альтернативная энергетика», которые обязательно должны быть подвергнуты разоблачению в широкой печати.

Литература

1. Павленко В. В. Глобализация экологии как инструмент подрыва стабильности и управления конфликтами [Электронный ресурс]. URL: http://zavtra.ru/blogs/globalizatsiya_ekologii/ (дата обращения: 14.07.2018).
2. Кара-Мурза С. Г. Научная картина мира и фактор природы в экономике [Электронный ресурс]. URL: http://portalus.ru/modules/philosophy/rus_readme.php?archive=0213&id=1108806365&start_from=&subaction=showfull&ucat=1 (дата обращения: 05.05.2015)
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: 2-е изд. Т. 1–50. М., 1955–1981.
4. Stanley Jevons W. The Coal Question. М. : Книга по требованию, 2012.
5. Пономаренко В. Проблема 2033 [Электронный ресурс]. URL: <http://rusidiot.boom.ru/publics/pr2033.html> (дата обращения: 14.07.2018).
6. Подолинский С. А. Труд человека и его отношение к распределению энергии. СПб. : Слово, 1880; М. : Ноосфера, 1991.
7. Как спасти человечество от экологических катастроф. Империалистическая глобализация и ноосферный социализм: экологическая гибель или спасение человечества [Электронный ресурс]. URL: <https://accastering.tumblr.com/post/81378392232/> (дата обращения: 14.07.2018).
8. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием [Электронный ресурс]. URL: http://bookscafe.net/read/kara_murza_serгей-manipulyaciya_soznaniem-257494.html#p1 (дата обращения: 14.07.2018).

Об авторе:

Леплинский Юрий Иванович, доцент кафедры экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат биологических наук; LepUry@yandex.ru

About the author:

Yuri I. Lepinskiy, Associate Professor of the Chair of Economics of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Biology; LepUry@yandex.ru

К проблеме реализации обеспечения обязательств государств по международным договорам

Демидов Д. Г.*, Михайлов Н. Д.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *dgdemidov@gmail.com

РЕФЕРАТ

Цель. Целью настоящей статьи является рассмотрение проблематики доктринальных подходов к реализации обеспечения обязательств государств по международным договорам. Авторы анализируют действующие принципы и доктрины обеспечения обязательств по международным договорам, предлагают рассматривать основополагающие принципы исполнения обязательств государств через призму доктрины *jus cogens*.

Методы. В работе использованы методы, такие как: метод системного анализа, метод синтеза, формально-юридический метод, логический метод, метод аналогии.

Результаты и выводы. Авторы полагают, что необходимо прямое признание принципа добросовестного исполнения международных обязательств императивной нормой международного права в спорах, все участники которых согласились с таким положением. Согласие с «вертикальным» действием данного принципа, то есть распространением на национальное законодательство, позволит минимизировать, а в некоторых случаях исключить возможность отказа от исполнения обязательства в силу решения национального органа. Использование доктрины *jus cogens* применительно к принципам обеспечения исполнения обязательств государствами в значительной степени позволит продвинуться к юридическому воздействию на государства в рамках международного права и станет дополнительным элементом обеспечения ответственности государства в части исполнения им обязательств, проистекающих из международных договоров.

Ключевые слова: международные принципы, *jus cogens*, обязательства государств, *pacta sunt servanda*

To the Problem of Realizing the Provision of Obligations of States under International Treaties

Dmitriy G. Demidov*, Nikita D. Mikhailov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; *dgdemidov@gmail.com

ABSTRACT

Target. The purpose of this article is to consider the problems of doctrinal approaches to the implementation of the provision of obligations of states under international treaties. The authors analyze the current principles and doctrines of securing obligations under international treaties, suggest that the fundamental principles of fulfilling state obligations through the prism of the doctrine of *jus cogens* be considered.

Methods. Such methods as: system analysis method, synthesis method, formal-legal method, logical method, analogy method are used in the work.

Results and conclusions. The authors suppose that a direct recognition of the principle of conscientious fulfillment of international obligations by a peremptory norm of international law in disputes where all participants agreed to this provision is necessary. The agreement with the "vertical" action of this principle, that is, the extension to national legislation, will allow to minimize, and in some cases to exclude the possibility of refusing to fulfill the obligation due to the decision of the national authority. The use of the *jus cogens* doctrine as applied to the principles of ensuring the fulfillment of obligations by the states will, to a large extent, allow to move towards legal impact on the states within the framework of international law, and will become an additional element of ensuring the responsibility of the state in fulfilling its obligations arising from international treaties.

Keywords: international principles, *jus cogens*, state obligations, *pacta sunt servanda*

Исполнение обязательств является сущностным критерием работы всей системы права. В международном праве исполнение обязательств основными субъектами международного права (государствами) осложнено их собственным статусом, основанном на суверенитете. Отсюда и актуальность исследования заявленной проблематики. В международной правовой практике проблемы обеспечения обязательств именно со стороны государств остаются трудно решаемыми, что требует дополнительного поиска и обоснования начал обеспечения обязательств.

По мнению Н. С. Симоновой, механизм обеспечения выполнения обязательств по международным договорам состоит из целого ряда элементов — международно-правовых институтов, важное место среди которых по праву занимает институт добросовестности выполнения между-

народных договоров; в свою очередь, добросовестность выполнения международных договоров проистекает из принципа *pacta sunt servanda* [4, с. 17]. С приведенной точкой зрения следует согласиться и констатировать, что указанный принцип является ключевым принципом обеспечения исполнения обязательств в международном праве. Вместе с тем принцип добросовестности несет в себе и некоторые отрицательные стороны, так как сам по себе зависит от воли государства, а значит, может быть нивелирован при определенных обстоятельствах самими государствами.

Базовым документом, регламентирующим вопросы заключения международных договоров и исполнения обязательств по ним, является Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. (далее — Венская конвенция). Венская конвенция создала фундаментальную конструкцию соблюдения и обеспечения обязательств, проистекающих из договоров, заложенными принципами обеспечения обязательств являются принципы ст. 26 (*pacta sunt servanda*) и ст. 27 (невозможность отсылки к внутреннему праву для оправдания невыполнения обязательств по договору) Венской конвенции. Представляется, что дополнительным элементом в этой конструкции, обеспечивающим предпосылки исполнения государствами обязательств, является отсылка к *jus cogens* при определении ничтожности международных договоров (ст. 53 Венской конвенции).

Jus cogens являются императивными нормами международного права, обязательными для исполнения всеми субъектами международного права, противоречие которым делает иные международно-правовые обязательства ничтожными. Отметим, что появление данной категории обязательств было сопряжено со спорами о месте и возможности существования императивного обязательства в международном публичном праве, о времени их появления, о том, какие именно международно-правовые принципы входят в *jus cogens*.

Как отмечают исследователи, текущее положение *jus cogens* во многом компромиссно, доктрина *jus cogens* применяется в правоприменительной практике международных судов, но еще не привела к существенным изменениям в международно-правовом регулировании [2, с. 8]. Вопрос об отнесении нормы к *jus cogens*, как правило, решается международными правоприменительными органами в каждом конкретном случае. Общеизвестно, что к *jus cogens* относятся международно-правовые принципы, связанные с охраной основных прав и свобод человека, как, например, недопустимость пыток или геноцида. В то же время относимость к *jus cogens* иных международно-правовых принципов зачастую ставится под сомнение.

Другой стороной *jus cogens* является идея о возможности «вертикального» применения данных норм, то есть распространение действия императивных норм международного права на нормы национального права [Там же, с. 11]. Это означает, что, в случае если норма национального права противоречит общепризнанной норме международного права, такая норма должна считаться ничтожной.

По своей природе обязательства такого рода видятся наиболее строгими, безусловно обязательными к исполнению, однако в современной правовой реальности даже для них отсутствует механизм обеспечения исполнения обязательства государством (здесь опять же базовым принципом остается добровольность). Международная практика показывает, что в ряде случаев международные суды прямо указывали на то, что нарушение государством *jus cogens* не влечет прекращения иммунитета у такого государства [7]. То есть фактически, даже если очевидно, что государство нарушило общепризнанную императивную норму международного права, как, например, норму о запрете пыток, это не приводит к возможности принудительного воздействия на государство к соблюдению подобного рода обязательств. Но даже при наличии такого недостатка доктрина *jus cogens* по существу предлагает конструкцию, подходящую если не для фактического обеспечения исполнения государством обязательства, то для разрешения проблемы юридического оформления воздействия на государства исполнять взятые на себя обязательства.

Прежде всего необходимо прямое признание принципа добросовестного исполнения международных обязательств императивной нормой международного права в спорах, все участники которых согласились с таким положением, а также согласие с «вертикальным» действием данного принципа, то есть распространением на национальное законодательство, что позволит минимизировать, а в некоторых случаях исключить возможность отказа от исполнения обязательства в силу решения национального органа. Дополнительным усиливающим элементом в конструкции обеспечения обязательств государств может стать объективация принципа добросовестности исполнения обязательств по международным договорам посредством принятия международного правового документа, разъясняющего общие принципы обеспечения обязательств государств.

Вместе с тем необходимо признать, что на современном этапе развития международно-правовых отношений и международного права подобная конструкция представляется в значительной степени нереализуемой и будет коллизировать с принципом суверенитета, так как в случае реализации

данных положений, для большей эффективности их реализации, потребуется согласие государства на юрисдикцию международного органа правосудия, что на практике является крайне болезненным для государств, так как обеспечение исполнения обязательства сопряжено с согласием субъекта международного права на фактические властные действия международного органа. В качестве примера описанной проблемы можно привести принятие в Российской Федерации поправок к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации»¹, касающихся рассмотрения дел о возможности исполнения решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека. Данными поправками российский законодатель отреагировал на ряд принятых Европейским судом по правам человека решений в отношении Российской Федерации и наделил дополнительными полномочиями орган конституционной юстиции. Следует отметить, что подобная реакция на уровне различных ветвей власти в отношении решения Европейского суда по правам человека свойственна не только Российской Федерации [1].

Можно провести аналогию с национальным правом в части исполнения судебного решения, которое может быть как добровольным, так и принудительным, но стимулом к добровольному исполнению обязательства служит нежелание претерпевать негативные последствия в большем объеме. В международном публичном праве властный субъект, способный принудить субъекта международного публичного права исполнить обязательство, отсутствует и может появиться только с согласия самого субъекта международного права. В отсутствие такого властного субъекта исполнение решения является актом доброй воли, добросовестности субъекта международного обязательства, но при этом отсутствует присущий национальному праву стимул для добровольного исполнения обязательства, поскольку субъект международного права, по общему правилу, исполнив обязательство добровольно, не получит никакого дополнительного преимущества, не избежит дополнительных «убытков», за исключением репутационных; в некоторых случаях, напротив, отказ от исполнения международно-правового обязательства может принести большую пользу для самого субъекта международного права, чем его исполнение [5, с. 470–471]. Источником ответственности в этом случае может выступить иное государство: ответственность будет выражаться в приостановке исполнения встречного обязательства, отказе от сотрудничества в дальнейшем, приостановке членства в определенных организациях и т. д. [6].

Резюмируя, отметим, что в современном международном праве основными принципами обеспечения обязательств государств остаются принципы добровольности и *pacta sunt servanda*. При этом в силу правового статуса государства как субъекта международных отношений реализация данных принципов остается усеченной. На наш взгляд, использование доктрины *jus cogens* применительно к принципам обеспечения исполнения обязательств государствами в значительной степени позволит продвинуться к юридическому воздействию на государства в рамках международного права и станет дополнительным элементом обеспечения ответственности государства в части исполнения им обязательств, проистекающих из международных договоров.

Литература

1. Белов С. А. Пределы универсальности конституционализма: влияние национальных ценностей на практику принятия решений конституционными судами // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 4. С. 37–56.
2. Исполинов А. С. Нормы *jus cogens* в решениях международных и национальных судов // Российский юридический журнал. 2014. № 6. С. 7–14.
3. Русинова В. Н. Достучаться до Совета Безопасности ООН: санкционные списки и обязательства государств по защите прав человека в решениях международных судебных и квазисудебных органов // Международное правосудие. 2017. № 1. С. 68–84.
4. Симонова Н. С. Институт добросовестности в механизме обеспечения выполнения международных договорных обязательств // Международное публичное и частное право. 2013. № 5. С. 17–19.
5. Худолей К. М. Отказ от исполнения решений международных судебных органов по защите прав и свобод граждан // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 4. С. 463–473.
6. Чувальская И. П. Позиционирование института ответственности по праву ЕС в универсальной системе международной ответственности государств // Международное право и международные организации. 2016. № 2. С. 257–273.
7. Jurisdictional Immunities of the State (Germany v. Italy). 3 February 2012. ICJ. P. 92–95 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/143/16883.pdf> (дата обращения: 08.08.2018).

¹ Федеральный конституционный закон от 14.12.2015 №7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 51 (ч. I). Ст. 7229.

Об авторах:

Демидов Дмитрий Геннадьевич, доцент кафедры правоведения Юридического факультета Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; dgdemidov@gmail.com

Михайлов Никита Дмитриевич, магистрант 2-го года обучения Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

About the authors:

Dmitriy G. Demidov, Associate Professor of the Department of Law at the Faculty of Law of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Jurisprudence, Associate Professor; dgdemidov@gmail.com

Nikita D. Mikhailov, Master of the second year of study of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation)

Влияние фрагментации международного права на работу ООН

Кириленко В. П.^{*}, Алексеев Г. В., Воротников А. Ю.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *kirilenko-vp@sziu.ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Устав Организации объединенных наций с момента основания организации в 1945 г. является основополагающим документом для деятельности всех субъектов международного публичного права. Поскольку Организация объединенных наций (ООН) была создана с целью «избавить грядущие поколения от бедствий войны», постольку главная задача по поддержанию международного мира и безопасности требует учитывать в работе организации те изменения в системе безопасности, которые происходят в современном международном сообществе. Расширение сферы применения норм международного права повлекло за собой формирование взаимоисключающих подходов к регулированию международных отношений в разных областях международного сотрудничества. В российской и зарубежной доктрине эта проблема широко обсуждается в контексте фрагментации международного права. Вертикальная фрагментация международного права в результате становления региональных интеграционных объединений, таких как Евразийский экономический союз, может способствовать более гармоничному социальному развитию с учетом культурной специфики региона. Решение проблемы гармонизации международного регионального сотрудничества лежит в области создания специальных механизмов ООН, нацеленных на единообразное понимание перспективы устойчивого развития всеми государствами.

Ключевые слова: интеграция, демократия, свобода, сотрудничество, конституализация, ЕАЭС

Influence of the Fragmentation of International Law on the Work of the United Nations

Viktor P. Kirilenko*, Georgy V. Alekseev, Aleksey Yu. Vorotnikov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEP), Saint-Petersburg, Russian Federation; *kirilenko-vp@sziu.ranepa.ru

ABSTRACT

The Charter of the United Nations since the foundation of the organization in 1945 is a fundamental document for the legal activities of all the states and international organizations. Since the United Nations (UN) was created to “save succeeding generations from the scourge of war”, the main task of maintaining international peace and security requires that the changes in the security system that occur in the modern international community be taken into account in the work of the organization. Expanding the scope of application of the norms of international public law led to the formation of mutually exclusive approaches to regulating international relations in various areas of international cooperation. In the Russian and foreign doctrine, this problem is widely discussed in the context of the fragmentation of international law. The vertical fragmentation of international law as a result of the establishment of regional integration associations, such as the Eurasian Economic Union, may contribute to a more harmonious social development, taking into account the cultural specifics of the region. The solution to the problem of harmonization of international regional cooperation lies in the creation of special UN mechanisms aimed at a uniform understanding of the prospects for sustainable development by all the countries.

Keywords: integration, democracy, freedom, cooperation, constitutionalization, Eurasian Economic Union

Международное публичное право становится значительно более фрагментированным в различных областях и регионах, где специальные принципы и нормы создают автономные правовые режимы. Феномен фрагментации как модель функциональной специализации обычно рассматривается через характеристику предмета современного международного права и редко в аспекте географической региональной фрагментации, которая, безусловно, присутствует. С международно-правовой точки зрения, существует несколько методологических подходов к фрагментации. Официальный подход представлен в Докладе о фрагментации Комиссии международного права ООН 2006 г.¹ Он устанавливает систему базовых принципов разрешения нормативных коллизий и полностью основан на положениях Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.²

¹ Fragmentation of International Law: Difficulties Arising from the Diversification and Expansion of International Law' (13 April 2006) UN Doc A/CN.4/L.682.

² Vienna Convention on the Law of Treaties (adopted 23 May 1969, entered into force 27 January 1980) (1969) 8 ILM 679 (VCLT).

Фрагментация международного права рассматривается российскими и зарубежными учеными как явление, связанное с глобализацией международного сообщества, особенно с экономической и информационной ее составляющими [2; 34; 38; 39; 26]. Специалисты в области международного права утверждают, что фрагментация является следствием развития узкоспециализированных институтов международного права. Некоторые юристы полагают, что фрагментация является технической проблемой, в основе которой лежит ряд концептуальных противоречий. Так, например, старший научный сотрудник Института имени Макса Планка Анна-Шарлотта Мартино отмечает, что «сам факт существования дискуссии о фрагментации предполагает наличие разногласий в вопросах о методе преодоления напряженности между единством и многообразием в международном праве» [29, р. 27].

Ряд других ученых признает фрагментацию технической проблемой, вытекающей из процедурных вопросов, однако несущей те же угрозы подрыва правопорядка. В частности, европейские ученые Мартти Коскенниеми и Бруно Симма, например, относятся к фрагментации как к форме многообразия актов транспозиции юридической техники при движении от национального юридического к международному правовому контексту [24; 35]. Индийский ученый Сахиб Сингх определяет фрагментацию через взаимодействие между конфликтующими правилами и институциональной юридической практикой, кульминация которых выражается в эрозии институтов общего международного права [36].

Фрагментация, с одной стороны, препятствует формированию единой системы международного права под эгидой ООН, создавая условия для формирования коллизий, которые могут каждым государством быть истолкованы в своих интересах. С другой стороны, процессы фрагментации привели к управлению международными процессами через цели устойчивого развития [22]. На территории Евразии происходит глубокое взаимопроникновение экономических систем на фоне многообразия теоретических подходов к причинам фрагментации международного права [20; 8], такие тенденции, впрочем, оказывают весьма ограниченное влияние на интеграционные процессы в регионе, и существует ряд теорий, объясняющих разнообразие наднациональных конституционных систем, порожденных фрагментацией международного права.

1. Теория разногласий и различий в международном сообществе является политически обоснованной причиной разного понимания общегуманитарных, религиозных и правовых ценностей. Данная концепция предполагает постоянное изменение системы международного правопорядка под потребности тех, кто его создает. И если не существует единого международного правопорядка, то различия в социальной организации производят правовую неопределенность и казуальное, в лучшем случае региональное международное право.
2. Нормативно-правовой подход анализирует взаимосвязи между нормами и предлагает в процессе толкования норм исходить из специфики предмета правового регулирования и тех целей, которые ставили перед собой стороны, согласовавшие ту или иную норму международного права. Такой подход основан на ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.
3. Теория правовых решений отвергает формально правовой подход к интерпретации положений международного права и опирается на глобальный публичный порядок, который в конечном итоге служит основой для легитимности политических решений и действий государственных органов. На практике это влечет ситуацию, в которой каждый участник международного общения полагает, что в конкретном случае именно его правовая позиция оправдана в наибольшей степени.
4. Критическая теория связана с неопределенностью правового обоснования законности тех или иных решений и представляет фрагментацию международного права как систему отчасти взаимоподчиненных, но отчасти самостоятельных правовых режимов и публичных институтов. Отсутствие в международной системе эффективных судебных инстанций существенно затрудняет процесс формирования справедливого правового режима международного общения.

Доктринальные подходы к решению проблем фрагментации международного права призваны восстановить согласованность и единство его системы и создать правовые рамки для политических процессов в международной системе регионального сотрудничества.

В Американской доктрине международного права активно высказываются предложения по решению проблем фрагментации путем конституционализации норм международного права. Фрагментация рассматривается здесь как естественная особенность, специфичная черта современного международного права, которая требует от участников международной системы инициативы по достижению консенсуса практически в каждом конкретном случае [14]. В отношении форм

и методов конституционного закрепления наднациональных норм нет теоретической определенности.

На наш взгляд, конституализация международного публичного права как идея заманчива своей перспективой создания общего правового порядка на пространствах с международным режимом, в том числе в сетях связи и средствах массовой информации [5; 7], однако на универсальном уровне государства на это вряд ли согласятся, так как они заинтересованы в сохранении национальной идентичности [1]. Дискуссия о конституционализации обходит стороной ограниченность методологии конституирования, игнорирует проблему дефицита авторитета в международной системе, способного породить императивную норму, создает конфликт традиционных методов, основанных на договорных механизмах и институте признания (*opinio juris*) с новеллами европейского наднационального конституционализма. Существенное значение здесь имеет проблема признания и исполнения судебных решений [3; 4].

Концепция конституционализации международного права формируется в Европейском союзе под влиянием следующих факторов: во-первых, государства Европы не собираются отказываться от своего суверенитета и национального законодательства, во-вторых, единство экономического пространства требует единства правовой системы, в-третьих, европейская интеграция требует общей системы правовых идеалов и ценностей, которые необходимо провозгласить и юридически оформить. Несмотря на то что концепция отражается в широком спектре современных европейских научных исследований [16], идею конституирования норм международного права нельзя признать общепринятой. Многие аспекты рассматриваемой правовой конструкции сильно политизированы, прежде всего, американскими политиками в своих национальных интересах, однако игнорировать этот научный диспут нельзя. В поле мировой и региональной юридической и политической практики регулирования общественных отношений проблема конституирования норм определенно существует.

Теоретическая основа международного конституционализма представлена тремя относительно самостоятельными научными школами: нормативной, функциональной и плюралистической [41].

Нормативная школа основана на представлениях о дополнении национальной конституции нормами международного права и международной судебной практики. С этой точки зрения международный конституционализм представляет собой форму дополнительного конституционализма. Функциональная школа оценивает процесс конституционализации выбранных государством режимов международного права. Он характеризует степень участия централизованной публичной власти в создании или сдерживании производства норм международного права. Наконец, плюралистическая школа рассматривает процессы конституционализации за пределами государства и включает в себя несколько концепций транснационального конституционализма.

Несмотря на существование большого количества научной литературы по проблеме конституционализма за пределами государства, общепринятого определения конституционализма или конституционализации международного права не существует [13; 18; 27]. Некоторые американские авторы используют термины «конституционализм», «конституционализация» и даже «международная конституция» как синонимы. Профессор Йельского университета Алек Стоун Свит, например, рассматривает тождественное значение конституционализма и конституции и приходит к выводу, что «конституционализация международно-правовой системы в значительной степени является результатом правового плюрализма и выражается в разрешении международной напряженности» [37, р. 644].

Английские ученые, в частности Дуглас Джонсон, а также Бардо Фассбендер используют эти термины в различных значениях [18; 27; 28], например, конституционализм, как правило, рассматривается как понятие шире, чем конституционализация. В свою очередь, американские исследователи Джеффри Дюнофф и Джоэл Трахтмэн во избежание путаницы остаются в границах собственной авторской произвольной дефиниции [17, р. 9; 33], в то время как ряд немецких ученых, в том числе Жан Клабберс и Анна Питерс, начинают полагаться на них, как будто они установили некую теоретическую догму [23; 12].

Американский ученый С. Бессон, например, рассматривает понятия конституции и конституционализма в свете дискуссии о конституционном плюрализме [11]. Однако ее анализ полностью основан на идее конституционализации международного права, определение которого не предусмотрено. Общее состояние научной дискуссии по данному вопросу позволяет немецким ученым Йоргу Каммерхоферу и Бардо Фассбендеру сомневаться в перспективах конституционализации международного права и отмечать тот факт, что решительно непонятно кто и что конституирует в процессе конституционализации международного права [18; 21]. Теория международного конституционализма в мировой доктрине развивается в четырех измерениях и призвана обеспечить единство системы международного права.

Первое измерение образует социальный конституционализм. Он признает, что цель конституционализма заключается в поощрении и защите, в том числе в Интернете, социальных отношений, которые возникают в рамках международного права [5; 6]. Опасения по поводу участия органов государственной власти в качестве инструмента ограничения и подотчетность им всех международных субъектов и индивидуальных интересов занимают центральное место в этой концепции. Некоторые американские юристы утверждают, что конституционализм существует полностью в отрыве от государства, в то время как другие полагают, что глобальный конституционализм является политическим процессом, который выходит за рамки международного публичного права и государственного суверенитета и охватывает все гражданское общество [33]. Здесь определенные опасения в плане безопасности вызывают попытки устранить государство из процесса создания норм наднационального конституционного права, которые будут неизбежно иметь негативное влияние на правопорядок в регионе.

Второе измерение представляет собой институциональный конституционализм. Он признает, что международный конституционализм представляет собой систему правоотношений на конституционных уровнях (национальном и международном) порядка. Концепция имеет дело с институционализацией или ограничением власти государства, особенно в форме отчетности лиц, принимающих решения. По небесспорному мнению Анны Питерс, например, конституции государств не являются больше основой элементарного правового порядка [31]. В частности, она утверждает, что совместное воздействие феномена глобализации и связанной с ним деконституционализации внутреннего законодательства влечет за собой такие последствия, что национальные конституции больше не могут регулировать совокупность всех сфер социального управления, вследствие чего отношения между национальным и международным правом оказываются некой сетью, а не иерархией норм [Там же].

Третье измерение представляет собой нормативную основу конституционализма. Здесь международное право регулируется определенными вышестоящими правилами, легитимность которых заключается в их моральной ценности для общества. Например, профессор международного права Университета Претории Эрика де Вет утверждает, что международный конституционный порядок состоит из общего международного права норм *jus cogens* и обязательств *erga omnes*, которые представляют ядро международной системы ценностей. Поскольку международное право задумано как система с прочной этической основой, акцент в процессе конституирования делается на правах человека в качестве общей системы ценностей международного сообщества [15].

Четвертое измерение характеризуется как аналогичный конституционализм. Он проводит аналогии между особенностями национального и международного конституционного порядка. Европейский союз (ЕС), в частности, рассматривается в качестве модели экономического конституционализма за пределами государства [30]. Исходя из этого предположения ученые проводят аналогии между законодательством ЕС и нормами международного права. Например, известный социолог Юрген Хабермас и профессор международного права Эрнст-Ульрих Питерсманн рассмотрели Европейский союз как политическую и правовую модель конституционализма международного права [19; 20; 32]. Кроме того, Маттиас Кумм предполагает, что, для того чтобы оценить степень легитимности международного права с конституционной точки зрения, международно-правовой принцип суверенитета должен быть заменен правовым принципом субсидиарности, как в ЕС [25]. Вместе с тем достаточно обоснованно мнение, что дискуссия вокруг конституционализма относится к акту перевода конституционных понятий с национального на международный уровень и направлена на решение проблемы ответственного и законного самоуправления в ЕС [40, p. 32].

Оценивая влияние фрагментации на применение норм международного права, отметим, что императивное воздействие на участников международных правовых отношений лежит вне их общего интереса, используется в формах введения экономических санкций или гуманитарной интервенции сугубо казуально и с неизбежностью порождает фрагментацию правовой действительности и автономные правовые режимы.

В то же время на практике позиция Комиссии международного права ООН в связи с существованием автономных, закрытых режимов, касающихся ответственности государств, достаточно непоследовательна и противоречива. Каждый специальный докладчик Комиссии занимает собственную позицию в отношении правовых последствий нарушения государствами норм международного права. Комиссия международного права изначально исходит из концепции автономных подсистем, которые позволяют практиковать избирательное международное правоприменение [28], впоследствии такая избирательность была подвергнута критике на основании нецелесообразности освобождения от ответственности определенных государств [10], и в конечном итоге позиция Комиссии стала

прагматичной, отражающей только возможность наказания государства-правонарушителя,¹ что усугубило неопределенность в вопросе международного правоприменения.

Развитие специальных институтов международного права в последнее время потребовало создания политико-правовых принципов, среди которых принцип демократического устройства государства. Несмотря на то, что демократия возможна далеко не в любых политических условиях и не во всех сферах жизни общества, куда проникают современные международные интеграционные процессы, средства связи и массовой информации, глобальная политика либерализации приводит к неизбежному формированию зон свободной торговли [9].

В процессе решения проблемы вертикальной фрагментации следует учитывать ограниченность возможностей механизма конституционного правового регулирования на уровне Евразийского экономического союза. Попытка конституализации норм права на региональном уровне всегда осложняется различным пониманием установленных наднациональными институтами правил в разных странах региона. Учет национальных правосознаний и культурных особенностей — залог эффективности реализации норм международного права в соответствии с Уставом ООН в универсальном масштабе.

Литература

1. Алексеев Г. В., Морозов Г. Н. Национализация политического класса как фактор обеспечения безопасности страны // *Власть*. 2017. Т. 25. № 6. С. 88–95.
2. Безбородов Ю. С. На пути к международно-правовой конвергенции через универсализацию и фрагментацию // *Российский юридический журнал*. 2016. № 4 (109). С. 13–20.
3. Белов С. А. Конституционная модель легитимации решений органов международных организаций // *Журнал конституционного правосудия*. 2018. № 2. С. 1–10.
4. Белов С. А. Пределы универсальности конституционализма: влияние национальных ценностей на практику принятия решений конституционными судами // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2014. № 4 (101). С. 37–56.
5. Кириленко В. П., Алексеев Г. В. *Международное право и информационная безопасность государств* : монография. СПб., 2016.
6. Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Демократия и «четвертая власть» // *Управленческое консультирование*. 2016. № 2 (86). С. 34–42.
7. Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Международная интеграция, демократия и информационная безопасность государства // *Управленческое консультирование*. 2017. № 3 (99). С. 8–15.
8. Мишальченко Ю. В., Торопыгин А. В., Белоусов С. Н. О сотрудничестве государств — членов Таможенного союза и Единого экономического пространства с Европейским союзом // *Управленческое консультирование*. 2013. № 5 (53). С. 84–88.
9. Мишальченко Ю. В., Ююкина Т. И. Влияние зон свободной торговли в Евразии на создание экономического пояса Шелкового пути: международные экономические и правовые аспекты // *Евразийский юридический журнал*. 2016. № 1 (92). С. 19–25.
10. Arango-Ruiz G. On the Nature of the International Personality of the Holy See // *Revue Belge De Droit International*, 1996, P. 354–369.
11. Besson S. State Consent and Disagreement in International Law-Making. Dissolving the Paradox // *Leiden Journal of International Law*. 2016. Vol. 29. Is. 2. P. 289–316.
12. Breau S. C. The Constitutionalization of the International Legal Order // *Leiden Journal of International Law* 2008. Vol. 21. Is. 2. P. 545–561.
13. Brown G. W. The Constitutionalization of What? // *Global Constitutionalism*. Vol. 1, Iss. 2. 2012, P. 201–228.
14. Cheng T.-H. Making International Law without Knowing What It Is. // *Washington University Global Studies Law Review* Vol. 1. 2011. 10.
15. De Wet E. The Emerging International Constitutional Order: The Implications of Hierarchy in International Law for the Coherence and Legitimacy of International Decision-Making // *Potchefstroom Electronic Law Journal* № 7. 2007.
16. Deplano R. Fragmentation and Constitutionalisation of International Law: A Theoretical Inquiry // *European Journal of Legal Studies*, Vol. 6, Iss. 1 2013. P. 67–89.
17. Dunoff J. L., Trachtman J. P. (eds). *Ruling the World? Constitutionalism, International Law, and Global Governance*. Cambridge University Press. 2009.
18. Fassbender B. *The United Nations Charter as Constitution of the International Community*. Brill. 2009. 216 p.
19. Habermas J. *The Crisis of the European Union: A Response*. Polity. 2013.
20. Joerges C., Petersmann, E.-U. (Eds.), *Constitutionalism, Multilevel Trade Governance and International Economic Law*, 2nd ed. Oxford: Hart. 2011.
21. Kammerhofer J. Constitutionalism and the Myth of Practical Reason: Kelsenian Responses to Methodological Problems // *Leiden Journal of International Law*. 2010. Vol. 23. P. 723–740.

¹ International Law Commission, Report on the work of its fifty-third session, Official Records of the General Assembly, Fifty-Sixth Session, Supplement No. 10 (A/56/10) 359 para 5.

22. *Kanie N., Biermann F., Young O. R.* Governing through Goals: Sustainable Development Goals as Governance Innovation. MIT Press. 2017. 352 p.
23. *Klabbers J., Peters A., Ulfstein G.* The Constitutionalization of International Law. Oxford University Press. 2009.
24. *Koskeniemi M.* The Fate of Public International Law: Between Technique and Politics. // 2007. Modern Law Review. 2007. Vol. 70. Iss. 1. P. 1–30.
25. *Kumm M.* The Legitimacy of International Law: A Constitutionalist Framework of Analysis // The European Journal of International Law. Vol. 15. № 5. 2004. P. 907–931.
26. *Leathley C.* An Institutional Hierarchy to Combat the Fragmentation of International Law: Has the ILC Missed an Opportunity? // New York University Journal of International Law and Politics, 2007. Vol. 40, No. 1. P. 259–306.
27. *Macdonald R. S. J., Johnston D. M.* (eds.) Towards World Constitutionalism. Issues in the Legal Ordering of the World Community. Nijhoff. 2005.
28. *Macdonald R. S. J. Johnston D. M.* (eds.), The Structure and Process of International Law: Essays in Legal Philosophy, Doctrine and Theory. Dordrecht: Martinus Nijhoff, 1983.
29. *Martineau A.-C.* The Rhetoric of Fragmentation: Fear and Faith in International Law // Leiden Journal of International Law, 2009. Vol. 22(1), P. 1–28.
30. *Patterson D., Soderston A.* (eds.), A Companion to EU and International Law. University of Leicester School of Law Research Paper No. 15–04. Wiley-Blackwell, 2016.
31. *Peters A.* The Refinement of International Law: From Fragmentation to Regime Interaction and Politicization // International Journal of Constitutional Law. 2017. Vol. 15, Iss. 3. P. 671–704
32. *Petersmann E.-U.* International Economic Law in the 21st Century: Constitutional Pluralism and Multilevel Governance of Interdependent Public Goods (Studies in International Trade Law). Hart Publishing. 2012. 575 p.
33. *Schwöbel C. E. J.* Global Constitutionalism in International Legal Perspective. Nijhoff 2011.
34. *Shaw M. N.* International Law. 6th ed., Cambridge University Press. 2008.
35. *Simma B.* Universality of International Law from the Perspective of a Practitioner // European Journal of International Law. Vol. 20, Iss. 2, 2009. P. 265–297.
36. *Singh S.* The Potential of International Law: Fragmentation and Ethics // Leiden Journal of International Law. Vol. 24, Iss. 1. 2011. P. 23–43.
37. *Sweet A. S.* Constitutionalism, Legal Pluralism, and International Regimes // Indiana Journal Global Legal Studies. 2009. Vol. 16. Iss. 2, Article 11.
38. *Teubner G. Fischer-Lescano Andreas.* Regime-Collisions: The Vain Search for Legal Unity in the Fragmentation of Global Law // Michigan Journal of International Law, Vol. 25, No. 4. 2004. P. 999–1046.
39. *Trachtman J. P.* The Economic Structure of International Law. Harvard University Press 2008.
40. *Weiler J. H. H., Wind M.* (eds). European Constitutionalism Beyond the State. Cambridge University Press. 2003.
41. *Wiener A., Lang A. F., Tully J., Maduro M. P., Kumm M.* Global Constitutionalism: Human Rights, Democracy and the Rule of Law. // Global Constitutionalism 2012. Vol. 1, Iss. 1. P. 1–15.

Об авторах:

Кириленко Виктор Петрович, заведующий кафедрой международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации; kirilenko-vp@sziu.ranepa.ru

Алексеев Георгий Валерьевич, доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; alekseev-gv@sziu.ranepa.ru

Воротников Алексей Юрьевич, магистрант Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); vorotnikovfbt@mail.ru

About the authors:

Viktor P. Kirilenko, Head of the Chair of International and Humanitarian Law of North-West Institute of Management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Jurisprudence), Professor, Honored Lawyer of Russian Federation; kirilenko-vp@sziu.ranepa.ru

Georgy V. Alekseev, Associate Professor of the Chair of Law of North-West Institute of Management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Jurisprudence, Associate Professor; alekseev-gv@sziu.ranepa.ru

Aleksey Yu. Vorotnikov, Master program student of North-West Institute of Management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), vorotnikovfbt@mail.ru

Правовое закрепление института международных неправительственных организаций в законодательстве государств СНГ

Мишальченко Ю. В.¹, Торопыгин А. В.^{2, *}, Полунина А. В.³

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *toropyginav@mail.ru

³ Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

РЕФЕРАТ

В данной статье рассмотрен процесс становления института международных неправительственных организаций на территории постсоветского пространства. Представлены проблемы толкования положений законодательства Российской Федерации в сфере некоммерческих организаций. Проанализировано развитие законодательства в сфере добровольного объединения граждан, руководствующихся защитой общемировых ценностей. На основе проведенного исследования авторы предлагают меры, направленные на прозрачность деятельности организаций, ориентированной на оказание безвозмездной помощи категориям граждан, нуждающихся в данной поддержке.

Ключевые слова: законодательство в сфере международных неправительственных организаций, некоммерческие организации, социально ориентированные некоммерческие организации, СМИ-иноагенты, саморегулируемые организации

Legal Consolidation of the Institute of International Non-Governmental Organizations in the Legislation of the Countries of the CIS

Yuri V. Mishalchenko^a, Andrey V. Toropygin^{b, *}, Anastasia V. Polunina^c

^a Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

^b Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEP), Saint-Petersburg, Russian Federation; *toropyginav@mail.ru

^c St. Petersburg University of Technologies of Management and Economy, Saint-Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

This article describes the process of formation of the Institute of international non-governmental organizations in the post-Soviet space. Problems of interpretation of provisions of the legislation of the Russian Federation in the sphere of non-profit organizations are presented. The development of legislation in the field of voluntary Association of citizens guided by the protection of global values is analyzed. On the basis of the study, the authors propose measures aimed at transparency of organizations aimed at providing free assistance to categories of citizens in need of this support.

Keywords: legislation in the field of international non-governmental organizations, non-profit organizations, socially oriented non-profit organizations, media-foreign agents, self-regulatory organizations

Период распада Советского Союза ознаменован желанием «новых» государств совершить скорый демократический транзит — перейти от тоталитарного государства и плановой, административно-распределительной системы к демократическим и рыночным отношениям. В этой связи в конце прошлого века произошел рост числа международных неправительственных организаций (далее — МНПО) на территории постсоветского пространства.

Первоначальный вид некоммерческих неправительственных организаций представлял собой добровольные объединения граждан, являющиеся бескорыстной ассоциацией активных людей, руководствующихся общемировыми ценностями.

Такого рода некоммерческий сектор быстро включился в работу со всеми слоями населения, нуждающимися в правовой защите, а также способствовал замене идеологических принципов на правовые. Предлагаемые программы некоммерческих организаций направлялись на правовое образование граждан, на правовую защиту, бесплатное юридическое консультирование, правовое просвещение населения. Речь шла о правовой благотворительности социально-активных людей, чьим жизненным кредо являлась бескорыстная деятельность во имя гуманности общественных отношений, приоритетов интересов личности [1]. Такой подход к деятельности повсеместно способствовал построению социально ориентированного правового государства.

МНПО в своей деятельности основываются на таких положениях, как необходимость решения проблем защиты прав человека и окружающей среды; усиление демократических процессов в сфе-

ре внутренних и международных отношений, где неправительственные организации являются непосредственным субъектом взаимодействия; трансформации интересов: движение от государственных интересов (суверенитета) к общечеловеческим ценностям; желание граждан увеличить контроль над процессом принятия решений в вопросах, непосредственно затрагивающих их жизненные интересы; расширение возможностей трансграничных связей и деятельности общественности различных стран, возможностей технологического процесса.

Количество некоммерческих организаций перед распадом СССР по разным данным составляло от 30 до 40 единиц. В Российской Федерации в 1999 г. было зарегистрировано уже 163,9 тыс. некоммерческих организаций, а с учетом государственных и муниципальных некоммерческих организаций количество составило 432,9 тыс.¹; в 2000 г. — 485 тыс.; в 2004 г. — 600 тыс. [3]. Аналогичные процессы происходят и в других государствах СНГ.

В период 1995–1996 гг. в российском некоммерческом секторе начал происходить так называемый «процесс кристаллизации». Данный процесс представляет собой появление центров поддержки, информационных служб, учебных курсов и семинаров, газет и журналов, в рамках которых активно обсуждалась роль некоммерческого сектора в развитии общества и зарубежный опыт по управлению некоммерческими организациями [Там же].

Такое развитие событий способствовало созданию законодательства в данной сфере правоотношений. Стоит отметить, что организации, действующие в одном государстве, называются некоммерческими, а в нескольких — неправительственными.

Европейская конвенция о признании правосубъектности Международных неправительственных организаций, принятая Советом Европы² в 1986 г., выделяет три признака данного института деятельности:

- 1) некоммерческая цель деятельности;
- 2) создание в соответствии с внутренним актом какого-либо государства;
- 3) осуществление деятельности, по меньшей мере, в двух государствах.

В соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 23 мая 1968 г. № 1296 (XIV), неправительственной организацией может считаться «любая международная организация, не учрежденная на основании межправительственного соглашения», а ее основополагающим признаком является некоммерческая цель деятельности, отсюда и часто употребляемое название «некоммерческие организации».

Таким образом, основное направление деятельности МНПО разделяется на два направления:

- организации, занимающиеся общественными проблемами;
- организации некоммерческого сектора.

Исходя из вышеуказанных направлений и происходит формирование законодательства государств в данной сфере правоотношений, что хорошо видно при рассмотрении модельного законодательства СНГ.

Так, Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств в 1997 г. принимает модельный закон «Об общественных объединениях», в котором указывается, что «Общественным объединением является добровольное формирование, возникшее в результате свободного волеизъявления граждан, объединившихся на основе общности интересов». В сферу влияния данного модельного закона не включена деятельность политических партий, профессиональных союзов, а также организаций, основная цель которых состоит в извлечении прибыли (дохода), религиозных образований, органов территориального общественного самоуправления (советы и комитеты микрорайонов, домовые, уличные, квартирные, поселковые, сельские комитеты и иные), органов общественной самодеятельности (народные дружины, товарищеские суды и другие).

В качестве целей создания и деятельности модельный закон определяет: содействие реализации и защиты гражданских, экономических, социальных, культурных и иных законных прав и свобод; развитие общественной активности и самодеятельности граждан, удовлетворение их профессиональных и любительских интересов в области научного, технического, художественного творчества; охрану здоровья населения, привлечение его к благотворительной деятельности, вовлечение в занятия массовым спортом и физической культурой; проведение культурно-просветительской работы среди населения; охрану природы, памятников истории и культуры; патриотическое и гуманистическое воспитание; расширение международных связей; укрепление мира и дружбы между народами; осуществление иной деятельности, не запрещенной законодательством.

¹ НКО России: предварительные итоги // Деньги и благотворительность, 2001. № 1.

² Российская Федерация не ратифицировала указанную Конвенцию.

В данной сфере применяется следующее законодательство в рамках Содружества Независимых Государств:

- Закон Туркменистана «Об общественных объединениях» от 21.10.2003. № 197-II;
- Закон Таджикистана «Об общественных объединениях» от 19.07.2005. № 36-3;
- Закон Республики Армения «Об общественных организациях» от 01.11.1996, № ЗР-82;
- Закон Республики Армения «Об общественно-политических организациях» от 26.02.1991, № С-0266-1;
- Закон Республики Молдова «Об общественных объединениях» от 17.05.1996, № 837;
- Федеральный закон Российской Федерации «Об общественных объединениях» от 2.02.2006.

Что касается законодательства о некоммерческих организациях, то именно оно прошло в своем развитии несколько этапов и повлияло на развитие законодательства в других сферах правоотношений.

В качестве такого примера можно считать модельный закон Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств «О регистрации и деятельности международных некоммерческих организаций, их филиалов и представительств» от 27.11.2015. В данном документе представлены самые общие нормы, необходимые для функционирования некоммерческих организаций. Они были характерны для первого, наиболее раннего этапа развития законодательства в данной сфере правоотношений. В частности, подъема общественного сознания в разных направлениях, в том числе религиозного.

Примером такого законодательства являются:

- Закон Республики Узбекистан «О негосударственных некоммерческих организациях» от 14.04.1999 № 763-I;
- Закон Кыргызской Республики «О некоммерческих организациях» от 15.10.1999, № 111;
- Федеральный закон Российской Федерации «О некоммерческих организациях» от 19.07.2007.

В дальнейшем происходит более «точная настройка» законодательства, что позволяет ввести большинству стран мира определение «социально ориентированных некоммерческих организаций».

Статус «социально ориентированных некоммерческих организаций» дает возможность претендовать на поддержку деятельности некоммерческой организации от государства. Такая практика имеет место быть во всем мире. Поддержка может осуществляться с помощью налоговых льгот, грантов, снижением арендной платы. Согласно статье 31 Федерального закона РФ «О некоммерческих организациях» органы государственной власти и органы местного самоуправления могут оказывать поддержку социально ориентированным некоммерческим организациям при условии осуществления ими в соответствии с учредительными документами определенных видов деятельности, список которых является закрытым.

В целях оказания поддержки социально ориентированным некоммерческим организациям органы исполнительной власти федерального и регионального значения, а также местные администрации формируют и ведут федеральные, государственные и муниципальные реестры социально ориентированных некоммерческих организаций — получателей такой поддержки¹. Данные реестры содержат общую информацию о наименовании организации: ее месте нахождения, идентификационном номере налогоплательщика; а также специальную информацию о предоставленной поддержке: форма, размер и срок оказания поддержки, наименование органа, предоставившего поддержку, дата принятия решения об оказании поддержки или решения о прекращении оказания поддержки, а также информацию (если имеется) о нарушениях, допущенных социально ориентированной некоммерческой организацией, получившей поддержку, в том числе о нецелевом использовании предоставленных средств и имущества.

Примечательно, что Федеральный закон № 40 от 2010 г. закрепляет размещение в реестре информации о видах деятельности, осуществляемых социально ориентированной некоммерческой организацией, получившей поддержку. На наш взгляд, такая информация не является достаточно полной. Целесообразно будет создать электронную базу по информированию населения об уже проделанной работе такого рода организаций в целях не только прозрачности данных структур, но популяризации их деятельности, направленной на оказание безвозмездной помощи категориям граждан, нуждающихся в данной поддержке. Данную базу необходимо разместить на интернет-портале для всеобщего доступа.

¹ Ст. 31.2 Федерального закона РФ от 05.04.2010 № 40-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций».

В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2016 г. № 64 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел, связанных с приостановлением деятельности или ликвидацией некоммерческих организаций, а также запретом деятельности общественных или религиозных объединений, не являющихся юридическими лицами» нарушение некоммерческими организациями действующего законодательства Российской Федерации, включая Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности», Федеральный закон «О противодействии терроризму», может повлечь применение мер публично-правовой ответственности в виде приостановления деятельности объединения граждан, его ликвидации либо запрета деятельности по заявлению уполномоченного органа (должностного лица) в порядке административного судопроизводства¹.

Также могут возникнуть основания для ликвидации некоммерческих организаций, например, по заявлению его учредителя в связи с отсутствием материальной базы для осуществления его деятельности, когда получение необходимого имущества не представляется возможным. В данном случае речь не идет о нарушении закона со стороны организаций, и такие дела разрешаются по правилам гражданского законодательства (ст. 61, 123.20 Гражданского Кодекса РФ).

В 2007 г. был принят федеральный закон о саморегулируемых организациях. Даная категория организаций осуществляет самостоятельную и инициативную деятельность субъектов предпринимательской или профессиональной деятельности. Отличным требованием саморегулируемых организаций от иных организаций является объединение в составе саморегулируемой организации в качестве ее членов не менее двадцати пяти субъектов предпринимательской деятельности или не менее ста субъектов профессиональной деятельности определенного вида.

Наряду с большим количеством некоммерческих и неправительственных организаций, действительно являющихся институтами гражданского общества и структурами самоорганизации граждан в различных сферах общественной жизни, существуют и организации, принимающие активное участие в политическом процессе и внешней политике. Часто такая деятельность осуществляется неправительственными организациями на гранты зарубежных агентств, которые преследуют цели дестабилизации общественного порядка, фрагментации общества, смены государственной власти, и целью их работы являются следующие направления:

- работа с оппозиционными партиями, блоками и их молодежными структурами;
- работа с представителями органов местного самоуправления, направленная якобы на развитие самостоятельности областей, а на практике — на ослабление их управляемости из центра;
- развитие «альтернативных» государственным средств массовой информации, подконтрольных неправительственным организациям;
- создание новых и укрепление уже существующих общественных организаций, а также реализация через них методов ненасильственной борьбы [2].

Можно привести примеры деятельности некоммерческих/неправительственных организаций в период 2013–2014 гг. на Украине. Свержение режима Милошевича, смещение в ноябре 2003 г. Э. Шеварднадзе в ходе «революции роз», приход к власти на Украине в результате «оранжевой революции» в декабре 2004 г. В. Ющенко и торжество киргизской «тюльпановой революции» в марте 2005 г. — звенья одной цепи [Там же]. И со временем эта цепь только удлиняется.

Все это привело к тому, что в 2012 г. Президент России В. В. Путин подписал Федеральный закон № 121 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента». Таким образом, представилась возможность противодействия на законодательном уровне данному негативному явлению.

У МНПО, финансируемых из-за рубежа, государственное управление по иностранным валютам требует, чтобы переданные пожертвования «не противоречили общественной морали» и не наносили вред общественным интересам или законным правам и интересам граждан, а пожертвования в иностранной валюте осуществлялись посредством идентифицируемых банковских счетов. При этом банковская отчетность состоит из заявления, копии лицензии на ведение деятельности, нотариально заверенного соглашения пожертвования, свидетельства о регистрации зарубежной организации и других документов по требованию [4].

Дальнейшим развитием указанных тенденций для Российской Федерации можно считать Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 10.4 и 15.3 федерального закона „Об инфор-

¹ Гарант.ру [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71477404/#ixzz5Q2dp2uFD> (дата обращения: 03.09.2018).

мации, информационных технологиях и о защите информации“ и статью 6 закона Российской Федерации „О средствах массовой информации“ (в части уточнения порядка ограничения доступа к информации, распространяемой с нарушением закона)». В котором появился раздел, касающийся СМИ-иноагентов. Стоит отметить, в законе указан исчерпывающий перечень субъектов, которые могут быть отнесены к категории СМИ-иноагентов. Такой подход необходимо расценивать в качестве ответственного маневра на пути сохранности конституционного строя государства.

Литература

1. Бунеева Р. И. Проблемы развития некоммерческих организаций [Электронный ресурс]. URL: www.stu.lipetsk.ru/files/materials/612/buneeva.doc (дата обращения: 03.09.2018).
2. Минасян Г., Восканян А. Зарубежные НПО — механизмы влияния на внутреннюю политику // Обозреватель, 2013. № 3. С. 16–19.
3. Панасенко С. Развитие некоммерческого сектора в России [Электронный ресурс]. URL: http://observer.materik.ru/observer/N7_2006/7_06.HTM (дата обращения: 03.09.2018).
4. Семенов А. А. Особенности законодательства КНР об общественных организациях и НПО // Известия Иркутского государственного университета. 2017. Т. 20. С. 59–65.

Об авторах:

Мишальченко Юрий Владимирович, профессор кафедры европейских исследований факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, доктор юридических наук, профессор; myv2008@mail.ru

Торопыгин Андрей Владимирович, профессор кафедры международных отношений Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор политических наук, профессор; toropyginav@mail.ru

Полунина Анастасия Викторовна, преподаватель кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики

About the authors:

Yury V. Mishalchenko, Professor of the Department of European Researches of the School of International Relations of St. Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economy, Jurisprudence), Professor; myv2008@mail.ru

Andrey V. Toropygin, Professor of the Chair of International Relations of the Chair of Economics and Finance of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Political Sciences), Professor; toropyginav@mail.ru

Anastasia V. Polunina, Lecturer of the Chair of Constitutional and International Law of St. Petersburg University of Technologies of Management and Economy (Saint-Petersburg, Russian Federation)

ПОЛИТИКА **Большая Евразия: цивилизационное пространство и проектирование будущего**

Кефели И. Ф.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; geokefeli@mail.ru

РЕФЕРАТ

Понятие Большой Евразии вошло в научный и политический лексикон сравнительно недавно и интенсивно наполняется новым содержанием. Пробуждение общественного интереса к евразийству совпало по времени с объективной тенденцией интеграции государств, возникших на евразийском пространстве после развала Советского Союза. Наступление антропоцена — новой геологической эпохи в истории Земли и глобальные подвижки «геополитических плит» Евразии, промышленная революция 4.0 и возникающее ощущение «жизни в осыпающемся мире» коренным образом изменяют внутренний мир человека, власть над которым все более жестко начинают захватывать механизмы алгоритмизации поведения и искусственный интеллект. Проективная функция Большой Евразии как идеологического и теоретического конструкта реализуется в программных документах и договорах коалиций государств континента на межкультурной основе.

Ключевые слова: Большая Евразия, евразийство, промышленная революция 4.0, антропоцен, геополитический треугольник

Great Eurasia: Civilizational Space and Designing the Future

Igor F. Kefeli

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEP), Saint-Petersburg, Russian Federation; geokefeli@mail.ru

ABSTRACT

The notion of Big Eurasia included in scientific and political lexicon is relatively recent and rapidly filled with new content. Awakening public interest in the Eurasianism coincided with the objective trend of integration States that emerged in Eurasia after the collapse of the Soviet Union. Offensive Anthropocene as new geological epoch and global developments Eurasia's «geopolitical plates», the industrial revolution 4.0 and the resultant feeling of «life in the crumbling world» fundamentally change the inner world of man, power over which all more tightly beginning to capture mechanisms to algorithmization of conduct and Artificial Intelligence. Projective function Big Eurasia as ideological and theoretical construct is implemented in the policy documents and contracts for coalitions of States of the continent on a mezhcivilizational basis.

Keywords: Great Eurasia, Eurasianism, the industrial revolution 4.0, Anthropocene, geopolitical triangle

Введение

Авторы опубликованного в октябре 2018 г. доклада Международного дискуссионного клуба «Валдай» под весьма трагически-настораживающим названием «Жизнь в осыпающемся мире» приурочили его к 100-летию со времени окончания Первой мировой войны. На повестке дня *volens nolens* оказалось сопоставление эпох, и авторы представили его следующим образом: «Состояние мирового порядка парадоксальным образом напоминает положение столетней давности. Подъем националистических чувств (сейчас они несут отпечаток антиглобализма) и возрождение агрессивных форм экономического поведения в духе неомеркантилизма заставляют вспомнить атмосферу в Европе и мире в начале прошлого века... Сейчас, как и тогда, наступает период интерлюдии. Прежний порядок уже не существует. Нового нет, и даже непонятно, каким ему быть... Развилка формирования эффективно функционирующего международного порядка на основе глобального управления пройдена. Мир двинулся в ином направлении. Он соскользнул в эпоху односторонних решений — эта тенденция объективна, ею нельзя управлять, но необходимо понимать ее последствия. В первую очередь для институтов и практик многостороннего взаимодействия — международных организаций, центральное место среди которых занимает ООН. Продукт, символ и опора той системы, создание которой 73 года назад знаменовало окончание почти 30-летнего периода мировых геополитических потрясений» [1, с. 4–5].

Что касается «30-летнего периода мировых геополитических потрясений», то очевидно, что речь идет о двух геополитических катастрофах прошедшего столетия — мировых войнах. Причем «геополитическая катастрофа» в начале доклада — это парафраз высказывания В. Путина в 2005 г. в послании Федеральному Собранию о распаде СССР как о «крупнейшей геополитической катастрофе века»¹. Что же касается «периода интерлюдии» (если последнюю понимать в староанглийском духе эпохи Возрождения как пьесу религиозно-нравоучительного характера), то он характеризуется в первую очередь рассуждениями о русском мире и его отношении к миру западному, исламскому, китайскому и др. Мы мечемся в попытках утвердить (уже которое десятилетие) русскую идею и русскую мечту, создать новую идеологию и приемлемый для всех социальный проект будущего. Неспроста в центре внимания социально-политических и гуманитарных исследований оказались проблемы глобальной безопасности, жизненного мира россиян, выхода из плена неолиберализма и возвращения к вековым идеям социальной справедливости, равенства, достойной жизни и правды (последняя оказалась не менее актуальной в условиях насаждаемой «постправды» в мире политического). Не менее актуальными становятся вызовы, порождаемые новой научно-технологической революцией — цифровизация всех сторон человеческой деятельности, алгоритмизация общественной жизни и человеческого поведения, претензии искусственного интеллекта на управление и манипуляцию интеллектом естественным. Глобальные проблемы человечества, которые, начиная с 70-х гг. прошлого века, были предметом всеобщей озабоченности, научного поиска и принятия политических решений, ныне приняли более жесткий характер касательно не только проблем войны и мира, экологического благополучия и роста народонаселения, но в первую очередь природы человека и смысла его существования в мире искусственного. В довольно категорической форме эта озабоченность прозвучала в очередном, пятидесятом, докладе Римскому клубу «Come On!», подготовленным двумя президентами Клуба — Эрнстом Вайцзеккером и Андерсом Вийкманом (при участии еще тридцати четырех других членов клуба). Это признание реальной опасности неконтролируемого развития и неэтичного использования технологий, поскольку обещания техноутопистов демотивируют людей: если технологии решат все проблемы, нет нужды в поиске сложных, комплексных решений, требующих изменения образа жизни [2, р. 47]. Возможность преодоления этой опасности авторы усматривают в реализации идеи «Нового Просвещения», то есть фундаментальной трансформации мышления, результатом которой должно стать целостное мировоззрение. Гуманистическое, но свободное от антропоцентризма, открытое развитию, но ценящее устойчивость и заботящееся о будущем. Подобный баланс — «всего лишь одна из особенностей „Нового Просвещения“» [3, р. 95–97], характеризующего антропоцен. Речь идет о наступлении новой эпохи в геологической истории Земли — антропоцена (от др.-греч. ἄνθρωπος — «человек» и καινός — «новый»). Еще в 2000 г. в небольшой заметке «The Anthropocene» Е. Стермер и П. Крутцен писали следующее: «Во время голоцена человеческая деятельность постепенно переросла в значительную геологическую силу, как было признано на раннем этапе рядом ученых. Так, Г. П. Марш еще в 1864 г. опубликовал книгу с названием «Человек и природа», переизданную в 1965 г. Стоппани в 1873 г. определил человеческую деятельность как «новую теллурическую силу, которая по своей мощности и универсальности может быть сравнима с великой силой Земли»... Великий русский геолог В. И. Вернадский в 1926 г. признал рост могущества человечества как части биосферы... Он, а также П. Тейяр де Шарден и Э. Леруа в 1924 г. придумали термин «ноосфера» (мир мысли), чтобы отметить растущую роль, которую сыграли человеческая мысль и технический талант в формировании своего собственного будущего и окружающей среды. Учитывая это, нам представляется более целесообразным подчеркнуть центральную роль человечества в геологии и экологии и предложить использовать термин «антропоцен» для обозначения текущей геологической эпохи (рис. 1). Последствия текущей деятельности человека будут продолжаться в течение длительного времени [4].

Как бы вдохновенно ни звучали слова о наступлении новой эпохи в геологической истории Земли, прислушаемся к осторожным словам ученого. «Самый мрачный прогноз на следующее тысячелетие состоит в том, — предостерегает британский астроном Мартин Риз, — что био-, кибер- или экологические катастрофы могут исчерпать огромный человеческий потенциал, оставив после себя опустошенную биосферу»².

¹ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53088 (дата обращения: 12.07.2018).

² Rees M. The Anthropocene Epoch Could Inaugurate Even More Marvelous Eras of Evolution [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2016/aug/29/the-anthropocene-epoch-could-inaugurate-even-more-marvellous-eras-of-evolution> (дата обращения: 12.07.2018).

Рис. 1. Антропоцен. Тренды, характеризующие глобальные социально-экономические процессы и изменения в биосфере за период с середины XX в. (www.globaia.org)

Большая Евразия как цивилизационное пространство

Какое же отношение эти рассуждения о новой геологической эпохе, промышленной революции 4.0, цифровизации человеческой деятельности имеют к заявленной теме? Думается, самое непосредственное. Указанные выше проблемы и вызовы, ведущие, порой стихийно, к перестройке глобального мира, имеют непосредственное отношение и к Евразии — континенту пяти мировых цивилизаций. Причем каждая из них делает свой выбор в этой перестройке, не только опираясь на свою собственную историю, культуру, религию, но и невольно трансформируя свой образ жизни в мире постмодерна и возникающего пост-постмодерна. Недаром в научном лексиконе, политическом дискурсе и обыденной повседневности надежно уживаются такие понятия, как Евразийское пространство, Большая Евразия, Россия-Евразия, Евразийский экономический союз, евразийская цивилизация, евразийская кухня и т. п. Каждое из них несет определенную смысловую нагрузку, пока еще далекую от общепринятого совершенства. Проследим это на примере опубликованного сравнительно недавно документа под названием «Стратегия для России. Российская внешняя политика: конец 2010-х — начало 2020-х годов»¹. В «Стратегии», в частности, отмечается, что уже через несколько лет встанет вопрос об «использовании новых возможностей и о создании условий и институтов, чтобы новая мощь Китая не воспринималась соседями, в том числе и Россией, как угроза, и не толкала бы Евразию к расколам» (п. 3.4; здесь и далее указаны разделы данного документа). Авторы обращают внимание на то, что качество и количество имеющихся интеграционных и межгосударственных объединений в Евразии (в том числе ЕАЭС и ОДКБ) пока оптимально, не требует расширения, поскольку «из-за накопленных проблем и спада экономики Россия не сможет в ближайшие годы экономически поддерживать и субсидировать союзников» (п. 3.5). Авторы предлагают строить российскую внешнюю политику, исходя из следующих принципов и целей (в дополнение и развитие официально заявляемых):

- встраивать постоянные союзы, менее надежные и более дорогостоящие, чем прежде, в более широкие, менее затратные структуры сотрудничества (ШОС, «сопряжение» с Китаем, а в перспективе — в рамках евроазиатской системы сотрудничества, развития и безопасности, п. 5.1.4).
- «Идеальное внешнеполитическое и экономическое положение России в будущем — великая, экономически развивающаяся, атлантико-тихоокеанская держава, которая играет центральную роль в Большом Евразийском сообществе, в экономической, логистической, военно-политической интеграции Азии и Европы..., экспортер военно-политической стабильности для Евразии... Экономически... и ментально Россия должна быть не восточной периферией Европы, а северной частью огромной Евразии» (п. 5.1.9).

Осмысливая выдержки из этого документа (предназначенного, кстати, для высшего руководства нашей страны), следует обратить внимание на многозначность упоминаемых в данном тексте вариантов использования понятий «евразийство», «Евразия», «Большая Евразия», «евразийская цивилизация», «евразийское пространство», «евразийское партнерство», которые наполняются различным содержанием. Это вполне обоснованно в ходе научных дискуссий, но при подготовке каких-либо нормативных документов необходимо, очевидно, придерживаться согласованности понятийного аппарата, теоретических умозаключений и ценностных установок. Примечательно, что вопрос *«Может ли евразийство стать основой российской теории международных отношений?»* был поставлен в качестве темы научного семинара в одном из московских университетов и по ходу обсуждения получил утвердительный ответ — «Да, может... и должен!»

За последние полтора века понятие «Евразия» трансформировалось из сугубо географического определения континента в многоплановый теоретический конструкт, фиксирующий эмпирически наблюдаемые природные, экономические, социально-политические и этнокультурные признаки. Большая Евразия как теоретический конструкт реализует проективную функцию научного знания, возникшую еще в античные времена: «Так давай же, — предложил Сократ Адиманту, своему собеседнику, — займемся мысленно построением государства с самого начала. Как видно, его создают наши потребности» (Платон. «Государство», II 369c). В данном случае проективная функция Евразии как конструкта характеризуется не только богатой историей, но и нацеленностью на реализацию сугубо практических задач жизнеустройства большей части евразийского континента, той самой «России-Евразии», которая представляла основу историософских проектов основателей классиче-

¹ Стратегия для России. Российская внешняя политика: конец 2010-х — начало 2020-х годов. Тезисы рабочей группы Совета по внешней и оборонной политике / Руководитель авторской группы по подготовке тезисов С. А. Караганов [Электронный ресурс]. URL: <http://svop.ru/проекты/strategy-XXI/9997> (дата обращения: 12.07.2018).

ского евразийства. Так, Н. Н. Алексеев, один из его ярких представителей, в статье «Евразийцы и государство», опубликованной в Париже еще в 1927 г., в качестве образца для устройства евразийского государства рассматривал советскую систему народного представительства, в которой «отправным пунктом является не отдельный человек и не искусственное соединение людей, но органический территориальный член целого... или же профессиональные объединения людей в пределах этих территориальных единиц, наконец, национальные части государства. Начала эти и подлежат дальнейшему укреплению, развитию и усовершенствованию в евразийском государстве» [5, с. 186].

Но если Алексеев полагал границы евразийского государства в пределах России (имперской или советской), то зарубежные авторы, будь то К. Хаусхофер или Ж. Парвулеско, оперировали масштабами «осеобразной» геополитики. Так, Парвулеско заявлял, что «политико-историческое пришествие Евразийской империи конца, включающей Западную и Восточную Европу, Россию и Великую Сибирь, Индию и Японию, навсегда перечеркнет нынешние гегемонистские империалистические проекты тех сил, которые Билл Клинтон недавно собирательно назвал „планетарным сверхмогуществом Соединенных Штатов“». Более того, Парвулеско, ратуя за укрепление национальных интересов, в первую очередь Франции и Германии, выдвинул ряд тезисов по установлению на месте оси Париж — Берлин — Москва «оси нового имперского великоконтинентального и евразийского авангардного уровня». Вот некоторые из этих тезисов:

- «Россия — Новая, *наша* Россия — должна стремиться... предпринять сверхчеловеческую попытку отыскать свой полярный центр тяжести...»;
- «Великая Европа, нуждающаяся сегодня в мобилизационной оси Париж — Берлин — Москва, может и должна срочно сделать все для политического и индустриально-экономического восстановления Новой России...»;
- «Восток Великого континента и высший имперский континентальный проект должны воссоединиться через Новую Россию» [6, с. 179, 208–213].

Такие псевдополитические посылы вряд ли можно признавать конструктивными в деле устройства евразийской цивилизации и евразийского союза, объединяющего государства на единой платформе сотрудничества и разрешения межгосударственных конфликтов. Подобные призывные тезисы чем-то напоминают оценку положения России как «геополитического балансира» в Европе конца XIX в., когда (в 1882 г.) был основан «Тройственный союз» Германии, Австро-Венгрии и Италии, направленный против Франции и России. В ответ на создание «Тройственного союза» возникли франко-русский союз (1891–1894 гг., кстати, после многочисленных просьб и обращений с французской стороны к российскому правительству), англо-французское соглашение (1904 г.) и англо-русское соглашение (1907 г.) приведшие к формированию Антанты как временной геополитической коалиции России, Великобритании и Франции. И к чему это все привело?! По этому поводу стоит вспомнить доклад известного дипломата той поры, члена Государственного совета, барона Р. Р. Розена, имевший весьма примечательное название «Европейская политика России. Доверительный меморандум, составленный летом 1912 г., в предвидении приближения мировой войны и грозящей России катастрофы, и сообщенный в октябре того же 1912 года». Обращают на себя внимание следующие слова из этого доклада: «Россия, занимающая большую половину Европейского материка, есть не столько величайшая европейская держава, сколько сама по себе целая часть света, поставленная между Европой и Азией, и с точки зрения такого ее положения и должны быть рассматриваемы истинные ее интересы в мировой политике. Предоставлением Германии преобладания в западной половине Европы и устранением себя от всякого участия в соперничестве европейских держав на почве чисто европейских интересов, Россия обеспечила бы себе безопасность ее западной границы и полную свободу рук для преследования ее миссии в Азии, повелительно указанной ей ее географическим положением, от выполнения которой ей тем труднее будет отворачиваться, чем яснее будет обрисовываться начавшееся пробуждение азиатских народов» [7, с. 22.]. Столетие спустя столь же конструктивные идеи высказал президент итальянской ассоциации «Познаем Евразию», председатель совета директоров АО «Банк Интеза» Антонио Фаллико: «Только путь через Россию обеспечивает безопасность, с точки зрения военных и геополитических угроз. Другие маршруты на определенном отрезке пролегают через зоны войн, конфликтов, нестабильности и других рисков. Теперь под очевидное преимущество России надо подогнать экономику и технологию... Мне бы хотелось видеть Большую Евразию как территорию, где свободно и в условиях безопасности перемещаются люди, деньги, товары и услуги, в том числе банковские. Перемещаются свободно, как ветер»¹. Эти мудрые

¹ Фаллико А. Интеграция пространства Большой Евразии востребована обществом и экономикой [Электронный ресурс]. Евразийский коммуникационный центр. Евразия: перспективы. 05.09.2016. URL: <http://eurasiancenter.ru/perspective/20160905/1004395076.html> (дата обращения: 12.07.2018).

слова должны, очевидно, стать назиданием сегодняшним политикам и геостратегам, которые порой увлекаются постмодернистскими интерпретациями реальных политических процессов. Ныне эта идея евразийского государства воплощается в таких надгосударственных организациях, как Евразийский экономический союз, Организация договора о коллективной безопасности и Шанхайская организация сотрудничества.

Структурообразующим ядром Большой Евразии как цивилизационного пространства выступает Россия. Становление собственно евразийской цивилизации происходило на протяжении нескольких веков в процессе формирования Азиатской России как полицивилизационного макрорегиона [8, с. 56–78]. Это положение подтверждалось многочисленными исследованиями отечественных ученых, работами представителей сибирского областничества и классического евразийства, в частности, Г. В. Вернадским, который справедливо отмечал: «Нет естественных границ между „Европейской“ и „Азиатской Россией“. Следовательно, нет двух России — „Европейской“ и „Азиатской“. Есть только одна Россия — Евразийская, или Россия — Евразия. Евразия и представляет собой ту наделенную естественными границами географическую область, которую в стихийном историческом процессе суждено было усвоить русскому народу» [9, с. 6]. Оставляя в стороне многие конкретные вопросы реализации проекта «Большая Евразия» («Большое евразийское партнерство»), следует обратить внимание на проблему стратегического порядка, которая требует согласованного решения России и других государств — членов ЕАЭС: ЭПШП (Экономический проект Шелкового пути) нацелен не только на взаимодействие с Россией и странами Центральной Азии, но и на объединение с интересами Евросоюза. Принципиальное значение имеет тот факт, что Китай и страны Центральной Азии заинтересованы в сопряжении не только ЭПШП — ЕАЭС, но и ЭПШП — ЕАЭС — ЕС (кстати, в этом направлении был принят документ, определяющий перспективы развития и самого ЕАЭС, — «Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны» (17.05.2018), которое вступило в силу в соответствии с решением Высшего Евразийского экономического совета от 06.12.2018 № 21). В отсутствие координации в треугольнике ЭПШП — ЕАЭС — ЕС контакты будут поддерживаться только между ЭПШП — ЕАЭС и ЭПШП — ЕС, тогда как экономически чрезвычайно важный элемент сопряжения ЕАЭС — ЕС будет отсутствовать. Без взаимодействия ЕС и ЕАЭС велика вероятность того, что многие ключевые китайские проекты сопряжения ЭПШП и ЕС, включая транспортные, будут реализованы в обход территории Российской Федерации и ЕАЭС, которые понесут существенные экономические потери и утратят шанс реализации своего транзитного потенциала.

В рамках реализации государственной национальной политики Правительством РФ была принята Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)», основной целью которой является укрепление единства многонационального народа Российской Федерации. В этом программном документе определен комплекс мер по устранению негативных тенденций в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений и направленных на «координацию государственной национальной политики, выработку региональных стратегий этнокультурного развития, поддержку диалога между органами государственной власти и общественными национальными и религиозными объединениями»¹. Итак, рассматривая вопрос об историософских и геополитических контурах евразийской цивилизации, следует четко представлять, что системообразующим фактором ее становления и развития явилась российская государственность, претерпевшая за многовековую свою историю многочисленные трансформации — от Киевской и Владимирской Руси до Российской Федерации и создаваемого Евразийского союза. Можно приводить многочисленные суждения отечественных, и не только, авторов, в которых с разной степенью убедительности утверждалась одна и та же идея — в геополитическом, этнографическом и историко-культурном отношении «Континент-Евразию» следует рассматривать как одну из локальных цивилизаций, ядром которой выступает современная Россия (рис. 2).

Проектирование будущего Большой Евразии

Проективная функция Евразии как идеологического и теоретического конструкта поначалу получила оригинальное воплощение в серии работ В. Л. Цымбурского в 90-е годы прошлого века. «В воздухе висит „заказ“, — предвещал он еще в 1995 г. грядущие события, — который пока

¹ Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)». Постановление Правительства РФ от 20 августа 2013 г. № 718 [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/4022> (дата обращения: 12.07.2018).

Russia's Ethnic Republics

Рис. 2. Евразийская цивилизация

Источник: <http://sites.google.com/site/civilizacium/home/civilizacium/evrazijskaa-civilizacia>

не материализовался в „заказчике“. В эпицентр проективного знания Цымбурский вводил дискурсы о статусе цивилизационной геополитики России, цивилизационном ядре в формате «острова России» и «непосредственном присутствии России в жизни чужих цивилизаций». Он же предвосхитил оценку нынешнего состояния бывших союзных республик, которые, дистанцировавшись «от России-СССР под лозунгами включения в некие свои „человечества“, оказываются в положении цивилизационно-геополитических „амфибий“, окраинных полукровок в тех сообществах, которым они напрашивались в родство» [10, с. 21].

Это уже не «геополитическая беллетристика», а вполне четкая экспертная оценка и рекомендации по сохранению лимитрофа в качестве «пояса относительной безопасности России». И вот спустя почти четверть века я обнаруживаю еще один, не менее значимый отход от «геополитической беллетристики» в сторону не всеми забытой марксистской методологии исследования общественного производства. «Геополитическая стратегия не может... ограничиваться, — как справедливо утверждают А. В. Дьяков и А. М. Соколов, — простым контролем над территорией, заключающей в себе природные ресурсы. Всякий ресурс становится таковым только благодаря труду, точнее, рабочей силе, его производящей. Последняя же определенным образом связана с той территорией, на которую направлены чьи-либо властные амбиции: кроме людей, ее населяющих, никто больше не в состоянии продуктивно вести на ней хозяйство. Поэтому геополитика должна выстраиваться как цивилизационная стратегия, выражающаяся в стремлении к тотальному контролю над материальными ресурсами, включая рабочую силу» [11, с. 28]. Соглашусь с суждением авторов относительно долженствования геополитики выступать в качестве цивилизационной стратегии, но хочу напомнить, что власть геополитики распространяется не только на заселенные и обрабатываемые людьми (которые в данном случае выступают как совокупная рабочая сила) территории, но и на «пустые» пространства. К таковым относятся Арктика и Антарктида, малозаселенные и неосвоенные пространства Восточной Сибири и Дальнего Востока. 1/3 территории России находится в холодном поясе, слабо заселенном и не пригодном для ведения продуктив-

ного сельского хозяйства. Недаром в некоторых справочных изданиях Россию относят к Северной Евразии, а в географическом справочнике ЦРУ читаем о ее местоположении: «Северная Азия (часть которой западнее Урала часто включается в Европу), граничащая с Северным Ледовитым океаном, между Европой и северной частью Тихого океана» [12, с. 426]. И это при том, что ООН в начале 1990-х гг. оценивала богатство недр России в 30 трлн долл., а США — в 8 трлн долл. Так что идея *Heartland* британского географа Х. Макиндера («Кто контролирует Восточную Европу, тот командует Хартлендом; Кто контролирует Хартленд, тот командует Мировым островом (то есть Евразией и Африкой); Кто контролирует Мировой остров, тот командует миром») сохраняет свою актуальность и поныне. Таким же «пустым» пространством в современном геополитическом противостоянии становится и киберпространство.

И еще на одной проективной функции Евразии как идеологического и теоретического конструкта следует остановиться — это дискурс «геополитического треугольника». Речь идет о столкновении интересов каких-либо трех центров силы, сторон на евразийском пространстве (будь то США–Китай–Россия, США–Китай–Индия, США–ЕС–Россия, Китай–Индия–Пакистан, Китай–Россия–исламский мир и др.), и построении сценариев развития на ближайшие десятилетия, исходя из базового тезиса: основная конкуренция в мире будущего развернется на экономико-технологическом (четвертая промышленная революция и переход к шестому технологическому укладу) и идейно-информационном (явные и неявные опасности, порождаемые искусственным интеллектом и алгоритмизацией всех сторон человеческой деятельности) направлениях. Реализация проекта Большой Евразии упирается, как предупреждает Ф. А. Лукьянов, в вопрос о дальнейшем целеполагании России, находящейся в поиске новой, постсоветской идентичности. Поэтому «традиционная раздвоенность сознания (Восток–Запад, Европа–Азия, Евразийство–Евроатлантизм и пр.) скрывает сегодня нежелание выбрать для себя какой-то вектор развития... евразийская идея то интерпретируется как нечто, противопоставленное Европе и Западу, то как естественная составная часть большого евро-азиатского пространства от Лиссабона до Владивостока»¹.

В более развернутой форме С. Ю. Глазьев рассматривает семь сценариев развития России в зависимости от внутренних и внешних факторов в треугольнике с США и Китаем, справедливо полагая наиболее перспективным сценарий российско-китайского партнерства при условии формирования в России институтов нового мирохозяйственного уклада, перехода к стратегии опережающего развития и создания Большого Евразийского партнерства [13, с. 256–261].

Вернемся еще раз к «Государству» Платона. В диалоге о справедливости решаются многие другие вопросы — об «идеях» (причинах бытия всех вещей) и о природе человека, об общественных связях между людьми и об идеальном государстве. Ныне же что-то неправильное происходит в «осыпающемся мире», заметной чертой которого оказывается исход универсальных этических представлений о справедливости в принятии политических решений. Будем надеяться, что осуществление проекта «Большая Евразия» позволит коренным образом изменить эту тенденцию.

Литература

1. Жизнь в осыпающемся мире. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». М. : Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2018.
2. Weizsaecker E., Wijkman A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. Springer, 2018.
3. Ibid. P. 95–97.
4. Paul J. Crutzen, Eugene F. Stoermer. The «Anthropocene» // IGBP News Letter. May 2000. N 41. См. также: Marsh G. P. The Earth as Modified by Human Action. Belknap Press, Harvard University Press, 1965; Clark W. C. In Sustainable Development of the Biosphere / Eds. W. C. Clark, R. E. Munn. Cambridge : Cambridge University Press, 1986. Chapt. 1; Vernadski V. I. The Biosphere, translated and annotated version from the original of 1926. Copernicus, Springer, New York, 1998.
5. Алексеев Н. Н. Евразийцы и государство // Мир России — Евразия. Антология. М. : Высшая школа, 1995.
6. Парвулеско Ж. Путин и Евразийская империя. Сб. статей / под общ. ред. А. Г. Дугина. СПб. : Амфора, 2006.
7. Розен Р. Р. Европейская политика России. Петроград. : Тип. А. Бенке, 1917.
8. См. подробнее: Кефели И. Ф., Шевченко Н. Н. Большая Евразия: цивилизационное пространство, объединительная идеология, проектирование будущего. СПб. : ИД «Петрополис», ООО «Геополитика и безопасность», 2018.
9. Вернадский Г. В. Начертания русской истории. М. : Алгоритм, 2007.

¹ Лукьянов Ф. А. Россия: внешняя политика в мире будущего [Электронный ресурс] // Стратегия XXI (Версия для обсуждения). Совет по внешней и оборонной политике, 2014. С. 264. URL: <http://svop.ru/проекты/strategy-XXI/9997/> (дата обращения: 12.07.2018).

10. *Цымбурский В. Л.* Земля за Великим Лимитрофом: от «России-Евразии» к «России в Евразии» // Цымбурский В. Л. Россия — Земля за Великим Лимитрофом: Цивилизация и ее геополитика. Изд. 2-е. М. : Едиториал УРСС, 2010.
11. *Дьяков А. В., Соколов А. М.* Государственный суверенитет в пространстве философской рефлексии: цивилизационные стратегии и биополитика // Вопросы философии. 2018. № 11.
12. Географический справочник ЦРУ. Екатеринбург : У-Фактория, 2004.
13. *Глазьев С. Ю.* Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М. : Книжный мир, 2018.

Об авторе:

Кефели Игорь Федорович, директор Центра геополитической экспертизы Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор философских наук, профессор кафедры социальной безопасности Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, эксперт РАН; geokefeli@mail.ru

About the author:

Igor F. Kefeli, Dr. Sc., Director of the center for geopolitical expertise and publishing projects of the North-West Institute of Management, branch of RANEP, Professor of the Herzen State Pedagogical University of Russia, Department of social security, expert RAS; St. Petersburg, Russia. geokefeli@mail.ru

Ограничения торговли и торговые санкции сквозь призму прав человека

Торопыгин А. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; toropyginav@mail.ru

РЕФЕРАТ

Цель: определение правомерности введения ограничения торговли и торговых санкций с позиции прав человека.

Методы: поставленная цель достигается посредством применения как общих, так и специальных научных методов. К общенаучным методам следует отнести системный метод, синтез и обобщения. Применения исторического метода для исследования истории вопроса и кейс-стади при рассмотрении деятельности Совета по правам человека ООН.

Результаты: изучены современные трактовки по изучаемому вопросу, а также определения понятия «экономические санкции». Показан вклад Совета по правам человека ООН в решение вопроса о негативном воздействии односторонних принудительных мер на осуществление прав человека.

Выводы: сделан вывод о том, что термин «санкции» не имеет однозначной трактовки и должен быть конкретизирован. Споры вызывают так называемые «вторичные» санкции, связанные с экстерриториальностью. Вклад в доказательство их неприемлемости в настоящее время особенно значителен со стороны изучения норм прав человека.

Ключевые слова: торговые санкции, Совет по правам человека ООН, права человека, незаконность односторонних санкций, доклады ООН по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных санкций

Trade Restrictions and Trade Sanctions through the Prism of Human Rights

Andrey V. Toropygin

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEP), Saint-Petersburg, Russian Federation; toropyginav@mail.ru

ABSTRACT

The purpose of the article is to define lawfulness of the use of restrictions and trade sanctions from the perspective of human rights.

Methods: To achieve the purpose were used as research methods general and special scientific methods. As for the general scientific research methods, the author used system analysis, synthesis and generalisation. The study applied the historical method for analysing the background of this issue, as well as case study for review of activities of the UN Human Rights Council.

Conclusions: Of special importance is the fact that the term “sanctions” does not have any commonly agreed interpretation. Author demonstrates the importance of concretisation the definition. It is underlined that disputes cause the so-called “secondary” sanctions related with extraterritoriality. It is highlighted the contribution to prove their inadmissibility is currently particularly significant from the point of view of human rights norms.

Results: The article examines contemporary interpretations on the issue and definitions of economic sanctions concepts as well. It is shown the essential role of contribution the UN Human Rights Council in the solution of the problem of negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights.

Keywords: trade sanctions, United Nations Human Rights Council, human rights, illegality of unilateral sanctions, reports of the UN on negative impact of unilateral compulsory sanctions

Введение

Термин «санкции/торговые санкции»¹ не употребляется, как правило, в официальных документах. Он характерен для политической риторики: «Россия оспорит нелегитимные санкции США во всемирной торговой организации...». Интерес к теме санкций скорее необходимость в связи с началом так называемых санкционных войн, чем просто научная дискуссия. Санкции стали инструментом получения односторонних преимуществ и решения корыстных политических проблем для стран Запада.

¹ Нужно также отметить, что на сегодняшний день в литературе и практике ВТО уже устоялись и активно применяются термины «санкции» и «репрессалии». *Исполинов А. С.* Санкции в ВТО: специфика и практика применения // Законодательство, 2014, № 10 с. 66 [Электронный ресурс]. URL: https://istina.msu.ru/download/7765434/1gAuR5:STHjbz_om5q_brMcJ2XFUs91IjY/ (дата обращения: 22.06.2018).

К настоящему времени существует обширная библиография, затрагивающая тему санкций. В основном, что совершенно понятно, это работы юристов, использующие формально-юридический метод для толкования норм права. В нашей работе предпочтение отдано взгляду на проблему с политологической точки зрения.

В сентябре 2015 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла итоговый документ саммита Организации Объединенных Наций «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». В преамбуле документа подчеркивается, что цели и задачи, определенные в нем, будут иметь огромное значение для человечества и планеты. Это 17 целей в области устойчивого развития и 169 задач, которые «предусматривают реализацию *прав человека для всех* (выделено авт. — А. Т.)», носят комплексный неделимый характер и обеспечивают сбалансированность всех трех компонентов устойчивого развития: экономического, социального и экологического [4, с. 2].

В соответствии с документом в мире должно быть обеспечено всеобщее уважение к правам человека и человеческому достоинству, верховенство права, справедливость, равенство и недискриминация, уважение к расовому, этническому и культурному разнообразию. Таким образом, и это тоже подчеркивается в документе: «Новая Повестка дня основывается на целях и принципах Устава Организации Объединенных Наций, включая полное уважение международного права. В ней заложены положения Всеобщей декларации прав человека, международных договоров по правам человека, декларации тысячелетия и Итогового документа Всемирного саммита 2005 г. В ней учитываются положения и других документов, в частности Декларации о праве на развитие» [5].

Также констатируется, что Новая Повестка дня предусматривает продолжение работы, начатой в период действия целей в области развития, сформулированных в Декларации тысячелетия, и окончательное достижение тех целей, которых не удалось достичь, особенно в плане помощи наиболее уязвимым группам [4]. «Вновь подтверждаем важную роль Всеобщей декларации прав человека, а также других международных документов по правам человека и международному праву; подчеркивается важная обязанность всех государств — в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций — уважать, защищать и поощрять права человека...» [Там же].

Цели и задачи, в решении которых большую роль играет торговля, «разбросаны» по всему тексту документа. В докладе «О торговле и инвестициях в Азиатско-Тихоокеанском регионе» (2017) говорится о восьми целях и четырнадцать задач [6].

Мы покажем четыре. Так, задача «2.b» — устранять и пресекать введение торговых ограничений и возникновение искажений на мировых рынках сельскохозяйственной продукции; «14.6» — к 2020 году запретить некоторые формы субсидий для рыбного промысла; «3.b» — обеспечивать доступность недорогих основных лекарственных средств и вакцин в соответствии с Дохинской декларацией «Соглашение по ТРИПС¹ и общественное здравоохранение»; «8.a» — увеличить оказываемую в рамках инициативы «Помощь в торговле» поддержку развивающихся стран.

Если две первые задачи связаны с правами человека опосредованно, то две последние — непосредственно.

Ограничение торговли, торговые санкции бросают вызов решению этих задач.

Результаты исследования

Основные подходы к понятию «санкции»

Обычно под «санкциями» понимается организованный запрет государством или группой государств на установление экономических, политических, социальных и военных связей с целью принуждения к определенным действиям (целям санкций). В экономике это, как правило, ограничения в торговле как товарами, так и услугами. Но единого мнения не существует.

Так, Г. И. Тункин определяет понятие следующим образом: «В современном международном праве санкции выступают как правовое последствие правонарушения и выражаются в применении к государству — правонарушителю мер принуждения» [15].

Другие авторы говорят о том, что термин «санкции» используется только в отношении принудительных мер, применяемых Советом безопасности ООН и другими международными организациями на основании гл. 7 Устава ООН. При этом сам термин «санкции» в ст. 41 Устава ООН не используется.

¹ Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС).

А. А. Дanelьян предполагает, что в доктрине международного права и на практике термин «санкции» может использоваться как для обозначения принудительных мер, применяемых СБ ООН и другими международными организациями на основании Устава ООН, так и для обозначения принудительных мер, применяемых отдельными государствами. При этом принудительные меры отдельных государств вводятся на основании актов национального законодательства, и сфера их действия ограничивается территорией соответствующего государства. Учитывая различия правовой природы и сферы их действий, можно использовать термин «международные санкции» и «национальные санкции» [15].

«Иногда санкциями в современном международном праве называют также меры принудительного характера, которые применяют государства индивидуально в рамках самопомощи в ответ на совершенные другими государствами... правонарушения, затрагивающие законные интересы или права» [Там же].

В случае, когда национальные санкции причиняют ущерб третьим странам или их инвесторам, они вправе рассматривать эти санкции как недружественные акты и считать их основанием для принятия мер самозащиты — реторсии и репрессалии. Если же национальные санкции нарушают международные обязательства государства перед третьим государством и его инвесторами, то у них возникает право оспаривать эти санкции в рамках многосторонней организации, например, ВТО, ЕС, НАФТА/USMECA и др. Так премьер-министр РФ Д. Медведев в 2014 г. на форуме в Санкт-Петербурге заявил, что «санкции США в отношении России противоречат нормам ООН и ВТО, в связи с чем Россия оспарит нелегитимные санкции США во Всемирной торговой организации, а заодно проверит объективность и непредвзятость этой организации» [Там же].

Даже по нескольким этим примерам видно, что единого мнения в этом вопросе нет. Поэтому представители юридической науки говорят о том, что вопрос о правомерности односторонних экономических санкций исследован мало. Комиссия международного права ООН предлагает использовать для обозначения односторонних действий термины «ответные меры» и «контрмеры».

Государства, столкнувшиеся с санкциями, справедливо возмущаются... Применение односторонних санкций против какой бы то ни было страны противоречит важнейшим международным документам: Уставу ООН; Всемирной декларации прав человека; Декларации ООН о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН; многочисленным резолюциям о запрете применения односторонних санкций. И они совершенно правы.

Нелегитимность односторонних санкций в международных отношениях может основываться и еще на целой серии документов. Генеральная Ассамблея ООН в своей резолюции «Односторонние экономические меры как средство политического и экономического принуждения развивающихся стран» требует от стран не использовать экономическое давление с целью осуществления перемен в экономической и политической, коммерческой и социальной жизни других стран¹.

Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) в своей резолюции «О недопустимости дискриминации и методов экономического давления» говорит о том, что все развитые страны должны отказаться от создания торговых барьеров, введения блокады, запретов на осуществление транзакций и прочих экономических репрессалий, противоречащих принципам Устава ООН, в отношении развивающихся стран как формы политического принуждения². Такие примеры можно продолжать.

Однако в современном международном праве отсутствуют нормы, прямо запрещающие государству применять национальные санкции [Там же].

Это тоже понятно, если внимательнее рассмотреть цели санкций.

И. Тимофеев вслед за Г. Хафбауэром говорит о целях, на достижение которых направляются санкции, в первую очередь экономических. Это ограничение военного потенциала страны во всех его видах, — во-первых. Предотвращение военных действий; удержание от наступательных действий в соответствии с концепцией сдерживания, — во-вторых. И, наконец, смена политического режима или дестабилизация страны, в-третьих [16, с. 7]. Очевидно, что эти первые трактовки очень напоминают санкции, прописанные в Уставе ООН.

Существует мнение о том, что односторонние санкции должны применяться особенно тогда, когда требуются оперативные меры и быстрые результаты [Там же, с. 10]. Так, легитимность

¹ [Электронный ресурс]. URL: A/RES/46/201 (3) <http://daccess-dds-ny. Nu.org/doc/RESOLUTION?GEN?NR0/587/33/IMG/NR058733pdf?OpenElement> (дата обращения: 22.06.2018).

² [Электронный ресурс]. URL: Proceedings of the United Nation Conference on Trade and Development, SIXTY SESSION BELGRAD, 6June-2July 1983, № 152 (IV) (дата обращения: 22.06.2018).

санкций увязывается не только с международным, но и национальным правом, а следовательно, также с национальными интересами, идеологией и моралью.

Если понятие «демократия» может рассматриваться как категория моральная, тогда наложение санкций против тех, кто нарушает «принципы демократии», морально обосновано, пишет Тимофеев.

Такой подход в первую очередь характерен для США. В Стратегии национальной безопасности 2017 г. [7] отдельный раздел посвящен экономической дипломатии. Санкции в нем рассматриваются как важный элемент комплексных мер по сдерживанию, принуждению и изоляции противников США. При этом отношения «свой-чужой» в разделе рассматриваются с нормативной точки зрения. «Свой» — это рыночные экономики, союзники США. «Чужие» — экономики с ведущей долей госсектора [16, с. 10]. В Стратегии национальной безопасности 2015 г. [8] умные санкции определяются как эффективный инструмент политики против «безответственных» акторов, не выполняющих свои обязательства, а также против криминальных и террористических сетей. В последнее время умные санкции, иногда их называют целенаправленными (целевыми), что в большей степени соответствует реалиям, используются все чаще. Под ними понимаются точечные воздействия на отдельные лица, компании или сектора экономики страны-адресата. Вначале они задумывались против маргиналов: террористов, наркобаронов, но сейчас используются в отношении представителей правящей элиты. В основном такие санкции связаны с финансовыми или визовыми ограничениями.

В упомянутой Стратегии отмечается, что США будут продвигать санкции под эгидой ООН, но при этом также будут действовать самостоятельно, если это будет необходимо [Там же, с. 10].

Во многом схожее понимание санкций существует в ЕС. В соответствии с документами ЕС санкции являются важным инструментом в международных отношениях. Так, в октябре 2018 г. Европейский союз ввел санкции за применение химоружия¹. Санкции являются важным инструментом мировой политики. ЕС рассматривают их как инструмент сдерживания и предотвращения конфликтов, который необходимо использовать наряду с дипломатией. Источником легитимности таких действий служит международное право, право ЕС, международные обязательства ЕС в рамках ВТО и других организаций. Иными словами, односторонние меры предусматриваются наряду с многосторонними [Там же].

Российская Федерация придерживается такого же мнения. Основой легитимных санкций служит международное право, конкретно Устав ООН и решения Совета Безопасности. В Концепции внешней политики прописано, что санкции, одобренные Советом Безопасности ООН, — единственный источник легитимного введения санкций: «Продолжить усилия по совершенствованию механизма применения ООН санкций, исходить, в частности, из того, что решения о введении таких санкций должны приниматься СБ на коллегиальной основе после всестороннего рассмотрения (...) содействовать исключению из практики международного взаимодействия незаконных односторонних принудительных мер, принимаемых в нарушение Устава ООН и других норм международного права» [9].

Некоторые эксперты считают, что санкции являются альтернативой военных действий. Конечно, санкции санкциям рознь. Если говорить о санкциях против России, эксперты имеют в виду следующее.

Прежде всего, санкции ЕС и США отличаются по своим целям. Санкции ЕС сфокусированы на украинском вопросе и привязаны к реализации Минских соглашений. Иными словами, ЕС использует санкции в качестве механизма принуждения России к тому, чтобы повлиять на прекращение огня, а также на выполнение других пунктов соглашений. Эта позиция сама по себе противоречива, так как выполнение минских договоренностей в значительной степени зависит от Украины, в отношении которой санкции не применяются. Киев может намеренно стопорить реализацию соглашений в своих внутривластных интересах и с целью сохранения санкционного давления на Россию.

В отличие от введенных ЕС ограничений, цели американских санкций значительно более широкие. Принятый конгрессом законопроект 3364 включает в себя украинский вопрос, корректируя предшествовавшие ему президентские указы и директивы [10]. Однако помимо Украины в закон вошел обширный круг сюжетов, по каждому из которых подразумевается тот или иной набор санкций. Среди них: кибербезопасность, права человека в России, политика России на Ближнем Востоке, ядерное нераспространение, энергетическая политика России, российские СМИ и др.

¹ Совет ЕС одобрил новый механизм введения санкций за применение химоружия [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/15/10/2018/5bc453099a7947811093ad45> (дата обращения: 22.06.2018).

Политика санкций США преследует значительно более широкий набор целей. Рассматривая обязательства, которые закон PL 115-44 [11] накладывает на американскую администрацию и отдельные ведомства, политологи говорят о следующих целях: дискредитации и изоляции политического руководства страны. Фрагментации российской политической элиты; подрыв авторитета России на международной арене; изоляция России от инвестиций и передовых технологий в критичных для нее областях. Финансовое давление, подрыв доверия инвесторов; укрепление американского влияния в Европе; стимулирование европейских стран к расширению номенклатуры санкций; идеологическое противодействие России; вытеснение России с энергетических рынков, рынка вооружений и военной техники; превращение России в европейского «изгоя», использование России в политике идентичности в качестве узнаваемого врага; устранение России в качестве активного игрока на постсоветском пространстве; смена российского внешнеполитического курса по всем ключевым направлениям [16, с. 7].

Иными словами, цели санкций США и ЕС принципиально отличаются. Если Брюссель преследует узкие и конкретные цели, то в санкционном законодательстве США заложен гораздо более обширный набор целей, которые могут трактоваться широко и произвольно. Санкции ЕС носят скорее инструментальный характер, тогда как санкции США в большей степени базируются на идеологических установках (демократизация, права человека и т. п.). Санкции ЕС являются скорее тактическим ходом, санкции США представляют собой целостную стратегию. Подходы ЕС и США также отличаются с точки зрения принятия решений по санкциям. В случае ЕС вопрос об их продлении ставится каждые полгода. В текущих условиях они продляются в автоматическом режиме. Однако в случае улучшения ситуации на Украине у ЕС есть механизм оперативного изменения режима санкций [Там же].

Вывод совершенно очевидный, цели этих санкций не имеют практически ничего общего с целями Устава ООН. Но форму изложения «претензий» всегда можно подогнать под цели ООН.

Вместе с тем, как замечет С. Гландин, то, что в нашей стране называется «санкциями», является полноценными нормами американского федерального законодательства, предписывающего резидентам США воздерживаться от совершения определенных действий под страхом привлечения к юридической ответственности. По своей сути, американское законодательство ограничивает собственных резидентов в реализации ряда своих экономических прав: вступить в отношения с тем или иным зарубежным субъектом, в отношении которого введено торговое эмбарго [14, с. 108]. Иными словами, в «оправдание» односторонних санкций можно приводить следующие доводы: такие санкции вводятся государствами в пределах их суверенных полномочий или международных организаций в пределах соответствующих компетенций.

В Федеральном законе РФ от 30.12.2006 № 281 «О специальных экономических мерах» в ст. 1 констатируется, что правовую основу применения специальных экономических мер составляют Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, настоящий Федеральный закон, нормативные правовые акты Президента Российской Федерации, нормативные правовые акты Правительства Российской Федерации. При этом к специальным экономическим мерам относятся запрет на совершение действий в отношении иностранного государства и (или) иностранных организаций и граждан, а также лиц без гражданства, постоянно проживающих на территории иностранного государства, и (или) возложение обязанности совершения указанных действий и иные ограничения в виде: приостановление реализации всех или части программ в области экономической, технической помощи, а также программ в области военно-технического сотрудничества; запрещение финансовых операций или установление ограничений на их осуществление; запрещение внешнеэкономических операций или установление ограничений на их осуществление; прекращение или приостановление действия международных торговых договоров и иных международных договоров Российской Федерации в области внешнеэкономических связей; изменение вывозных и (или) ввозных таможенных пошлин; запрещение или ограничение захода в порты Российской Федерации судов и использования воздушного пространства Российской Федерации или отдельных его районов и т. п. [12].

Это меры, направленные на резидентов. Вместе с тем существуют и так называемые вторичные санкции — санкции за вступление в отношения с такими лицами (нерезидентами) за вхождение, например, в новые проекты или совершение крупных сделок с компаниями, представляющими целые сектора экономики. В ст. 235 закона США о санкциях [14, с. 109] предусмотрено, что если какая-либо компания совершила крупную сделку с российским предприятием из списка оборонных предприятий и разведывательных структур, то на нее могут быть наложены не менее пяти возможных санкций. Иными словами, юрисдикция расширяется на третьи страны.

Термин «юрисдикция» может пониматься как притязание на властные полномочия. Юрисдикционные требования касаются лиц, вещей (имущества), поведения или их комбинации. Законодательная юрисдикция наделяет государства полномочиями применять свои законы к определенным лицам, вещам или поведению. Это касается и географического притязания государств на установление законов и правил о регулировании ситуаций, которые полностью или частично могут иметь место за пределами его собственной территории. Возможность для акта одного государства быть признанным и примененным другим государством стала основой международного частного права, хотя изначально базировалась на принципе международной вежливости, соображениях суверенитета и не дистанцировалась существенно ни от гражданского, ни от международного права. Однако абсолютное большинство исследователей говорят, что это не относится к вопросу о санкциях.

Итак, эксперты выделяют «первичные» и вторичные санкции. В случае, когда одна страна отказывается в продолжении торговли другой, — это первичные санкции. Если страна расширяет масштабы санкций в отношении с другими странами, имеющими отношения со страной, против которой введены санкции, это «вторичные» санкции. Вторичные санкции нарушают экстерриториальность. Именно они и вызывают наибольшую критику. Формально третьей стране ничего не предписывается, она «свободна» в своем выборе поддерживать санкции или нет. В реалиях даже развитые страны Европы боятся противостоять США. Но Китай и Индия выступили против¹. Безусловно, правы те, кто говорят: «На самом деле вторичные санкции отражают отсутствие международного консенсуса по поводу санкций против этой страны» [17, с. 71].

Любые санкции идут вразрез с духом и буквой международного права. Но термин «санкции» столь многогранен, что вне контекста сказать что-либо просто нельзя. При этом вопрос о вторичных санкциях еще более запутанный.

Деятельность Совета ООН по правам человека по рассматриваемому вопросу

Совет по правам человека (СПЧ) — уставной орган ООН, который заменил Комиссию по правам человека в 2006 году. Этот межправительственный правозащитный орган состоит из 47 государств — членов Организации Объединенных Наций, которые избираются Генассамблеей ООН. Цель совета — «содействие всеобщему уважению и защите всех прав человека по всему миру и рассмотрение ситуаций, связанных с нарушением прав человека, а также подготовка соответствующих рекомендаций». В 2006 году при президенте Джордже Буше-младшем США отказались вступить в СПЧ. Одним из ярых критиков нового органа при этом был Джон Болтон — тогда постпред США при ООН, а ныне советник Дональда Трампа по национальной безопасности. Присоединились к Совету Соединенные Штаты лишь в 2009 году, при президенте Бараке Обаме. По результатам выборов Россия не вошла в число 47 государств. США вышли из Совета ООН по правам человека 20.06.2018. Непосредственным поводом для выхода из СПЧ стали несколько резолюций, касающихся Израиля, принятых в последнее время².

К уставным органам ООН относятся также Специальные процедуры Совета по правам человека и Процедуры рассмотрения жалоб в Совете по правам человека. Специальные процедуры Совета по правам человека — это независимые эксперты в области прав человека, уполномоченные информировать и консультировать по конкретным вопросам в области прав человека или по ситуациям с правами человека. Система Специальных процедур является центральным элементом механизма ООН по правам человека. Она включает: визиты в различные страны; реагирование на индивидуальные случаи нарушений прав человека и проблемы более широкого и структурного характера путем обращения внимания государственных лиц к нарушениям прав человека или злоупотреблениям; проведение тематических исследований и экспертных консультаций, способствующих разработке международных стандартов в области прав человека³.

Одним из аспектов изучения нарушения прав человека и подготовки соответствующих рекомендаций стал вопрос о негативном воздействии односторонних санкций на осуществление прав человека. В 2013 и 2014 году Управление Верховного комиссара по правам человека провело семинары по этому вопросу. СПЧ открыл мандат Специального докладчика по вопросу о негатив-

¹ В Индии не испугались санкций США из-за покупки С-400 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2084540/> (дата обращения: 22.06.2018).

² [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/world/20180620/1523035805.html> (дата обращения: 22.06.2018).

³ Совет ООН по правам человека [Электронный ресурс]. URL: www.ohchr.org/ru/HR/Bodies/HumanRightsBoies.aspx (дата обращения: 22.06.2018).

ном воздействии односторонних принудительных мер на осуществление прав человека, им стал Идрис Джазаيري¹.

К настоящему времени СПЧ было представлено три доклада², основанных на глубоком изучении теории проблемы и взглядов на нее в разных странах, которые были получены в качестве письменных ответов на поставленные вопросы и при встречах с представителями Исламской Республики Иран, Российской Федерации³, Судана, США, ЕС.

В своих докладах Джазаيري затрагивает целый ряд правовых, политических и этических вопросов, касающихся общей темы. По целому ряду позиций его мнение совпадает с мнением большинства экспертов. Он говорит, что необходимо делать различия между односторонними и международными принудительными мерами, хотя и те и другие часто объединяются понятием санкций. Но между ними есть существенная разница. Международными могут считаться только те меры, которые принимаются СБ ООН⁴. Именно в этом ключевой источник их легитимности, а односторонние меры предпринимаются отдельными государствами или их коалициями в обход Совета Безопасности ООН. Легитимными санкциями можно также считать те, которые применяются международными организациями против своих членов на основании их уставов, так как все государства являются членами таких организаций добровольно. Важная черта односторонних принудительных мер — их экстерриториальность. Они вводятся одной или несколькими странами и применяются за пределами их территории, затрагивая как целевые страны, так и третьи страны через механизм вторичных санкций. Поэтому санкции можно считать инструментом вмешательства в суверенные дела целевого государства или третьих стран [1, с. 7].

Одна из главных проблем применения односторонних ограничительных мер, по мнению докладчика, состоит в том, что они ущемляют права человека в целевых странах, наносят ущерб самым незащищенным слоям населения, качеству жизни, благосостоянию населения, обостряют социальные проблемы. При этом и «умные» или точечные санкции также не являются панацеей. «Умные» санкции плохо согласуются с Декларацией о праве на развитие, в частности, с положением ст. 3, в которой сказано, что «государства должны сотрудничать друг с другом в обеспечении развития и устранения препятствий на его пути» [Там же, с. 6].

С точки зрения международного права санкции могут считаться легитимными, если они применены в ответ на нарушение международных обязательств и это нарушение причиняет ущерб другому государству или государствам, делая легитимным их право на реторию или возмездие. Но и здесь права человека — важный индикатор. Если санкции применяются бессрочно, происходит ущемление прав человека. Применение односторонних мер должно быть ограничено.

Развитые страны, как правило, ведут политику сочетания односторонних и многосторонних мер, действуя двумя путями. Они либо сначала вводят односторонние санкции, а затем пытаются придать им большую легитимность через СБ ООН, становясь авторами проектов соответствующих резолюций. Либо вводят дополнительные односторонние санкции уже после резолюции СБ ООН, если считают принятые санкции слишком мягкими.

Поэтому, по мнению докладчика, в любом случае именно права человека должны быть основным мерилем этичности, легитимности и эффективности санкций.

Санкции противоправны, если их целью является какой-либо экономический интерес страны-инициатора. Что разъясняется в том числе резолюцией 27/21 СПЧ, где сказано, что односторонними принудительными мерами являются, принимаемые государством или группой стран по отношению к другому государству экономические и политические меры. При этом подчеркивается, что они направлены на ущемление его суверенных прав с целью добиться какого-то конкретного изменения в проводимой им политике [Там же, с. 5].

Принудительные меры, которые международные финансовые учреждения предписывают своим членам или кандидатам в члены, обычно не считаются «односторонними», поскольку они являются составной частью пакета прав и обязанностей, предварительное согласие с которыми со стороны принимаемых стран является условием их членства. В качестве примера приводятся

¹ Совет ООН по правам человека [Электронный ресурс]. URL: www.ohchr.org/ru/HR_Bodies/HumanRightsBoies.aspx (дата обращения: 22.06.2018).

² Доклады Специального докладчика 2015, 2016, 2017 гг.

³ [Электронный ресурс]. URL: http://ombudsmanrf.org/news/novosti_upolnomochennogo/view/vstrecha_upolnomochennogo_so_specialnym_dokladchikom_soveta_oon_po_pravam_chelov <https://sm-news.ru/dzhazairi-proverit-sanktsii-es-v-otnoshenii-drugikh-stran/> (дата обращения: 22.06.2018).

⁴ См., например, Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy, 2016 [Электронный ресурс]. URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (дата обращения: 22.06.2018).

правила функционирования свободной таможенной зоны между членами какого-либо экономического объединения и государством-партнером. Запрет членами объединения на беспошлинный ввоз товаров, произведенных за пределами территории государства-партнера, не рассматривается согласно международному праву как односторонняя принудительная мера, поскольку он предусмотрен международным соглашением, включающим в себя известное подписавшим его сторонам определение территории [1, с. 5].

А вот случай, когда одно или несколько государств — членов международного финансового учреждения пользуется своим правом голоса для использования этого учреждения в качестве проводника их национальной политики односторонних принудительных мер, является нарушением. Хрестоматийным в этом случае является пример закона США, на что и указано в одном из докладов [Там же].

Речь в данном случае идет о законе США — «Законе о восстановлении демократии и экономики в Зимбабве» (2001 г.). В нем предусматривается, что министр финансов США направляет исполнительным директорам от США во всех международных финансовых учреждениях директиву, предписывающую им выступать и голосовать против выдачи правительству Зимбабве соответствующим учреждением займа, кредита или гарантии любого типа, против отмены/сокращения в любом виде задолженности правительства Зимбабве перед США или любым из международных финансовых учреждений.

Наконец, принудительные меры, принимаемые региональными объединениями государств или каким-либо одним из государств-членов в отношении третьих стран, считаются односторонними в том смысле, что они предписываются согласно правилам, не признанным страной, против которой направлены эти меры [Там же].

В целом в данном случае аргументация доклада не выходит за «общепринятую».

Всеобщая декларация прав человека подчеркивает право каждого на уровень жизни, надлежащим образом обеспечивающий его здоровье и благосостояние, включая питание и медицинскую помощь, жилье и необходимые социальные условия. В данном случае подчеркивается «право каждого, всеобщность», что, на наш взгляд, отличается от других аргументаций и присуще только взгляду на проблему сквозь призму прав человека.

Хорошо известно, в Уставе ООН сформулирован призыв содействовать «всеобщему соблюдению и уважению прав человека». Из этой посылки исходит и деятельность Совета по правам человека, которая сформулирована в резолюции 60/215 Генеральной Ассамблеи ООН, — «отвечать за содействие всеобщему уважению и защите всех прав человека» [Там же, с. 4].

Таким образом, акцент смещается на «всеобщий характер». Это особенно четко прослеживается в дискуссии об экстерриториальности. Когда речь идет об экстерриториальных санкциях, докладчик исходит из точки зрения, что пострадавшим от нарушений прав человека на местах недостаточно бороться с негативным воздействием на права человека только внутренними мерами, поскольку в этом случае не обеспечивается заявленная «всеобщая» защита прав.

Позиция «всеобщности» рассматривается через понятия экстерриториальности. Автор доклада констатирует, что: «...если рассматривать тему экстерриториальности в контексте международных санкций, то возникает два отдельных, но связанных вопроса: может ли экстерриториальный охват санкций быть признан приемлемым (законным) в соответствии с нормами международного права, включая права человека, и несут ли государства (международные организации) экстерриториальные обязательства по договорам в области прав человека в связи с применением и воздействием санкций?» [3, с. 7].

Как известно, концепция государственной юрисдикции описывает пределы юридических полномочий государства принимать и применять правила поведения, касающиеся тех или иных лиц, и обеспечивать их соблюдения. Экстерриториальность нарушает суверенитет государства, вмешательство во внутренние дела другого государства.

Следует сказать, что этот вопрос не выпадал из поля зрения Организации Объединенных Наций. Ряд негативных оценок практики экстерриториальных санкций был дан в разное время органами ООН и другими международными организациями. Заметим также, что в 2006 г. Комиссия международного права рассмотрела предварительный доклад секретариата об экстерриториальной юрисдикции. Доклад мог бы стать основой для кодификации международного права в этой области [Там же, с. 13].

Однако с точки зрения нашей темы возникает вопрос о том, имеют ли экстерриториальные санкции особые характеристики (могут ли они иметь особые негативные последствия для прав человека), отличающиеся от тех, которые связаны с применением санкций в целом. Ответ на вопрос такой: «Как таковые санкции могут иметь особые дополнительные неблагоприятные послед-

ствия для прав человека, «включая право на развитие». Особое дополнительное воздействие экстерриториальных санкций может быть связано с их влиянием на способность государства-объекта получать доступ к услугам международных финансовых учреждений, к иностранным финансам и к международной помощи» [Там же, с. 14.].

Экстерриториальные санкции вызывают дискуссию в вопросе о том, являются ли обязательства в соответствии с соглашениями по правам человека экстерриториальными также. Иными словами, ставится вопрос: «Распространяются ли обязательства государств в соответствии с Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах за пределы их территории? Вводящие санкции государства могут нести ответственность за возникновение в результате лишения прав (например, право на питание и здравоохранение) даже в том случае, если вводящее санкции государство не осуществляет официальной юрисдикции или контроля над затрагиваемым населением» [Там же, с. 17].

В докладе предполагается, что существуют веские и подкрепляющие друг друга правовые аргументы, указывающие на существование экстерриториальных обязательств государств согласно пакту, которые могут охватывать случаи введения санкций.

Пакт не имеет территориальных или юрисдикционных ограничений в отношении сферы его применения. В отличие от Международного пакта о гражданских и политических правах, где они есть¹.

Кроме того, понятие «юрисдикция», которая является критерием (и альтернативой понятию «территория») применительно правовых обязательств государств в области прав человека, было расширено, чтобы должным образом охватить ситуации, когда ограничительная трактовка территориальных или юрисдикционных требований в соответствии с договором препятствовала их применению. Так, юрисдикция была распространена на «оккупированные» территории и на территории, над которыми государство осуществляет ту или иную форму «фактического контроля» [Там же, с. 19.].

Иными словами, по логике вещей, Международный билль о правах человека, который запрещает государствам нарушать права человека на территориях под их юрисдикцией, должен запрещать им совершения тех же нарушений за пределами границ. Однако такой процедуры нет, и поэтому специальная процедура, являющаяся правозащитным механизмом, основанным на Уставе ООН, и не ограниченная национальной юрисдикцией, может восполнить этот пробел.

В своем замечании общего порядка № 8 (1997 г.) о связи между экономическими санкциями и уважением экономических, социальных и культурных прав Комитет по экономическим и социальным и культурным правам перечислил определенные обязательства, которые относятся к сторонам, ответственным за ведение, обеспечение или применение санкций. Среди этих обязательств, вытекающих из признания экономических, социальных и культурных прав человека, Комитет выделил обязательство решения проблемы несоизмеримого ущерба, наносимого уязвимым группам в стране, ставшей объектом санкций. В том замечании Комитет выразил мнение о том, что, если какая-либо сторона принимает на себя хотя бы частичную ответственность за ситуацию в другой стране, она неизбежно берет на себя обязательство принять все возможные меры для защиты экономических, социальных и культурных прав населения затрагиваемой страны.

В замечании общего характера Комитета 2000 г. о праве на наивысший уровень здоровья подчеркнуто, что государствам-участникам следует неизменно воздерживаться от введения эмбарго или принятия аналогичных мер, ограничивающих поставки в достаточном объеме медикаментов и медицинского оборудования в другие государства. По мнению экспертов, такая позиция Комитета может быть истолкована как косвенное признание экстерриториальности правозащитных обязательств в области экономических, социальных и культурных прав [Там же, с. 21].

Разработка руководящих принципов для выбора путей и средств предупреждения, минимизации и компенсирования негативного воздействия односторонних принудительных мер на права

¹ «В п. 1 ст. 2 Международного пакта о гражданских и политических правах устанавливается обязательство государства-участника уважать и обеспечивать права всех лиц, находящихся в пределах его территорий и под его юрисдикцией, но в аналогичном положении п. 1 ст. 2 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах не дается ссылки на «юрисдикцию» и «территорию». В нем используется формулировка, «которая налагает на все государства обязательство в индивидуальном порядке и в порядке международной помощи и сотрудничества принять меры к тому, чтобы обеспечить постепенное полное осуществление признаваемых прав. Это четкое указание на то, что государства-участники берут на себя определенные обязательства внешнего или международного характера». Доклад Специального докладчика по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных санкционных мер на осуществление прав человека Идриса Джазири, 2017. GE.17-12735 (R) п. 34, 35. с. 17.

человека является одной из важнейших задач мандата Специального докладчика по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных мер на осуществление прав человека.

Для этого в докладе предложен так называемый прагматичный подход, который заключается в том, чтобы оценить принудительные меры со стороны их эффективности и действенности, с точки зрения заявленной цели, и то воздействие, которое они оказывают на осуществление прав человека. При этом считается, что если принимаемые меры позволяют достичь поставленных целей в короткий срок и если эти цели являются желанными с точки зрения международного сообщества, то их можно рассматривать как легитимные. Для этого необходимо: знание полной картины того, как применяются эти меры; выработка оценки их воздействия на осуществление прав человека; выявление передовой институциональной практики в странах-инициаторах; выработка применяемых к этим мерам руководящих принципов ООН, позволяющих устранить их негативное воздействие и обеспечить средства правовой защиты.

В докладе есть и предложение о создании компенсационной комиссии с целью обеспечения надлежащей компенсации жертвам односторонних принудительных мер¹. Моделью такой комиссии могут стать предыдущие аналогичные механизмы, которые чаще всего создавались в связи с необходимостью обеспечить эффективную правовую защиту для жертв вооруженных конфликтов.

При этом Специальный докладчик считает, что вопрос финансирования можно решить следующим образом. Государствам, которые применили санкции в отношении других, можно было бы предложить оказывать этим странам финансовую поддержку/компенсацию через компенсационную комиссию². Одна из возможностей финансирования комиссии могла бы состоять в том, что денежные взносы государства, вводимого санкции (инициатор), в многосторонние финансовые учреждения были полностью или частично переправлены и затем перераспределены на нужды компенсационной комиссии без каких-либо негативных последствий для страны — объекта санкций. Страна-инициатор в этом случае сохранит свои права полноправного члена, включая право голоса, в многостороннем финансовом учреждении, как если бы взносы перенаправлены не были.

Во-вторых, предлагается создать реестр, включающий «единый список всех действующих односторонних принудительных мер [2, с. 14]. Этот реестр следует вести в соответствии со стандартами, применяемыми в настоящее время в отношении санкций Совета» [Там же, с. 2]. В качестве образца для такого реестра предлагается Регистр обычных вооружений ООН³.

Наконец, Специальный докладчик полагает, что настало время, чтобы международное сообщество подтвердило право всех лиц, осуществление прав которых было подорвано односторонними принудительными мерами, на эффективное средство правовой защиты, включая надлежащую и реальную финансовую компенсацию. В этой связи призывается в торжественной форме — в виде декларации об односторонних принудительных мерах и верховенстве права — подтвердить основополагающий принцип, согласно которому односторонние принудительные меры, предполагающие экстерриториальное применение национальных мер, является незаконным в соответствии с международным правом [1; 2; 3].

Может показаться, что решение проблемы с помощью декларации, пусть принятой и на самом высоком уровне, достаточно утопично. Однако примерно то же самое предлагает и А. А. Громыко. В своем выступлении на заседании Международного круглого стола «Актуальные международно-правовые проблемы XXI века» он сказал: «...Нужна постепенная подготовка соответствующей конвенции под эгидой ООН, что, естественно, требует привлечения специалистов разного профиля, ученых и экспертов. Среднесрочная цель может состоять в переутверждении закрепления запрета на введение экономических санкций любыми странами, международными и региональными организациями без санкций ООН. Долгосрочная цель может состоять в запрете введения экономических санкций и на уровне Совбеза, как бы, может быть, сейчас крамольным это предложение не казалось» [19, с. 43].

В данном случае международно-правовые нормы — это зафиксированный компромисс. То есть это тот компромисс, который был возможен в данный момент, когда был заключен международный договор [13, с. 80]. Причем в настоящее время не только между государствами.

¹ В ООН предложили создать комиссию по претензиям жертв односторонних санкций [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/world/20170913/1504680482.html> (дата обращения: 22.06.2018).

² [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/world/20170913/1504680482.html> (дата обращения: 22.06.2018).

³ Система транспарентности. Ее основу составляют данные о международных передачах обычных вооружений, предоставляемых на добровольной основе [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/obsie-voprosy-mezhdunarodnoj-bezopasnosti-i-kontrola-nad-vooruzheniami/-/asset_publisher/6sN03cZTYZOC/content/id/80506 (дата обращения: 22.06.2018).

Известно, принятие соглашения по ТРИПС создало сложную обстановку с обеспечением лекарствами развивающихся стран из-за резкого подорожания препаратов в результате патентования [18, с. 32]. Но сложившийся смешанный механизм регулирования глобальных проблем как арена взаимодействия государств и негосударственных акторов позволил найти консенсус. Так, ВОИС¹ уже в 1996 г. опубликовала первое руководство для государств-членов с рекомендациями о том, как следует выполнять соглашения по ТРИПС, чтобы минимизировать негативный эффект патентной защиты. США и некоторые европейские страны пытались заблокировать издание руководства, но безуспешно [Там же, с. 37]. В 1998 г. Южноафриканская ассоциация фармацевтических производителей, по большей части транснациональные компании, предъявили иск к правительству на Закон о лекарствах, которым была создана правовая база для повышения доступности недорогих лекарств в Южной Африке. На правительство стали также оказывать давление США и Европейская комиссия. СПИД-активисты развернули кампанию гласности. В крупных городах прошли демонстрации с требованием отказаться от иска. К ним присоединились некоторые правительства и парламенты, в том числе Европарламент. Иск был отозван [Там же, с. 41] в 1999 г. «Врачи без границ» начинают международную Кампанию за доступность основных лекарств. На саммите «G8» (Окинава, 2000 г.) обсуждают вопросы, связанные с инфекционными заболеваниями. На встрече были сформулированы и приоритеты борьбы со СПИДом: предупредить дальнейшее распространение; организовать медико-социальное обслуживание и поддержку инфицированных; активизировать научные исследования по лечению заболеваний. На саммите был учрежден Глобальный фонд по борьбе со СПИДом, туберкулезом и малярией [Там же, с. 48]. Это лишь малая толика того, что было сделано международным сообществом. В 2000 г. транснациональные фармацевтические компании объявили о снижении цен на препараты, используемые при лечении СПИДа, а дальше была подписана Декларация о соглашении по ТРИПС и здравоохранении (2001 г.), которая явилась важным шагом в решении глобальной проблемы обеспечения лекарствами.

Дело в политической воле стран. Санкционная проблематика уже неоднократно поднималась Генеральной Ассамблеей ООН. Число стран, считающих односторонние меры неприемлемыми, растет. Так, например, в 1996 г. за соответствующую резолюцию проголосовало 57 стран, 45 против и 59 воздержавшихся (A/Res/51/103). А в 2014 г. сходную резолюцию поддержало уже 134 страны, 53 — против и одна воздержавшаяся (A/Res/69/180) [16, с. 13].

Выводы

Итак, следует сделать несколько ключевых выводов:

- безусловно, легитимными являются санкции, вводимые с одобрения Совета Безопасности ООН;
- введение односторонних санкций формально может и не нарушать международное право;
- следует признать, что вопрос о санкциях исследован в научном плане недостаточно и вызывает много вопросов;
- в этой связи важная работа в практическом и теоретическом плане делается Советом ООН по правам человека.

В результате проведенного исследования было выявлено, что в докладах Специального докладчика по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных мер на осуществление прав человека Идриса Джазаири содержится интересный сюжет о возможности трактовки некоторых соглашений по правам человека в качестве экстерриториальных. В том плане, что, принимая на себя обязательства по защите прав человека в рамках территории своей страны, в соответствии с принципом «всеобщности» государство берет на себя обязательство и в отношении защиты прав человека в государстве, против которого оно вводит санкции.

Литература

1. Доклад Специального докладчика по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных санкционных мер на осуществление прав человека Идриса Джазаири, 2015. GE.15-13475 (GE) [Электронный ресурс]. URL: https://www.ohchr.org/EN/HRBodies/HRC/RegularSessions/Session30/Documents/A_HRC_30_45_RUS.DOCX (дата обращения: 22.06.2018).
2. Доклад Специального докладчика по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных санкционных мер на осуществление прав человека Идриса Джазаири, 2016. GE.16-13299 (R) [Электронный

¹ ВОИС — Всемирная организация интеллектуальной собственности.

- ресурс]. URL: <http://www.refworld.org/cgi-bin/texis/vtx/rwmain/opendocpdf.pdf?reldoc=y&docid=57cd82924> (дата обращения: 22.06.2018).
3. Доклад Специального докладчика по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных санкционных мер на осуществление прав человека Идриса Джазаири, 2017. GE.17-12735 (R) [Электронный ресурс]. URL: <https://docplayer.ru/74690082-Doklad-specialnogo-dokladchika-po-voprosu-o-negativnom-vozdeystvi-odnostoronnih-prinuditelnyh-mer-na-osushchestvlenie-prav-cheloveka-idrisa-dzhazairi.html> (дата обращения: 22.06.2018).
 4. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 года. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, документ A/RES/70/1 [Электронный ресурс]. URL: https://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/ares70d1_ru.pdf (дата обращения: 22.06.2018).
 5. Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года [Электронный ресурс]. URL: un.org/ru/documents/decl_conv...outcome2005 (дата обращения: 22.06.2018).
 6. Резюме Доклада о торговле и инвестициях в Азиатско-Тихоокеанском регионе, 2017 год [Электронный ресурс] // Экономический и Социальный Совет ООН, документ E/ESCAP/CTI(5)1. URL: https://www.unescap.org/sites/default/files/pre-ods/CTI5_1R.pdf (дата обращения: 22.06.2018).
 7. National Security Strategy of the United States of America December 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2017/12/2017.pdf> (дата обращения: 22.06.2018).
 8. National Security Strategy of the United States of America February 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2015/02/2015.pdf> (дата обращения: 22.06.2018).
 9. Концепция внешней политики Российской Федерации, 2016 г.
 10. Закон о противодействии российскому влиянию в Европе и Евразии 2017 года (Закон США о санкциях H.R. 3364) [Электронный ресурс]. URL: <http://rusrand.ru/forecast/bill> (дата обращения: 22.06.2018).
 11. Санкционное законодательство США [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/sanktsii-ssh-a-protiv-rossii-2018> (дата обращения: 22.06.2018).
 12. Федеральный закон РФ от 30.12.2006 № 281 «О специальных экономических мерах».
 13. Ашавский Б. М. Актуальные международно-правовые проблемы XXI века // Материалы Международного «круглого стола». Издание Государственной Думы. Москва, 2015.
 14. Гландин С. Экстерриториальность американских санкций в действии // Международное правосудие. 2018. № 2 (26). С. 105–122.
 15. Данельян А. А. К вопросу об односторонних санкциях в международном праве [Электронный ресурс]. URL: <http://inter-legal.ru/k-voprosu-ob-odnostoronnih-sanktsiyah-v-mezhdunarodnom-prave> (дата обращения: 22.06.2018).
 16. Тимофеев И. Санкции против России: направления эскалации и политика противодействия. Российский совет по международным делам, 2018.
 17. Хедайати Шахидани М. Односторонние санкции как несправедливый прием в международных отношениях: кейс-стади на примере односторонних санкций США против России (2014) // Мировая политика. 2015. № 2. С. 64–85.
 18. Элен Ф. М., Хюен Л. М. Политика могущественных монополий: патенты на лекарства, доступность, инновации и применение Дохийской декларации о Соглашении по ТРИПС и общественному здравоохранению. Амстердамский университет, 2009.
 19. Актуальные международно-правовые проблемы XXI века. Материалы Международного «круглого стола». Издание Государственной Думы. М., 2015.

Об авторе:

Торопыгин Андрей Владимирович, профессор кафедры международных отношений Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор политических наук, профессор; toropyginav@mail.ru

About the author:

Andrey V. Toropygin, Professor of the Chair of International Relations of the Chair of Economics and Finance of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Political Sciences), Professor; toropyginav@mail.ru

Интернационализация российского образования: анализ экспертных оценок

Шевчук Н. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация, shevchuk-nv@sziu.ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена проблеме продвижения российских образовательных услуг на международные рынки. На основе анализа предпринятых на правительственном уровне усилий и широкого числа экспертных оценок по исследуемой проблематике автор выработал ряд рекомендаций по разработке новой стратегии продвижения российских образовательных услуг для увеличения числа азиатских, восточно-европейских и западноевропейских студентов в российских вузах.

Ключевые слова: российское образование, международные связи, образовательные услуги, международные рынки, иностранные студенты, интернационализация образования, вузы, Россия, евразийская интеграция

Internationalization of Russian Education: an Analysis of Expert Assessments

Nina V. Shevchuk

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; shevchuk-nv@sziu.ranepa.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the problems of Russian educational services promoting to international markets. The author carried out the analysis of the efforts made at the government level and a wide range of expert assessments on the studied issues. The author proposed a number of recommendations for developing a new strategy for promoting Russian educational services and to increase the number of Asian, Eastern European and Western European students in Russian universities.

Keywords: Russian education, international relations, educational services, international markets, foreign students, internationalization of education, universities, Russia, Eurasian integration

Введение

Проблема интенсификации развития международных связей в образовательной сфере заметно актуализировалась на фоне развернутой в отношении Российской Федерации так называемой «санкционной войны», одним из эффектов которой, по замыслу реализаторов последней, очевидно, должна стать максимальная изоляция России. И поскольку образовательная, научная и культурная сферы всегда оказывались «на передовой» публичной дипломатии, представляется необходимым наращивать усилия по интернационализации российского образования, используя в том числе открывающиеся новые возможности в рамках процессов евразийской интеграции.

По мнению специалистов, международное образование уже зарекомендовало себя как наиболее быстрорастущий экспортный сектор и одновременно наиболее прибыльную отрасль экономики не только в финансовом, но и в стратегическом плане [5]. Так, сегодня в системе высшего образования во всем мире насчитывается по разным оценкам от 2,5 млн до 4,5 млн студентов, а рост числа обучающихся за пределами своих стран составил за последние два десятилетия почти 100% [4; 3]. Емкость мирового рынка образования составляет более 100 млрд долл. в год, при этом из них на долю высшей школы приходится от 50 до 70 млрд долл. [11].

Что же касается России, то еще десять-пятнадцать лет назад экспорт российских образовательных услуг не считался полноправным сектором экономики и рассматривался в основном в контексте подготовки в России кадров для зарубежных стран¹. И только после принятия в 2002 г. параметров государственной политики, предусматривающей экспорт российского образования², появилась

¹ Использование возможностей Россотрудничества для продвижения образовательных услуг на европейском рынке. Аналитическая записка [Электронный ресурс]. URL: http://www.spbstu.ru/upload/inter/opportunities_rossotrudnichestvo-educational-services-european-market.pdf (дата обращения: 24.07.2018).

² В 2002 г. были приняты «Основные положения Концепции государственной политики РФ в области подготовки национальных кадров для зарубежных стран в российских образовательных учреждениях», одобренные

обоснованная необходимость смотреть на этот вопрос как на особое направление государственной политики и стали закладываться основы стратегии интернационализации российского образования.

В многогранном и многосложном процессе продвижения российских образовательных услуг на международные рынки Россия уже добилась существенных результатов. Так, если, по данным Министерства образования РФ, в 2008 г. она находилась на восьмом месте среди ведущих стран, принимающих иностранных студентов [4], то сегодня Россия переместилась на седьмую позицию среди стран-реципиентов, принимающих более половины мирового совокупного массива иностранных студентов, уступая США, Великобритании, Германии, Франции, Австралии и Канаде.

Следует признать, что международная конкуренция среди передовых исследовательских и образовательных центров, высших учебных заведений давно уже сделали их одним из ключевых акторов процесса транснационального взаимодействия, не только предоставив тем самым новые возможности для самопродвижения, но и поставив их в заложническую зависимость от глобальных и региональных внешнеполитических процессов, что особенно актуально для России ввиду усиления негативного дискурса в мире вокруг нашей страны.

В сложившихся условиях востребованным видится анализ критических замечаний отечественных исследователей для повышения эффективности мер по продвижению образовательных услуг на международные рынки, в том числе с учетом внешнеполитической конъюнктуры.

Актуальные проблемы продвижения российских образовательных услуг на международные рынки

Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. определяла создание условий для привлечения иностранных студентов как одну из важнейших задач профильного ведомства и вузов России с тем, чтобы к 2020 г. доля иностранных граждан достигла 5% от общего числа обучающихся в вузах страны¹. Такая постановка задачи развивала планы, утвержденные правительством еще в 2002 г. Уже тогда на государственном уровне были сформулированы цели сформировать до 2020 г. благоприятную социально-экономическую среду для повышения привлекательности России как для иностранных студентов, так и для преподавателей. Кроме того, Правительством РФ были предприняты шаги по оказанию финансовой поддержки ведущим университетам Российской Федерации для повышения их конкурентоспособности среди главных мировых научно-образовательных центров, что призвано способствовать решению задач, таких как: привлечение на управленческие должности специалистов с опытом работы в ведущих иностранных университетах, совершенствование работы аспирантуры и докторантуры, подготовка научно-исследовательских и опытно-конструкторских проектов с помощью российских и иностранных ученых. Следует признать, что поставленные результаты по многим показателям были достигнуты.

Так, по данным экспертов, экспорт российского высшего образования отметился рекордным ростом и вырос за последние 10 лет почти в три раза по численности (с 100,9 тыс. чел. в 2005 г. до 282,9 тыс. чел. в 2015–2016 уч. г.) и в четыре раза — по объему привлекаемых средств (с 356,2 млн долл. в 2004 г. до 1462,6 млн долл. в 2015–2016 уч. г.) [6]. И поскольку, исходя из позиций разработчиков упомянутой ранее Концепции долгосрочного социально-экономического развития, достижение заложенных в ней показателей призвано было доказать международную конкурентоспособность российского образования и стать критерием его высокого качества, то в настоящий момент можно констатировать, что есть основания с уверенностью говорить о потенциально высокой конкурентоспособности России на международном рынке.

При этом следует признать, что столь высокие показатели тем не менее не позволяют России позиционировать себя как одного из ведущих лидеров в области экспорта образовательных услуг, поскольку количественные показатели привлечения иностранных студентов в России по-прежнему существенно меньше, чем в некоторых других странах мира [4]. Между тем традиционное лидерство Великобритании, США, Австралии и Канады в этой сфере не мешает другим активным государствам ставить перед собой амбициозные цели.

президентом, и «План мероприятий по поддержке экспорта образовательных услуг образовательными учреждениями РФ», утвержденный правительством. Позже была принята Концепция экспорта образовательных услуг Российской Федерации на период 2011–2020 гг.: Национальный фонд подготовки кадров.

¹ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: утверждена распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/28c7f9e359e8af09d7244d8033c66928fa27e527/ (дата обращения: 24.07.2018).

Так, например, Иордания планирует выйти на показатели 100 тыс. иностранных студентов к 2020 г., агентство по высшему образованию Малайзии к 2020 г. планирует достичь показателя 200 тыс. человек, а Япония — 300 тыс. иностранных студентов к 2025 г. [3], что, к слову, соответствует и недавним планам российского правительства, которое заявляло среди целей — увеличение этого показателя до 300 тыс. к 2025 г. [Там же]. Теперь же с принятием федерального приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» планируется увеличить число обучающихся по очной форме в российских образовательных учреждениях (среднего, профессионального и высшего образования) приблизительно в три раза (до 710 тыс. к 2025 г.)¹.

Проблемам повышения конкурентоспособности российского образования в международном контексте посвящено довольно большое число актуальных исследований отечественных авторов [1; 3; 6; 7; 9; 11; 12]. В основном дискурс формируется вокруг проблем, таких как: недостаточная адаптивность нормативно-правовой базы к изменяющимся условиям в процессе выхода России на международные образовательные рынки; неэффективность предпринимаемых мер для привлечения иностранных студентов из западноевропейских стран; невысокая способность России привлекать иностранных студентов на англоязычные программы; критически малое число привлекаемых в российские вузы иностранных преподавателей; недостаточное имиджевое продвижение российского образования и использование современных маркетинговых технологий; «недружелюбное» визовое, миграционное, трудовое законодательство в отношении иностранных студентов и преподавателей. Остановимся отдельно на некоторых из указанных проблемных областей.

Маркетинговое продвижение

По мнению экспертов, в настоящее время вся мировая система образования переживает очень быструю трансформацию [12, с. 21]. Это делает выработанные годами ранее подходы и применяемые инструменты малоэффективными даже в том случае, когда речь идет о пятилетней давности. Нет оснований полагать, что такой тренд изменится. Тем временем общие параметры для продвижения российского образования на мировой арене определены в основном до 2020 г. Экспертами высказываются опасения об утрате актуальности существующих в этой сфере подходов еще до наступления отчетной точки, но на имплементацию их продвижения направлено немало усилий.

Так, эффективный экспорт образовательных услуг трудно представить без повышения узнаваемости российских вузов. Опираясь на сложившуюся практику последнего десятилетия, можно сделать вывод, что успешными инструментами достижения такого эффекта в основном считались открытие филиалов вузов за рубежом и имплементация совместных образовательных программ, а также повышение своих показателей в международных рейтингах. Здесь можно отметить успешные тенденции.

Открытие филиалов отечественных вузов за рубежом показывает положительный эффект. В настоящее время только в Азербайджане, Армении, Белоруссии, Казахстане, Киргизии, Таджикистане, Туркменистане, Узбекистане действуют более 35 филиалов, созданных 29 российскими вузами, и сегодня там обучается уже более 25 тыс. человек [8]. Успешным можно считать и появление отечественных университетов в основных рейтингах университетов мира. Например, по данным исследования специалистов РУДН, первые отечественные вузы появились в рейтинге QS WorldUniversityRanking в 2005 г., а уже в 2013 г. в перечень вошло 18 российских университетов, а на сентябрь 2016 г. в рейтинг вошло 22 российских университета (из которых 18 удалось улучшить свои прошлогодние результаты) [12].

И если субсидирование и выделение грантов на вышеназванные направления, в том числе посредством увеличения числа филиалов российских вузов и материального стимулирования публикационной активности российских ученых, показали эффективность, то с реализацией совместных образовательных программ дело обстоит иначе. Общее число образовательных программ высшего образования, реализуемых совместно с зарубежными вузами и ведущих к получению двух дипломов, за последние несколько лет не только не растет, но и снижается. Их число в 2017 г. составило 1080 (в 2015-м было 1150, в 2016-м — 1175). Такую ситуацию можно объяснить недостаточным финансированием науки на цели налаживания международных связей.

Автор настоящего исследования принимал участие в специальном мероприятии, призванном расширить российско-германское сотрудничество в данной сфере. Круглый стол «Программы двойных дипломов: теория и практика» был организован в рамках 15-й Недели Германии в Санкт-

¹ Иностранцам упростили правила пребывания в РФ. [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/sn_edu/20180129/1513502801.html (дата обращения: 24.07.2018).

Санкт-Петербурге Информационным центром DAAD в Санкт-Петербурге совместно с Центром изучения Германии и Европы и Свободным университетом Берлина. Участники встречи сошлись во мнении, что самым сложным аспектом в процессе налаживания сотрудничества по реализации совместных программ является то, что интерес к созданию совместного проекта, впоследствии могущего трансформироваться в программу «двойного диплома», в основном возникает в рамках личных контактов между представителями профессорско-преподавательского состава вузов разных стран. То есть процесс этот в самом начале во многом держится на уровне частных, личных международных контактов, и только потом, когда концепция образовательного проекта зародилась, он переходит на межуниверситетский уровень. Стимулировать такие контакты можно посредством активного участия представителей российских вузов в международных научных конференциях, круглых столах, симпозиумах, академических обменах. Именно это, по мнению экспертов, может быть сегодня наиболее эффективным инструментом в политике продвижения образовательных услуг вузов на мировой рынок. Ведь именно такого рода «связи с общественностью» формируют благоприятное общественное мнение о российском высшем образовании [12]. Так, представитель Нижегородского госуниверситета А. И. Горылев в своем исследовании о программах двойного диплома пишет: «Когда между университетами разрабатывается программа двойных дипломов, осуществляется ее реализация, фактически создается общая культура и климат университетов. Происходит взаимный обмен не только лучшими практиками организации образовательного процесса, но и приобщение к культурным ценностям партнеров, их понимание и обогащение» [11]. Однако в настоящее время в России академической мобильности преподавателей вузов все еще уделяется недостаточно и незаслуженно мало внимания.

Господдержка в процессе привлечения иностранных студентов

Известно, что Советский Союз входил в тройку лидеров из числа государств, принимающих иностранных студентов. Так, в конце 80-х гг. иностранные студенты обучались в 339 советских вузах. Наиболее широко были представлены страны, такие как: Монголия (в 1990/91 уч. г. — 7,1% от всех студентов-иностранцев, обучавшихся в Советском Союзе), Вьетнам (5,3%), Афганистан и Куба (4,8%), Болгария (4,3%) [Там же]. В высокой степени такие показатели обеспечивались внешнеполитической конъюнктурой и были своего рода индикаторами дружественности. Сегодня международное привлечение студентов рассматривают и как один из инструментов «мягкой силы», позволяющий стране расширять свое влияние и улучшать международный имидж [9]. Ведь граждане других государств, обучаясь в России, связывают свою жизнь с ее культурой, завязывают дружеские и нередко родственные связи, что, вне всяких сомнений, служит не только укреплению взаимопонимания и снижению конфликтности, но и распространению позитивной информации о России за рубежом. В этом контексте показательной является ситуация, когда в нынешнем году МИД Польши заявил об увольнении со всех руководящих постов в своем ведомстве выпускников МГИМО, связав стопроцентное кадровое изменение руководящего состава с «идентификацией дипломата с государственной политикой страны»¹.

По данным экспертов, большинство студентов-иностранцев в России сегодня — это выходцы из стран СНГ, Балтии и Грузии. Так, в исследовании основных тенденций развития международного рынка образовательных услуг Т. И. Чинаевой указывается на то, что их удельный вес в общем приеме постепенно растет (с 79,3% в 2015/16 уч. г. до 78,2% в 2009/10 уч. г.).

На втором месте, по данным исследователя, с огромным отрывом — Азия (3,8%), и с минимальными долями — студенты из стран Северной, Центральной и Южной Америки, а также Европы (1,01%) [11]. При этом Азию считают крупнейшим источником международных студентов, которые к тому же, как свидетельствуют исследования, демонстрируют лучшие показатели выпуска, когда численность таких студентов на выходе фактически полностью соответствует численности их приема [Там же]. В таких условиях все более распространенным становится мнение о том, что господдержка целесообразна не только в процессе бюджетных (а это как раз в основном студенты постсоветского пространства, поступающие в российские вузы в рамках выделяемых квот), но и контрактных студентов [3]. Так, например, исследователь из РАНХиГС В. А. Галичин обращает внимание на то, что по-прежнему актуальным является предложение, неоднократно обсуждавшееся в экспертном сообществе и в Минобрнауки, о создании в России структур, аналогичных DAAD (Германия), BritishCouncil (Великобритания) и др.

¹ Варшава сообщила об увольнении из МИДа всех выпускников МГИМО [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/politics/10/09/2018/5b966ca29a7947131185574f?utm_source=pushs (дата обращения: 24.07.2018).

Учитывая тенденцию к увеличению выделяемых квот для студентов из стран СНГ (с 10 000 до 15 000), число иностранных студентов будет расти, прежде всего, за счет этого направления. Однако, как замечает, например, В. А. Галичин, анализ ситуации с выделением таких квот показывает, что Россия не является приоритетной страной для обучения граждан в странах, получающих наибольшее число квот [3]. Так, исследователь приводит в пример тот факт, что азербайджанские студенты обучались за счет «Государственной программы по обучению в зарубежных странах в 2007–2015 годах» преимущественно в турецких вузах, а количество российских вузов, в которых могут обучаться граждане Казахстана в рамках международной стипендии «Болашак», ежегодно сокращается [Там же]. Там в список ведущих зарубежных высших учебных заведений, рекомендуемых для обучения, победителями конкурса на присуждение международной стипендии «Болашак» входят 16 стран и более 100 вузов, из которых только пятая часть — российские вузы [Там же]. Следует отметить похожую ситуацию в Молдове, где предоставляемая квота выбирается преимущественно за счет русскоязычных жителей непризнанного Приднестровья, в то время как в самой Молдове государство ориентировано на поддержку европейских устремлений среди молодежи и реализует большое количество стипендиальных программ с Румынией.

Представляется, что создание специальной государственной поддержки вузов, привлекающих на обучение иностранных студентов из государств Азии, являющихся потенциально самыми крупными поставщиками, может носить не только тактический, но и стратегический характер. Разумеется, делать это следует не в ущерб, а в развитие уже имеющихся геополитически ориентированных подходов по предоставлению квот. Существенным препятствием на пути к увеличению числа иностранных студентов из стран как Азии, так и Европы является критически малое количество англоязычных программ. Россия по-прежнему в основном предлагает на международном рынке свои образовательные услуги на русском языке. Такой подход встречает сразу несколько серьезных барьеров. Во-первых, представляется, что продвижение русского языка за рубежом, как одно из направлений государственной политики, находится все еще не в лучшем состоянии, а формируемый вокруг России негативный дискурс наносит еще больший удар по интересу к изучению русского в мире. Хотя несправедливо было бы не отметить обусловленный военно-стратегическим сотрудничеством рост интереса к изучению русского в таких странах, как, например, Сирия, Турция, Иран. Во-вторых, наиболее востребованным образованием во всем мире, особенно касательно магистерских программ, экспертами широко признано именно образование на языке международного общения — английском. Например, в скандинавских странах (Дания, Швеция, Финляндия) магистерское образование практически полностью переведено на английский язык.

Решение этой проблемы также лежит в плоскости финансирования, поскольку добиться ощутимо быстрых изменений здесь вряд ли можно без привлечения большого числа иностранных преподавателей. Так, по данным еще 2015 г., в ведущих университетах мира, например в Гарварде, иностранцы составляли 30% профессорско-преподавательского состава, в Оксфорде — 36%, в Кембридже — 33%, и даже в Пекинском госуниверситете — 7% [Там же].

Выводы и рекомендации

Как показывает анализ экспертных оценок, усилия, предпринятые на государственном уровне для интернационализации российского образования и его продвижения на международные рынки, можно считать в высокой степени результативными и эффективными. В свою очередь, российское образование, хотя и показывает свою конкурентоспособность, все же находится под влиянием «старых» подходов (обучение иностранцев преимущественно на русском языке, неактивное внедрение англоязычных магистерских программ и т. д.). В то же время целый ряд государств, не входивших в число лидеров по предоставлению международных образовательных услуг, теперь претендуют на занятие весомых позиций на международных образовательных рынках. Учитывая вышеизложенное, представляется возможным сформулировать ряд выводов.

1. Предпринятые на протяжении последнего десятилетия усилия по интернационализации российского образования следует признать вполне состоятельными. Полученный опыт подлежит детальному анализу не только с точки зрения «работы над ошибками», но и определения наиболее успешных и результативных шагов с целью их развития. С учетом темпов решительных изменений на международном рынке образовательных услуг все же представляется необходимым выработать новую стратегию продвижения российских образовательных услуг, разработка которой должна вестись с учетом имеющихся внешнеполитических трендов, в том числе имиджевого характера, напрямую влияющих на процесс привлечения в страну иностранных студентов и преподавателей.

2. Видится целесообразным создание специальных структур (возможно, в формате НПО, НКО) по продвижению российского образования за рубежом и привлечению в Россию так называемых контрактных студентов, поскольку представляется, что усилия Россотрудничества в этом направлении сложно признать вполне достаточными.
3. На государственном уровне необходимо уделить отдельное внимание вопросам материального стимулирования налаживания международных связей профессорско-преподавательским составом российских вузов (возможно, посредством выделения специальных стипендий на зарубежные научные обоснованные поездки или формирования в вузах целевых спецфондов для этих целей).
4. Увеличению доли азиатских, восточноевропейских и западноевропейских студентов в общей массе иностранных студентов может послужить разработка специальной программы по выделению бюджетных квот не только для стран СНГ и не только для русскоязычных и соотечественников.
5. Представляется необходимым разработать систему субсидирования вузов для привлечения иностранных преподавателей.

Литература

1. Атабекова А. А., Горбатенко Р. Г., Шустикова Т. В. Повышение международной конкурентоспособности вузов РФ: иностранные языки как инструмент обеспечения академического превосходства // Глобальный научный потенциал. 2016. № 12 (69). С. 34–36.
2. Баринова Н. В. Магистерские программы в России: теория и практика [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30031151> (дата обращения: 24.07.2018).
3. Галичин В. А. Международный рынок образовательных услуг: основные характеристики и тенденции развития [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ranepa.ru/images/docs/nayka/delo/Galichin-blok.pdf> (дата обращения: 24.07.2018).
4. Дмитриев Н. М. Материал совещания Министерства образования РФ «О развитии экспорта образовательных услуг российских вузов» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russia.edu.ru/information/analit/official/4069/> (дата обращения: 24.07.2018).
5. Доклад о результатах деятельности Россотрудничества по реализации возложенных на него полномочий за 2016 год [Электронный ресурс]. URL: <http://rs.gov.ru/uploads/document/file/2072/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%202016.docx> (дата обращения: 24.07.2018).
6. Краснова Г. А. Продвижение образовательных услуг российских вузов на зарубежные рынки. Презентация к докладу [Электронный ресурс]. URL: <http://ifap.ru/cfeoll/disc/content/books/33.pdf> (дата обращения: 24.07.2018).
7. Косевич А. В., Кожина В. О. К вопросу о повышении конкурентоспособности России на мировом рынке образовательных услуг // Вестник МИЭП. 2016. № 1 (22). С. 91–98.
8. Околнишникова И. Ю., Дьяченко О. М. К вопросу о внедрении маркетингового подхода к продвижению научно-образовательных услуг вузов России на международных рынках // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2013. Т. 7, № 1. С. 144–148.
9. Родионов Д. Г., Кушнев О. А. Российские университеты: на пути к амбициозным целям // Общество. Среда. Развитие. 2015. № 3 (36). С. 8–15.
10. Семенова Т. В., Вилкова К. А., Щеглова И. А. Рынок массовых открытых онлайн-курсов: перспективы для России // Вопросы образования. 2018. № 2. С. 173–197.
11. Чинаева Т. И. Основные тенденции развития международного рынка образовательных услуг // Статистика и экономика. 2017. № 1. С. 60–68.
12. Ямпольская Д. О., Косяков М. А. Проблемы продвижения современных вузов на международные рынки (на примере вузов из программы ТОП 5-100) // Успехи современной науки. 2016. Т. 3. № 11. С. 21–27.

Об авторе:

Шевчук Нина Викторовна, заместитель декана по международной деятельности Факультета международных отношений, доцент кафедры международных отношений Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук; shvchuk-nv@sziu.ranepa.ru

About the author:

Nina V. Shevchuk, Deputy Dean for International Activities of Faculty of International Relations, Associate Professor of Chair of International Relations of North-West Institute of Management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Political sciences; shvchuk-nv@sziu.ranepa.ru

МЕМОРАНДУМ
о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией
и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии
в области экономического сотрудничества

Евразийская экономическая комиссия и Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), далее именуемые Сторонами,

признавая значимость развития более тесного экономического взаимодействия между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и АСЕАН,

выражая желание заложить основу для активизации взаимодействия и развития новых направлений сотрудничества между Сторонами,

признавая важность экономического сотрудничества для интеграции в мировую экономику и международную торговую систему в целом,

основываясь на принципах взаимоуважения, прозрачности, взаимовыгодного сотрудничества и равенства Сторон,

пришли к взаимопониманию о нижеследующем:

I. Цель

Целью настоящего Меморандума является содействие экономическому сотрудничеству для расширения торгово-экономического и инвестиционного взаимодействия между государствами – членами ЕАЭС и государствами – членами АСЕАН.

II. Направления сотрудничества

1. Стороны в рамках своей компетенции будут осуществлять сотрудничество по следующим направлениям:

- а) таможенное регулирование и упрощение процедур торговли;
- б) санитарные и фитосанитарные меры;
- в) техническое регулирование;
- г) электронная торговля;
- д) торговля услугами и инвестиции;
- е) развитие предпринимательства, в первую очередь для микро-, малых и средних предприятий;
- ж) иные направления по согласованию Сторон.

III. Формы сотрудничества

Сотрудничество в рамках настоящего Меморандума может осуществляться путем:

- а) проведения конференций, форумов, семинаров, круглых столов, в том числе с возможным участием представителей органов государственной власти и бизнес-сообществ государств – членов ЕАЭС и государств – членов АСЕАН;
- б) обмена информацией в соответствии с нормами, правилами и административными процедурами Сторон, а также государств – членов ЕАЭС и государств – членов АСЕАН;
- в) обмена опытом в области региональной экономической интеграции;
- г) реализации иных мероприятий по согласованию Сторон.

IV. Реализация

1. Стороны будут стремиться поддерживать регулярные контакты путем организации совместных консультаций в целях реализации настоящего Меморандума.

2. Взаимодействие Сторон будет осуществляться на основе программы сотрудничества, которая будет разработана и согласована Сторонами.

V. Конфиденциальность

Стороны будут обеспечивать конфиденциальность и не будут раскрывать или передавать третьей стороне документы, информацию или данные, полученные в результате реализации настоящего Меморандума или в соответствии с настоящим Меморандумом, без предварительного письменного согласия Стороны, предоставившей информацию. Данное положение будет применяться и после прекращения применения настоящего Меморандума. Настоящий Меморандум не предполагает обмена информацией, доступ к которой ограничен в соответствии с международными договорами и актами, составляющими право ЕАЭС и право АСЕАН, а также законодательством государств – членов ЕАЭС и государств – членов АСЕАН.

VI. Применение

1. Настоящий Меморандум не является международным договором, не устанавливает и не создает для Сторон юридически

обязывающих прав и обязательств, регулируемых международным правом.

2. В настоящий Меморандум по письменному согласию Сторон в любое время могут быть внесены изменения (поправки). Любые изменения (поправки) оформляются в письменной форме и подписываются Сторонами. Такие изменения (поправки) являются неотъемлемой частью настоящего Меморандума и применяются с даты, определяемой Сторонами.

3. Настоящий Меморандум применяется с даты его подписания и до прекращения его применения любой из Сторон в соответствии с пунктом 1 раздела IX настоящего Меморандума.

VII. Финансовые расходы

Любые финансовые расходы, связанные с реализацией настоящего Меморандума, будут согласовываться Сторонами в каждом конкретном случае с учетом наличия средств, персонала и других ресурсов.

VIII. Урегулирование споров

Вопросы, возникающие в ходе реализации настоящего Меморандума или касающиеся его реализации, разрешаются по взаимной договоренности путем консультаций между Сторонами без обращения к третьей стороне или к международному суду.

IX. Прекращение

1. Любая из Сторон вправе прекратить применение настоящего Меморандума посредством направления другой Стороне

соответствующего письменного уведомления не менее чем за 6 месяцев до предполагаемой даты прекращения его применения.

2. Если иное не согласовано Сторонами, прекращение применения настоящего Меморандума не влияет на реализацию мероприятий и проектов, начатых до его прекращения.

Подписано в городе Сингапуре «14» ноября 2018 года в двух экземплярах, каждый на русском и английском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу. В случае разночтений в толковании или применении настоящего Меморандума используется текст на английском языке.

**За Евразийскую
экономическую комиссию (ЕЭК)**

Тигран Саркисян
Председатель Коллегии ЕЭК

**За Ассоциацию государств
Юго-Восточной Азии (АСЕАН)**

Дато Лим Джок Хой
Генеральный секретарь АСЕАН

Тигран Саркисян: Цифровизация для стран ЕАЭС может стать «ГОЭЛРО-2»

О перспективах цифровизации на наднациональном уровне, международном сотрудничестве и предварительных итогах 2018 г. рассказал Председатель Коллегии Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) Тигран Саркисян на деловом ланче с представителями СМИ стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС), организованном при поддержке ТАСС.

В начале встречи Председатель Коллегии ЕЭК Тигран Саркисян перечислил наиболее важные приоритеты, итоги и тренды, актуальные для Комиссии и евразийской повестки в целом. Одним из важнейших приоритетов он назвал цифровую повестку.

«Цифровую повестку ЕАЭС мы должны реализовывать сообща. Она должна быть синхронизирована во всех странах Евразийского экономического союза. Иначе это может вызвать дополнительные барьеры», — считает Тигран Саркисян.

В этом году в Комиссии начал работать цифровой офис, в который страны и представители бизнеса передают различные инициативы. Среди таких инициатив — формирование общей для всех пяти стран ЕАЭС цифровой прослеживаемости товаров, цифровых транспортных коридоров.

«Странам ЕАЭС нужны проекты, которые смогли бы вывести экономики на качественный уровень. Цифровизация вполне может стать своего рода „ГОЭЛРО-2“, — уверен глава Коллегии ЕЭК.

Тигран Саркисян сообщил, что ЕЭК рассматривает инициативу по созданию единой Евразийской электронной торговой площадки. Для реализации проекта необходимо согласие всех стран.

«У нас есть инициатива компании из Кыргызстана по формированию единой торговой площадки, и мы прорабатываем ее. Сейчас на рынке есть разные проекты, например, платформы «Яндекса» и Сбербанка. Если будет согласие всех стран, мы сторонники того, чтобы сформировать Евразийскую торговую платформу», — сказал он.

Говоря о взаимоотношениях с другими интеграционными объединениями, Председатель Коллегии ЕЭК напомнил о недавно подписанном Меморандуме о взаимопонимании между Комиссией и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и выразил надежду, что меморандум о сотрудничестве с Общим рынком стран Южной Америки (МЕРКОСУР) будет заключен в декабре этого года.

По словам Тиграна Саркисяна, страны Латинской Америки крайне заинтересованы в том, чтобы иметь таким образом возможность напрямую взаимодействовать с ЕЭК, а не только со странами — участниками ЕАЭС.

Торгово-экономические соглашения представляются важным механизмом, создающим «окно возможностей» для ЕАЭС и бизнеса стран — участниц интеграционного объединения.

Страны Союза в 2018 г. заключили Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве с Китайской Народной Республикой. Временное соглашение, ведущее к образованию зоны свободной торговли между Союзом и Исламской Республикой Иран, пока находится на ратификации в странах ЕАЭС и может вступить в силу в 2019 г., рассказал Председатель Коллегии ЕЭК.

Комментируя взаимоотношения с Европейским союзом (ЕС), Тигран Саркисян обозначил, что вопрос налаживания прямого диалога и сотрудничества между Евразийской экономической комиссией и Европейской комиссией был и остается одним из приоритетных в рамках реализации международного трека ЕАЭС. Речь идет о поэтапном продвижении в диалоге с Евросоюзом.

«Благодаря нашим усилиям есть технический диалог между Европейской и Евразийской комиссиями, а также представительством ЕК в Российской Федерации», — сообщил Председатель Коллегии ЕЭК. Его отправной точкой можно считать выступление Тиграна Саркисяна в Постоянном совете ОБСЕ в октябре 2017 г., по итогам которого постоянный представитель Европейской комиссии в организации публично заявил о начале взаимодействия Европейской и Евразийской комиссий по таким вопросам, как техническое регулирование и взаимная торговля. В завершение встречи Председатель Коллегии ЕЭК отметил, что в 2019 г. страны Союза будут праздновать пятилетие подписания Договора о ЕАЭС и 25-летие идеи евразийской интеграции. В этой связи он выразил надежду, что представители средств массовой информации будут активно подключаться к освещению деятельности Евразийского экономического союза.

Источник: <https://www.panorama.am/ru/news>

С глазу на газ: лидеры ЕАЭС договорились об общем энергетическом рынке

В Санкт-Петербурге обсудили снижение зависимости от доллара и других иностранных валют

Лидеры стран ЕАЭС согласовали программы формирования общих рынков нефти и газа. Это позволит увеличить ВВП государств «пятерки» на \$ 9 млрд, заявил президент России Владимир Путин на заседании Высшего Евразийского экономического совета, прошедшем в Санкт-Петербурге. Российский лидер также предложил странам ЕАЭС повысить экономический суверенитет, создав общую расчетную структуру. Она сделает объединение менее зависимым от доллара и других иностранных валют. Мероприятие ЕАЭС было насыщенным как темами, так и эмоциями — благодаря белорусскому лидеру Александру Лукашенко, который публично поспорил с Владимиром Путиным о ценах на газ, а потом извинился. Как рассказал «Известиям» пресс-секретарь президента РФ Дмитрий Песков, в декабре в России пройдут отдельные переговоры лидеров двух стран.

Экономический суверенитет

На заседании Высшего Евразийского экономического совета первым слово на правах хозяина мероприятия взял Владимир Путин. Он отметил, что сотрудничество в рамках ЕАЭС продвигается «довольно успешно и весьма динамично»: объемы внутрисоюзной торговли выросли за этот год на 12% до \$ 44 млрд. ЕАЭС улучшил свои позиции в международном рейтинге Doing Business, переместившись с 40-го на 31-е место.

Российский лидер рассказал о планах по дальнейшей работе над единым цифровым пространством объединения и созданием общих рынков газа, нефти и нефтепродуктов. По оценкам экспертов, осуществление этих планов даст прибавку к ВВП стран «пятерки» на \$ 9 млрд.

Владимир Путин отметил важность координации членов ЕАЭС в проведении валютно-финансовой и денежно-кредитной политики. Он призвал проработать вопрос о создании общей расчетной структуры с использованием современных финансовых технологий.

— Это позволило бы повысить устойчивость национальных платежных систем наших стран, сделав их менее зависимыми от доллара и других иностранных валют. Это в прямом смысле слова повышение экономического суверенитета, — заявил глава государства.

Отдельно президент затронул вопрос международной деятельности объединения, выразив надежду, что подписанные в этом году соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве ЕАЭС с Китаем и о временной зоне свободной торговли с Ираном уже скоро пройдут согласование в национальных парламентах.

— Рассчитываем на скорейшее завершение переговоров по преференциальным торговым договорам с Сингапуром, Израилем, Сербией и — в перспективе — с Индией и Египтом, — сообщил Владимир Путин.

В конце своего выступления Владимир Путин пожелал успехов Армении, которая с 1 января принимает на себя годовое председательство в ЕАЭС.

Расставят все точки над «і»

Самым ярким выступлением на вчерашней встрече стала речь лидера Белоруссии Александра Лукашенко. И она была отнюдь не такой позитивной, как у других ораторов. Еще накануне саммита в Санкт-Петербурге из Минска стали поступать разнообразные претензии в адрес Москвы. В начале недели замминистра финансов Белоруссии Андрей Белковец заявил, что Минск выйдет из ЕАЭС, если Россия не компенсирует стране потери от изменения налогового законодательства РФ в нефтяной сфере, которое, по расчетам Минска, будет стоить ей \$ 10 млрд в течение шести лет. А сам Александр Лукашенко грозил, что Минск не поддержит продление действующего норматива распределения ввозных таможенных пошлин между бюджетами государств — членов ЕАЭС. Про выход страны из ЕАЭС белорусский президент вчера не сказал ни слова, зато не удержался от высказывания существующих претензий перед телекамерами. Особое внимание Александр Лукашенко уделил цене на российский газ, возмущившись тем, что внутрироссийский тариф втрое

ниже, чем для Белоруссии. И тут, конечно, Владимир Путин ответил: для Белоруссии она почти вдвое ниже, чем для Германии (\$ 129 против 250).

Под вечер белорусский лидер сообщил журналистам, что извинился перед российским коллегой за развязывание острой дискуссии относительно цены на газ. Он отметил, что до конца года встретится с Владимиром Путиным, чтобы обсудить некоторые вопросы в сфере экономики.

— Расставим все точки над «i», чтобы нам в очередной раз не войти с нерешенными проблемами в новый год, — пояснил Александр Лукашенко.

В Кремле «Известиям» подтвердили подготовку новых переговоров Владимира Путина и Александра Лукашенко. Пресс-секретарь президента РФ заявил, что встреча состоится в декабре в России.

После того как журналисты ушли, лидеры продолжили дальнейшее обсуждение за закрытыми дверями и в расширенном составе — к пятерке присоединился президент Молдавии Игорь Додон, чья страна имеет статус наблюдателя при ЕЭАС. А во второй половине дня в Санкт-Петербурге состоялся неформальный саммит стран СНГ. Он прошел в формате дружеского обеда без прессы.

Продуктивный год

Председатель Коллегии Евразийской экономической комиссии Тигран Саркисян, присутствовавший на встречах в Северной столице, рассказал «Известиям», что год российского председательства для ЕАЭС был «продуктивным во всех отношениях».

— Запущены первые цифровые инициативы — в частности, проект по маркировке и прослеживаемости табака и табачных изделий. Принято 46 технических регламентов, которые позволяют обеспечить безопасность и качество продукции. Едиными требованиями охвачено уже 85% товаров на рынке Союза, включенных в единый перечень продукции, — пояснил он.

Плодотворным 2018 г. стал, по его словам, и с точки зрения выстраивания международных связей: за январь — сентябрь внешняя торговля ЕАЭС с третьими странами выросла на 21,4% и достигла \$ 548,4 млрд, а, помимо упомянутых президентом РФ соглашений, ЕЭК подписала также меморандумы с АСЕАН, с правительством Таиланда и рассчитывает уже в этом месяце заключить меморандум о сотрудничестве с МЕРКОСУР. По словам Тиграна Саркисяна, в следующем году страны объединения не собираются сбавлять темпы в этих направлениях, а также планируют сконцентрироваться на устранении препятствий на внутреннем рынке.

Наталья Портякова, Егор Созаев-Гурьев

Источник: <https://iz.ru/820899/nataliia-portiakova-egor-sozaev-gurev/s-glazu-na-gaz-lidery-eaes-dogovorilis-ob-obshchem-energeticheskom-rynke>

Экономическая безопасность — ключевое звено коллективной безопасности государств — членов ОДКБ

Международная научно-практическая конференция по проблематике экономической безопасности как неотъемлемой составляющей коллективной безопасности и межпарламентские слушания «Военно-политические и политико-экономические факторы, влияющие на формирование общности стратегических интересов государств — членов Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), в контексте тенденций субрегиональной безопасности» состоялись 28 ноября 2018 г. в Парламентском центре ОДКБ.

Президиум конференции
(слева направо: Л. Г. Ивашов, Х. М. Арутюнян, И. Ф. Кефели, В. В. Бондуровский)

Инициаторами этих мероприятий выступила Постоянная комиссия Парламентской Ассамблеи ОДКБ по политическим вопросам и международному сотрудничеству (совместно с Санкт-Петербургским государственным экономическим университетом), руководствуясь постановлениями Совета Парламентской Ассамблеи ОДКБ и на основании Программы деятельности Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности по сближению и гармонизации национального законодательства государств — членов ОДКБ на 2016–2020 гг. (принята постановлением восьмого пленарного заседания Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности от 26 ноября 2015 г. № 8-16, пункт 48).

Целью конференции и слушаний являлись обсуждение и выработка научно-практических подходов и конкретизация мер в решении одной из ключевых и насущных задач совместного обеспечения национальной безопасности государств — членов Организации (статья 10 Устава ОДКБ от 7 октября 2002 г., с изменениями, внесенными Протоколом о внесении изменений в Устав Организации от 7 октября 2002 г., подписанным 10 декабря 2010 г.). Следует напомнить, что указанная статья определяет: «Государства — члены ОДКБ принимают меры по развитию договорно-правовой базы, регламентирующей функционирование системы коллективной безопасности, и по гармонизации национального законодательства по вопросам обороны, военного строительства и безопасности». В совокупности с обсуждением темы межпарламентских слушаний также предложена выработка предложений по проекту Программы деятельности ПА ОДКБ по гармонизации и сближению национального законодательства государств — членов ОДКБ на 2021–2025 гг.

В рамках мероприятий состоялось обсуждение следующего комплекса вопросов:

- обеспечение национальной экономической безопасности как ключевой фактор укрепления коллективной безопасности государств — членов ОДКБ;

- модельное законодательство государств — членов ОДКБ и государств — участников СНГ как инструмент обеспечения экономической безопасности и противодействия ее вызовам и угрозам: состояние и перспективы развития;
- основные направления совершенствования национального законодательства и разработки региональных правовых стандартов регулирования отношений в сфере обеспечения экономической безопасности;
- вызовы и угрозы экономической безопасности государств — членов ОДКБ в контексте развития цифровой экономики: направления нормативного правового противодействия;
- меры превенции появлению экономических основ современного терроризма и экстремизма;
- направления совершенствования регулирования коллективного пограничного сотрудничества государств — членов ОДКБ в контексте обеспечения экономической и национальной безопасности;
- военно-политические и политико-экономические факторы, детерминирующие общность стратегических интересов государств ОДКБ;
- меры по предотвращению вмешательства во внутренние дела государств с использованием ИТ-технологий.

Конференция стала логическим продолжением серии начатых в 2015 г. научно-представительских мероприятий, проводимых по инициативе Постоянной комиссии Парламентской Ассамблеи ОДКБ по политическим вопросам и международному сотрудничеству, и, в частности, продолжился диалог, наметившийся на межпарламентских слушаниях по вопросам эффективного противодействия системы коллективной безопасности гибридным войнам в современных условиях, которые прошли в Ереване 30 октября 2017 г.

В рамках конференции отдельной панелью состоялись межпарламентские слушания на тему «Военно-политические и политико-экономические факторы, влияющие на формирование общности стратегических интересов государств — членов ОДКБ, в контексте тенденций субрегиональной безопасности».

В работе конференции при активной поддержке Академии геополитических проблем приняли участие депутаты национальных парламентов государств — членов ОДКБ, ведущие эксперты: философы, юристы, экономисты, политологи, историки и психологи.

Организаторов, участников и гостей конференции приветствовал исполняющий обязанности Генерального секретаря ОДКБ В. А. Семериков, который, в частности, отметил: «Мы приветствуем обращение к этой теме как к важнейшему направлению приложения совместных усилий государств в целях обеспечения международной стабильности и безопасности... Актуальность вопросов, планируемых к обсуждению на конференции, обусловлена постоянно возрастающим влиянием современных вызовов и угроз на экономическую безопасность современного общества и государства, всю систему международной безопасности... Международная экономическая безопасность применительно к государствам — членам ОДКБ предусматривает такое состояние международных экономических отношений, при котором обеспечивается стабильное экономическое развитие каждого государства и создаются условия для взаимовыгодного, в том числе и военно-экономического сотрудничества... Компетентное мнение политиков, рекомендации специалистов, которые выскажут свое мнение на полях конференции, несомненно, важны и будут способствовать достижению общепризнанных целей в области международной безопасности».

К участникам конференции с приветствиями также обратились председатель Постоянной комиссии Парламентской Ассамблеи ОДКБ по вопросам обороны и безопасности, председатель Экспертно-консультативного совета при Совете Парламентской Ассамблеи ОДКБ, заместитель председателя Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по безопасности и противодействию коррупции А. Б. Выборный и заместитель председателя Постоянной комиссии Парламентской Ассамблеи ОДКБ по социально-экономическим и правовым вопросам, заместитель председателя Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по делам Содружества Независимых Государств, евразийской интеграции и связям с соотечественниками У. М. Умаханов.

«В современном мире на сферу экономики все чаще распространяются вызовы и угрозы военно-политического характера, все чаще используются экономические методы для достижения политических целей. В этой связи возрастает актуальность экономического взаимодействия государств — членов ОДКБ», — отметил в своем выступлении А. Б. Выборный.

У. М. Умаханов от имени профильного Комитета Государственной Думы презентовал участникам конференции результаты экспертно-аналитического исследования «Гармонизация национального законодательства в области обороны и безопасности государств — членов ОДКБ», прове-

денного учеными кафедры политической теории Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России по заказу Комитета. При этом выступающий выразил уверенность в том, что исследование станет важным подспорьем в достижении одной из важнейших целей конференции — определении перспективных направлений правового обеспечения формирования и функционирования системы коллективной безопасности на 2021–2025 гг.

Необходимо отметить повышенный интерес к мероприятию как единому целому со стороны представителей экспертного сообщества государств — членов ОДКБ.

С докладами на конференции выступили: И. А. Максимцев, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета («Экономическая безопасность как важный фактор коллективной безопасности ОДКБ»), С. К. Рахманов, член Постоянной комиссии Парламентской Ассамблеи ОДКБ по политическим вопросам и международному сотрудничеству, председатель Комиссии Парламентского Собрания Беларуси и России по вопросам внешней политики, председатель Постоянной комиссии Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь по международным делам и национальной безопасности («Основной фактор экономической безопасности государств — членов ОДКБ — адекватные национальные инновационные системы»), М. И. Кротов, руководитель аппарата Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по делам Содружества Независимых Государств, евразийской интеграции и связям с соотечественниками («Экономическая безопасность как главная подсистема национальной мощи стран ОДКБ»), А. Л. Манилов, Председатель Координационной службы Совета командующих Пограничными войсками («Направления совершенствования регулирования пограничного сотрудничества в контексте обеспечения экономической безопасности»), А. А. Фатьянов, заведующий кафедрой государственно-правовых и уголовных дисциплин Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, член Экспертно-консультативного совета при Совете ПА ОДКБ («Вызовы и угрозы экономической безопасности государств — членов ОДКБ в контексте развития цифровой экономики: направления нормативного правового противодействия»), В. А. Нелюбин, глава делегации Секретариата Координационного совета генеральных прокуроров Содружества Независимых Государств («Организация взаимодействия на площадке Координационного совета генеральных прокуроров государств — участников Содружества Независимых Государств по обеспечению экономической безопасности стран Содружества»), Л. Г. Ивашов, президент Академии геополитических проблем («Природа современных войн и проблемы обеспечения международной безопасности»), В. Н. Колотов, заведующий кафедрой истории стран Дальнего Востока Санкт-Петербургского государственного университета, член Экспертно-консультативного совета при Совете ПА ОДКБ («Евразийская дуга нестабильности как основной инструмент стратегии торпедирования альтернативных интеграционных проектов ОДКБ и ЕАЭС»), И. Ф. Кефели, первый вице-президент Академии геополитических проблем, директор Центра геополитической экспертизы Северо-Западного института управления РАНХиГС, эксперт РАН, главный редактор научно-аналитического журнала «Геополитика и безопасность», заместитель главного редактора Международного научно-аналитического журнала «Евразийская интеграция: экономика, право, политика», член Экспертно-консультативного совета при Совете ПА ОДКБ («Взаимосвязь коллективной, региональной и глобальной безопасности в стратегическом развитии ОДКБ»), В. А. Дмитриев, научный сотрудник главной категории отдела Кавказа и Средней Азии Российского этнографического музея («Этническое как фактор коллективной экономической безопасности»), А. А. Марджанян, заместитель директора Научно-образовательного фонда «Нораванк» по научной работе, национальный эксперт ООН по энергетике («ОДКБ — современные вызовы. Взгляд из Армении»), А. Л. Баньковский, заместитель начальника Информационно-аналитического управления Государственного секретариата Совета Безопасности Республики Беларусь («Актуальные вопросы обеспечения информационной безопасности»), Д. В. Перевалов, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности Государственного учреждения образования «Институт пограничной службы Республики Беларусь», член Экспертно-консультативного совета при Совете ПА ОДКБ («Организационно-правовые проблемы формирования системы обеспечения экономической безопасности на пространстве ОДКБ»), М. В. Козлов, заместитель председателя Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по обороне и безопасности, член Постоянной комиссии ПА ОДКБ по вопросам обороны и безопасности («Роль и место экономической безопасности в гибридных войнах, как важнейшая составляющая национальной безопасности»), И. Н. Морозов, заместитель председателя Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по науке, образованию и культуре, член Постоянной комиссии ПА ОДКБ по политическим вопросам и международному сотрудничеству («Современные геополитические процессы и их влияние на состояние международной экономической безопасности»), Ю. В. Берладир, эксперт

ФСБ России («Проблемы обеспечения экономической безопасности государств — членов ОДКБ в условиях развития цифровой экономики»).

Свои доклады организационному комитету конференции также презентовали: В. Ю. Арчаков, заместитель Государственного секретаря Совета Безопасности Республики Беларусь («О концептуальных основах обеспечения информационной безопасности Республики Беларусь»), О. С. Макаров, начальник Информационно-аналитического управления Государственного секретариата Совета Безопасности Республики Беларусь («К вопросу о новых рисках в информационной сфере и реализации принципа „безопасность через развитие“»), Д. Ю. Камышанский, аспирант Института международного права и экономики им. А. С. Грибоедова («Особенности уголовно-правового определения по законодательству государств — членов ОДКБ субъектов преступлений коррупционной направленности»), Д. М. Курганов, вице-президент Национальной ассоциации экспертов экономической безопасности («О необходимости выработки комплексных мер противодействия экономическим гибридным угрозам в рамках ОДКБ»), В. А. Ананьев, директор Независимого научного фонда «Институт проблем безопасности и устойчивого развития», член Экспертно-консультативного совета при Совете ПА ОДКБ («Отдельные вопросы правовой институализации содействия гражданского общества обеспечению экономической безопасности государств — членов ОДКБ»), А. М. Воронов, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, эксперт РАН, член Экспертно-консультативного совета при Совете ПА ОДКБ («Актуальные вопросы администрирования миграционных процессов на пространстве ОДКБ в современных условиях»), С. Л. Ткаченко, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, эксперт Международного института мониторинга развития демократии, парламентаризма и соблюдения избирательных прав граждан государств — участников МПА СНГ («Политическая экономия национальной безопасности: глобальный опыт и уроки для государств — членов ОДКБ»), В. В. Колесников, заведующий кафедрой общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Университета Генеральной прокуратуры Российской Федерации («Экономическая безопасность и проблемы минимизации „провалов“ государства»), В. А. Фарбер, заведующий кафедрой экономики и права Института безопасности жизнедеятельности Санкт-Петербургского университета государственной противопожарной службы МЧС России («Развитие внешнеэкономической деятельности стран ОДКБ как фактор укрепления региональной экономической безопасности»), В. В. Негреева, доцент кафедры экономики и права Санкт-Петербургского университета государственной противопожарной службы МЧС России («Кадровое обеспечение и экономическая безопасность организации»), В. И. Прасолов, доцент кафедры «Анализ рисков и экономическая безопасность» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации («Гибридные угрозы и особенности экономического противостояния нового типа»).

В ходе мероприятий особо подчеркивалась необходимость оперативной выработки общих законодательных подходов к вопросам обеспечения экономической безопасности в условиях осуществления курса на развитие цифровой экономики. Как напомнил в своем выступлении И. Н. Морозов в данной связи: «У нас не должно быть иллюзий, что та или иная страна ОДКБ может в одиночку выдержать давление, которое будет нарастать, потому что США борются за сохранение своего лидерства».

Материалы конференции опубликованы отдельным сборником и в виде отдельных законодательных инициатив найдут отражение в проекте Программы деятельности ПА ОДКБ по гармонизации и сближению национального законодательства государств — членов ОДКБ на 2021–2025 гг.

Секретариат Парламентской Ассамблеи ОДКБ

Рекомендации Международной научно-практической конференции по проблематике экономической безопасности как неотъемлемой составляющей коллективной безопасности и межпарламентских слушаний «Военно-политические и политико-экономические факторы, влияющие на формирование общности стратегических интересов государств — членов ОДКБ, в контексте тенденций субрегиональной безопасности»

Санкт-Петербург

События последних лет убедительно показывают, что раздел зон влияния, возникший вследствие дезинтеграции СССР, не устроил наиболее мощные державы, и на «мировой шахматной доске» начался очередной раунд геополитических игр за создание новой конфигурации евразийского и мирового порядка. При этом основным полем битвы вновь стала Евразия, в том числе зона ответственности ОДКБ. Планы по созданию «азиатского НАТО» уже в краткосрочной перспективе могут привести к переходу от прокси-войн к открытым враждебным действиям в отношении ОДКБ с более явным участием западных военных советников и спецподразделений наиболее близких азиатских партнеров.

Учитывая мнения, высказанные в ходе межпарламентских слушаний «Военно-политические и политико-экономические факторы, влияющие на формирование общности стратегических интересов государств — членов ОДКБ, в контексте тенденций субрегиональной безопасности», состоявшихся в рамках конференции, и понимая, что нельзя оставлять без внимания подобные процессы, участники конференции:

1. Выступают за укрепление экономического и военно-политического сотрудничества, как основы формирования системы коллективной безопасности — залога свободного развития и процветания государств — членов ОДКБ.

2. Отмечая возросший уровень противостояния Запада и Востока, подчеркивают, что стремление решать экономические, военно-политические и правовые проблемы путем шантажа и санкций лишь накаляет международную обстановку, препятствуя конструктивному межгосударственному диалогу и взаимоприемлемому разрешению проблем.

3. Осознавая глобальную опасность экономических войн и гибридных операций как для мировой экономики в целом, так и для ее региональных секторов, отмечают, что координация между действующими структурами ОДКБ учебного, представительского, аналитического и управленческого характера должным образом не налажена, и рекомендуют государственным органам экономического управления совместно с объединениями предпринимателей ускорить разработку и внедрение многосторонних проектов сотрудничества, а также реализацию совместных инвестиционных проектов в экономике, социальной и гуманитарной сферах, что позволит существенно снизить негативное влияние недружественной санкционной политики отдельных государств или их объединений.

4. Принимая во внимание, что существующая система правового регулирования отношений, складывающихся в процессе развития цифровой экономики, в большинстве стран мира отстает от вызовов новых технологических возможностей, отсутствует классификация и методика оценки угроз цифровой экономике, подчеркивают, что особого внимания заслуживают совместные усилия по выработке детальных подходов к целенаправленному совершенствованию национального законодательства государств — членов ОДКБ, направленного на противодействие угрозам в указанной сфере. Обращают внимание на то, что современный этап нормативного регулирования цифровой экономики является переходным, обладает высокой степенью неопределенности, характеризуется низкой сопряженностью экономического и юридического понятийных аппаратов, а складывающиеся отношения являются новыми и малоизученными даже в странах с высоким уровнем цифровизации экономик. В такой ситуации призывают государства — члены ОДКБ не допустить «огульного» нормотворчества, решающего лишь одну задачу — извлечение наибольших доходов хозяйствующими

субъектами при максимальном упрощении обращения информации, защита которой в условиях цифровизации экономики становится детерминантой, а успешность парирования данной угрозы определится адекватностью решения комплекса организационных, информационно-технических и правовых аспектов защиты информации, с превалированием последних.

5. Понимая необходимость дальнейшего совершенствования и развития военно-технического потенциала для обеспечения коллективной безопасности и реализуя положение Стратегии коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 г. (от 14 октября 2016 г.) о «зоне ответственности ОДКБ», рекомендуют продолжить работу по углублению взаимовыгодного сотрудничества в военно-технической сфере, направленного на поддержание научно-технического и производственно-технологического потенциалов государств в области разработок, производства, обслуживания, ремонта и модернизации продукции военного назначения в интересах национальных вооруженных сил, других войск, воинских формирований, правоохранительных органов и специальных служб государств — членов ОДКБ. В качестве конкретного шага предлагают создать единый банк данных научно-технологических организаций государств — членов ОДКБ, которые потенциально могут участвовать в совместных работах по линии ВПК.

6. Осознавая первостепенную важность нормативного обеспечения совместных усилий по укреплению коллективной безопасности, констатируют необходимость уделить особое внимание в законопроектной деятельности Парламентской Ассамблеи ОДКБ комплексному нормативно-правовому противодействию современным (гибридным) угрозам и террористической угрозе, в том числе в контексте обеспечения экономической безопасности. Обращаются к государствам — членам Организации с призывом принять меры по ускорению формирования единого правового пространства в сфере обороны и безопасности на всей территории государств — членов ОДКБ, развитию и совершенствованию нормативно-правовой базы Организации в указанных целях.

7. Полагают необходимым обеспечить парламентское реагирование на кризисные ситуации не только на пространстве государств — членов ОДКБ, но и за его пределами. Парламентская Ассамблея ОДКБ располагает потенциалом, позволяющим ей стать правотворческой и экспертной площадкой, объединяющей парламентариев ОДКБ и ШОС, а также других государств мира, разделяющих заявленный на Ереванской (2016 г.) сессии Совета коллективной безопасности ОДКБ подход к отношениям с членами мирового сообщества исключительно на основе принципов равенства, неделимости безопасности, разрешения проблем политико-дипломатическими методами.

8. Призывают государства — члены Организации в соответствии со статьей 11 Устава Организации Договора о коллективной безопасности (от 7 октября 2002 г., с изменениями, внесенными Протоколом о внесении изменений в Устав Организации Договора о коллективной безопасности от 7 октября 2002 г., подписанным 10 декабря 2010 г.) решить вопросы, связанные с завершением оформления нормативной правовой основы деятельности Парламентской Ассамблеи ОДКБ, а также надлежащей правовой реализации приданного ей статуса уставного органа Организации.

9. Констатируя, что на основе проведенного анализа прогнозируется ухудшение ситуации в зоне ответственности ОДКБ, поскольку стратегическая инициатива предоставлена враждебно настроенным государствам, а разработка эффективной контрстратегии реально не видна и поиск потенциальных союзников на международной арене идет неэффективно, предлагают изучить возможность дополнения нормативных документов в сфере обеспечения национальной безопасности описанием новых угроз в виде системы дуг нестабильности, состоящей из восьми сегментов разной степени готовности, которые ее производят и экспортируют в направлении ОДКБ.

Отмечают, что если на сегодняшний день в нормативных документах государств — членов ОДКБ описаны лишь угрозы второго уровня, а порожденная системой дуг нестабильности основная угроза первого уровня в нормативном поле не обозначена, то и работа по противодействию ей не ведется. Если не изменить ситуацию, то, постоянно отступая, придется тратить ресурсы на парирование угроз второго уровня: бороться не с причиной, а с порожденными ею симптомами, что и происходит в настоящее время. Игнорирование этого условия может привести к тяжелым последствиям в сфере обеспечения национальной безопасности.

Исходя из этого, предлагают рассмотреть возможность активизации научного и культурного сотрудничества между государствами — членами ОДКБ в целях изучения общих проблем евразийской безопасности, а также управления «мягкой силой» государств — членов ОДКБ на территории их жизненно важных интересов.

10. Понимая, что государственные границы на постсоветском пространстве достаточно «прозрачны», полагают целесообразным приступить к разработке модельного акта ОДКБ, направленного на совершенствование законодательства государств — членов ОДКБ в сфере пограничной безопас-

ности на общей унифицированной основе, необходимой для обеспечения коллективной безопасности, а также ускорить разработку законодательных мер для государств — членов Организации в отношении закрепления в национальных правовых системах институтов:

- ограничения (запрета) въезда определенным категориям иностранных граждан, причастным к террористической деятельности;
- ограничения (запрета) выезда гражданам в государства с повышенным уровнем террористической опасности и на отдельные территории без признанного международным сообществом правового статуса, где ведутся военные действия;
- применения мер принуждения в отношении иностранных граждан, чье пребывание на территории государства въезда, как из числа дальнего зарубежья, так и государств — членов ОДКБ, представляет угрозу безопасности и национальным интересам государства въезда.

Выражают уверенность в том, что решение указанных задач усилит правовые позиции государств — членов ОДКБ в успешном решении проблемы противодействия терроризму и экстремизму, позволит на системной основе существенно снизить уровень угроз, исходящих от международных террористических организаций.

11. Учитывая тот факт, что стратегия Запада направлена на торпедирование неподконтрольных им интеграционных проектов (ЕАЭС, ОПОП и пр.) и ближайшими целями станут государства, связанные с реализацией данных проектов, единственным «ребром жесткости» которых является ОДКБ, призывают государства — члены Организации в качестве первоочередной меры рассмотреть создание единого центра оперативного реагирования на информационные вбросы и дезинформацию со стороны враждебных идеологических ресурсов.

12. Учитывая в современных гибридных реалиях возрастающую роль информационного противоборства в достижении военно-политических и экономических целей, призывают уделять повышенное внимание формированию информационного пространства, содействующего укреплению в сознании народов государств — членов ОДКБ понимания общности стратегических интересов, созданию контента, нацеленного на сплочение всех социальных слоев.

Рецензия на монографию «Глобальный мир: столкновение интересов»

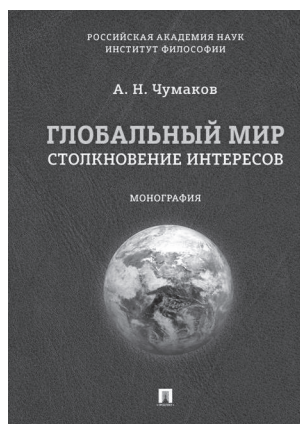
Шевченко В. Н.

Институт философии РАН, Москва, Российская Федерация; vladshevchenko@mail.ru

Review of the monograph "Global World: Clash of Interests"

Vladimir N. Shevchenko

Institute of Philosophy of RAS, Moscow, Russian Federation; vladshevchenko@mail.ru

Чумаков А. Н. Глобальный мир: столкновение интересов : монография. Москва : Проспект, 2018. 512 с.
ISBN 978-5-392-27416-1

Рецензируемое монографическое исследование Александра Николаевича Чумакова является завершающим в задуманной автором много лет назад трилогии. Первая ее часть под названием «Глобализация. Контуры целостного мира» была опубликована в 2005 г. и к настоящему времени вышла уже тремя изданиями. Вторая книга «Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст» была издана в 2006 г. Спустя год она также была переиздана. Эти книги были положительно встречены научной общественностью. Следует сразу же подчеркнуть, что все три книги не просто тесно связаны между собой, поскольку они посвящены современным проблемам глобализации. Они прочно связаны единой логикой последовательного раскрытия, реализации главной идеи автора о судьбе современного человечества в эпоху глобализации, что, безусловно, нужно поставить в заслугу автору.

В первых двух главах последней книги трилогии автор предлагает читателю обширную панораму современного мира, который постепенно переходит из эпохи многоаспектной глобализации к тотальной глобализации. Мир становится все более целостным, взаимозависимым. И по мере углубления этого становления к прежним проблемам добавляется все больше новых проблем, угроз и противоречий. При этом человечество остается гетерогенным, разделенным на отдельные части, которые не только сотрудничают и конструктивно взаимодействуют, но и конкурируют и откровенно враждуют. Автор умело выстраивает и раскрывает всю сложную структуру этого гетерогенного мира, выделяя в нем Западный мир, Евразию, Китай, ряд больших государств, как он называет Индию, Бразилию, ЮАР, Исламский конгломерат, а также ряд локально значимых государств, прежде всего Аргентину, Мексику, Казахстан.

Центральная задача, которую в целом успешно решает автор, состоит в том, чтобы показать структуру и динамику изменений глобального мира, вероятные пути его дальнейшей эволюции в качестве сложной, иерархической культурно-цивилизационной системы. В центр своего исследования А. Н. Чумаков выдвигает проблематику интересов. Миром правят интересы, и многие формы как взаимного сотрудничества, так и конфронтации порождены столкновением интересов. В результате этой непрекращающейся ни на минуту борьбы мир становится все более неуправляемым и хаотичным. Подкрепляется это положение интересным анализом (в гл. 3) целого ряда макросдвигов в современном глобальном мире, таких как масштабное переселение огромных человеческих масс, международный терроризм, транснациональная преступность, внедрение современных информационных технологий во все сферы общественной жизни и т. д.

Автор совершенно прав, когда говорит о том, что новый мировой порядок является насущным велением времени. Он ставит, пожалуй, самый актуальный вопрос современности, а именно

вопрос о том, можно ли сегодня надеяться на эффективное управление глобальным миром. Большой интерес в этой связи представляет гл. 5, в которой рассмотрены теоретические вопросы управления сверхсложными системами. Из рассмотрения этих вопросов становится понятным, что сегодняшнего уровня знаний здесь явно не хватает. Но главное еще и в другом. Мировое сообщество, представленное национальными государствами, всегда было и теперь являет собою многополярную систему, в которой необходимо находить консенсус по принципиальным вопросам, касающимся управления всей сверхсложной системой. А с консенсусом здесь много проблем. Поэтому перспективы глобального управления пока представляются весьма туманными и неопределенными. А упования на мировое правительство, и здесь автор прав, выглядят в этой ситуации утопичными, не имеющими на сегодняшний день прочных и понятных оснований для реализации. Решающей преградой на этом пути становится множество самых разных противоречий, существующих в мире, которые доминируют над слабыми и разрозненными попытками к глобальному взаимопониманию и сотрудничеству.

Автор вполне доказательно делает вывод о том, что формирование глобально ориентированного мировоззрения является велением времени и необходимым условием эффективного взаимодействия и в конечном счете выживания единой мировой культурно-цивилизационной системы. При этом результативным такое взаимодействие может стать только при взаимном учете всеми сторонами глобального взаимодействия национальных особенностей и культурного разнообразия всех существующих на планете народов.

А. Н. Чумаков глубоко прав в том, что полностью избавиться от глобальных проблем уже никогда не удастся. И дело теперь заключается в том, чтобы научиться жить с такими проблемами. Остается только добавить, что автор не занимает пессимистических позиций и не стоит на позициях неизбежного наступления апокалипсиса. Позиция автора по всем затронутым вопросам прописана четко и последовательно. Но автор не отвергает возможности других подходов к решению актуальных проблем. И это также нужно отметить как безусловное положительное качество.

В заключение следует сказать, что новая книга А. Н. Чумакова содержит огромный и самый разнородный фактический материал, который очень трудно поддается аналитической обработке под углом зрения борьбы интересов, ведущейся в сегодняшнем гетерогенном мире. Автор продемонстрировал глубокое понимание рассматриваемых проблем, при этом книга написана живым и доступным языком. Уверен, что и третья, заключительная часть трилогии А. Н. Чумакова «Глобальный мир: столкновение интересов» не залежится на книжных полках магазинов, как и предыдущие две его книги.

Об авторе:

Шевченко Владимир Николаевич, главный научный сотрудник сектора философских проблем политики Института философии РАН (Москва, Российская Федерация), доктор философских наук, профессор; vladshevchenko@mail.ru

About the author:

Vladimir N. Shevchenko, Chief Researcher of the Sector of Philosophical Problems of Politics, Institute of Philosophy, RAS (Moscow, Russian Federation), Doctor of Science (Philosophy), Professor; vladshevchenko@mail.ru

Промышленная политика в Евразийском Экономическом Союзе: три года интеграции. — М. : ЕЭК, 2018. — 119 с.

В книге подводятся итоги работы Евразийского Экономического Союза в 2015–2017 гг. Раскрываются основные тенденции развития промышленного комплекса ЕАЭС и структура деятельности органов ЕАЭС, принимающих решения в сфере промышленности. Основное внимание уделяется анализу этапов развития евразийской интеграции в промышленной сфере и правовых основ промышленной политики ЕАЭС. Подробно раскрываются проблемы кооперационного промышленного сотрудничества, которые являются наиболее приоритетными для интеграционных процессов на территории ЕАЭС, международного сотрудничества, перспектив интеграции и обеспечения устойчивого развития промышленности стран — членов ЕАЭС.

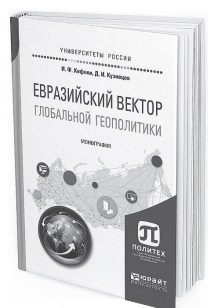

Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте : коллективная монография / отв. ред. В. Г. Барановский, В. В. Наумкин; Ин-т востоковедения РАН. — М. : ИВ РАН, 2018. — 556 с.

ISBN 978-5-89282-818-5

Предлагаемая читателю монография подготовлена коллективом ученых разных поколений, работающих в институтах Российской академии наук и университетах. Они поставили своей целью анализ грандиозных трансформаций, которые разворачиваются буквально на наших глазах в широком ареале Ближневосточного региона. Здесь происходит высвобождение огромной социальной энергии, сопровождающееся мощными выбросами как во внутриобщественную среду, так и на международную арену. Возникающие на этой волне проблемы обещают стать одной из главных тем международно-политического развития XXI века. Авторский коллектив объединили две ключевые мысли. Во-первых, о том, что исследование надо провести на стыке исторического и политологического подходов. Во-вторых, о необходимости учитывать крайне противоречивое взаимодействие тенденций, развивающихся на глобальном уровне и в региональном контексте.

Книга адресована как специалистам-востоковедам, так и всем, кого интересует судьба этого интереснейшего региона мира.

Кефели И. Ф. Евразийский вектор глобальной геополитики : монография / И. Ф. Кефели, Д. И. Кузнецов. М. : Юрайт, 2018. 274 с. (Серия: Университеты России). ISBN 978-5-534-06678-4.

Книга посвящена исследованию процесса смены геополитических эпох — от традиционной Большой Европы к Большой Евразии. Смена геополитических эпох определила исторический ракурс геополитики как объективно разворачивающейся глобальной истории. Философия геополитики, как раздел политической философии, охватывает мировоззренческие и методологические основания глобальной (цивилизационной) геополитики. Авторы особое внимание уделили анализу истоков, содержания евразийской геополитики и геополитических контуров Евразийского экономического союза, а также перспективам осуществления проекта «Большая Евразия».

Книга рекомендуется работникам органов государственного управления, сферы науки и образования, студентам, обучающимся по направлениям и специальностям «География», «Международные отношения», «Политология», «Регионоведение», «Социология», «Философия», и аспирантам, изучающим дисциплину «История и философия науки и техники».

ПРАВИЛА
оформления статей, принимаемых к рассмотрению редакцией
международного научно-аналитического журнала
«ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА»

1. Автор(-ы) представляет(-ют) в редакцию электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Объем представляемых для публикации статей не должен быть меньше 16 000 знаков с пробелами. Оригинальность статьи должна быть не менее 65%. Все материалы проверяются системой «Антиплагиат».
 2. Каждая статья должна быть сопровождена сведениями об авторе(-ах) (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество полностью; место работы; должность; ученая степень; ученое звание; адрес электронной почты. После указания места работы обязательно указывается город и страна.
 3. Рукопись статьи должна содержать реферат (аннотацию) и ключевые слова. Статьи без реферата (на русском и английском языках) не рассматриваются. Реферат не должен содержать ссылки и аббревиатуры. Объем ограничен 250–300 словами. В реферате обязательно указываются: Цель, Методы, Результаты, Выводы (по 1–2 предложения для каждого пункта).
 4. Рукопись статьи должна содержать ключевые слова. Обычно — 5–6 слов. Термины-словосочетания считаются одним ключевым словом. Желательно избегать составных ключевых слов. В состав ключевых слов не рекомендуется включать слова, содержащиеся в названиях статьи.
 5. Сокращения и аббревиатуры должны быть расшифрованы при первом их употреблении (в скобках в тексте или под текстом).
 6. Список литературы в конце статьи дается в алфавитном порядке. В случае, когда цитируется англоязычная работа, обязательно ссылаться на оригинал, а не на русскоязычный перевод. В тексте дается ссылка в квадратных скобках, например [7, с. 625].
 7. Ссылки на официальные сайты, правовые и законодательные акты, архивные материалы, учебники/учебные пособия, словари и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи.
 8. Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов WordArt в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в тех форматах, в которых они были сделаны (объекты должны давать возможность редактирования). Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком/подписью, продублированными на английский язык. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.
- Формулы должны быть набраны в редакторе Microsoft Equation, где их набор более корректен; также возможен набор формул в MathType ... Equation.
- Простые строчные формулы желательно набирать с клавиатуры, не используя формульный редактор.

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Сведения об авторе:

Иванов Иван Иванович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

Заведующий кафедрой

Доктор философских наук, профессор

E-mail:

Телефон:

2. Краткие затекстовые ссылки:

В тексте:

А. В. Виленский называет его «своего рода „золотым легионом“ постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире: Политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М.: Наука, 2004.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках:

– монографии:

Филиппов Г. Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2008.

– статьи в научных сборниках:

Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М. : Прогресс, 1972.

– публикации в многотомных изданиях:

Ирвинг В. Собр. соч.: в 5 т.: пер. с англ. М. : ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.

Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. М. : Мир книги, 2003. Т. 7.

– статьи в научных журналах:

1. Кириленко В. П., Дронов Р. В. О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.

2. Шамахов В. А. К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.

– статьи в газетах:

Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.

– правовые акты:

О науке и государственной научно-технической политике: федер. закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.

О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.

– архивные документы (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):

Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.

– электронные ресурсы оформляются следующим образом:

1. Манойло А. В. Объекты и субъекты информационного противоборства [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии. Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar24.htm> (дата обращения: 23.02.2016).

2. Образ врага. Все об «Аль-Каеде» [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: <http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/> (дата обращения: 20.09.2017).

2018. № 3 (25)

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА

Международный научно-аналитический журнал

Выходит 4 раза в год
Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. В. АНТОНОВА

Корректоры
И. Ю. СЕРОВА
Е. А. ЛЫСУНЕЦ

Верстка С. И. ШИРОКОЙ

Сдано в набор 15.09.2018.
Подписано к печати 30.09.2018.
Формат 60×90¹/₈. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 6,75. Тираж 100 экз.
Заказ № 3/2018.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-72803 от 25 мая 2018 г.

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления — Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61
Тел. (812) 335-94-72